

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ) МИД РОССИИ

Центр военно-политических исследований МГИМО (У) МИД России
и ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»

ПО ЗАКАЗУ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА «КОНФЕДЕРАЦИЯ
ОБЩЕСТВЕННЫХ СИЛ ЗА ЕВРАЗИЙСКУЮ ИНТЕГРАЦИЮ»

ДОЛГОСРОЧНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ, ВОЙН И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В XXI ВЕКЕ

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ДОКЛАД

*Руководитель авторского коллектива
А.И. Подберезкин*

Издательство «МГИМО-Университет»
2014

УДК 327
ББК 66.4
Д64

Авторы:

*А. И. Подберёзкин, М. А. Мунтян, М. В. Харкевич, Г. Р. Ручкин,
Д. О. Салюков, О. Е. Родионов, А. Ю. Малов, С. Р. Цырендоржиев, А. В. Жуков*

Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке : аналитич. доклад / А. И. Подберезкин, М. А. Мунтян, М. В. Харкевич [и др.] ; рук. авт. коллектива А. И. Подберезкин ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО–Университет, 2014. — 175 с.

ISBN 978-5-9228-1173-6

Аналитический доклад Центра военно-политических исследований МГИМО(У) МИД России посвящен методологическим вопросам долгосрочного прогнозирования развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов. В докладе подробно рассматривается порядок формирования сценариев, анализируются существующие сценарии. Доклад может быть интересен как исследователям в области военно-политического планирования, так и лицам, принимающим решения.

**УДК 327
ББК 66.4**

ISBN 978-5-9228-1173-6

© Московский государственный институт
международных отношений (университет)
МИД России, 2014

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С. Е. НАРЫШКИНА

Аналитический доклад Центра военно-политических исследований МГИМО–Университета «Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке» посвящен проблеме прогнозирования развития международной стратегической обстановки в ходе войн и военных конфликтов, а также определению возможного характера, форм и содержания политического вооруженного насилия через 30–50 лет.

Трансформация форм и методов насилия в мировой политике ставит перед исследователями и государственными деятелями сегодня сложную задачу — подготовиться к будущей войне, которая совсем не похожа на все предыдущие конфликты. Авторы доклада справедливо подчеркивают, что искать новые характеристики войн и конфликтов будущего необходимо в современных тенденциях развития человеческой цивилизации, международных отношений. Определенное представление о конфликтах будущего дают нам уже сегодня кризисы в Ливии и Украине.

Аналитический доклад представляет несомненную теоретическую и практическую пользу, как для исследователей, так и специалистов, занимающихся вопросами военного и внешнеполитического планирования.

Председатель Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации

С. Е. Нарышкин

A handwritten signature in blue ink, consisting of several loops and a long horizontal stroke extending to the right.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ГЕНЕРАЛЬНОГО ДИРЕКТОРА ОАО «КОНЦЕРН ПВО „АЛМАЗ-АНТЕЙ“» Я. В. НОВИКОВА

В очередной раз рад представлять новый аналитический доклад Центра военно-политических исследований (ЦВПИ). Доклад «Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке» посвящен ключевой проблеме международных отношений и мирового развития — политическому насилию и его долгосрочному прогнозированию. Прогнозирование войн и стратегической обстановки всегда было нелегкой задачей. Сегодня, в условиях сверхбыстрых качественных изменений в системе международных отношений, сложность данной задачи возрастает многократно. Задача осложняется еще и качественной трансформацией самого института войны.

Внутренние конфликты все чаще становятся международными, а война уже не сводится исключительно к вооруженному насилию. Поэтому традиционные методы и подходы к прогнозированию войн и международных конфликтов неумолимо устаревают. Трансформация войны диктует необходимость поиска и использования качественно новых методов прогнозирования.

Сложность задач повышает ценность их решения. Авторский коллектив во главе с директором Центра военно-политических исследований А. И. Подберезкиным в рассматриваемом аналитическом докладе подошел к решению проблемы долгосрочного прогнозирования стратегической обстановки, войн и вооруженных конфликтов с точки зрения включенности института войны в международный и цивилизационный контекст. Исследователи убедительно доказывают, что характер будущих войн и конфликтов на длительную перспективу можно определить только с помощью анализа долгосрочных трендов в развитии человеческой цивилизации и международных отношений.

Системный взгляд на проблему вселяет уверенность в ее решении.

Генеральный директор
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»
Я. В. Новиков

A handwritten signature in blue ink, which appears to be 'Novikov', written in a cursive style.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

АСП	анализ стратегических прогнозов
АТР	Азиатско-Тихоокеанский регион
БЛА	беспилотный летательный аппарат
БРВЗ	баллистическая ракета «воздух–земля»
БРИКС	группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика
ВиВТ	вооружения и военная техника
ВКВ	Воздушно-космические войска
ВКО	воздушно-космическая оборона
ВПО	военно-политическая обстановка
ВПС	мировая военно-политическая система
ВТО	высокоточное оружие
ГЗЛА	гиперзвуковой летательный аппарат
ГНСР МО	группа негативных сценариев развития международной обстановки
ГНСЦР МО	группа нейтральных сценариев развития международной обстановки
ГПСР МО	группа позитивных сценариев развития международной обстановки
ГПУ	грунтовые пусковые установки
ЕврАзЭС	Евразийское экономическое сообщество
ЕС	Европейский союз
ЕТП	единое транспортное пространство
ИКАО	Международная организация гражданской авиации
КР	крылатая ракета
КСП ПРО	комплекс средств преодоления ПРО
ЛАГ	Лига арабских государств
МБР	межконтинентальные баллистические ракеты
МО	Международная обстановка
НАТО	Организация Североатлантического договора

Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов...

НТП	научно-технический прогресс
НЧК	национальный человеческий капитал
ОАЭ	Объединенные Арабские Эмираты
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВД	Организация Варшавского договора
ОДЭР	Организация за демократию и экономическое развитие
ООН	Организация Объединенных Наций
ОЭСР	Организации экономического сотрудничества и развития
ПРО	противоракетная оборона
РЛС	радиолокационная станция
СААРК	Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии
СВА	Северо-Восточная Азия
СЕ	Совет Европы
СЕАП	Совет евроатлантического партнерства
СЕНКООП	Сотрудничество центральноевропейских государств
СИПРИ	Стокгольмский институт исследования проблем мира
СКР	стратегические крылатые ракеты
СМП	Северный морской путь
СНБ	Совет национальной безопасности США
СНГ	Содружество Независимых Государств
СО	стратегическая обстановка
СПРН	система предупреждения о ракетном нападении
СЯС	Стратегические ядерные силы
ТАП	трансатлантическое партнерство
ТБ	тяжелый бомбардировщик
ТЛУ	транспортно-логистические услуги
ТТП	Транстихоокеанское партнерство
ЦИНК	Центр изучения национальных конфликтов
ЧЦ	человеческая цивилизация
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
ЮНЕСКО	Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры
ЯБЗ	ядерный боезаряд

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

Боевой порядок — построение подразделений для ведения боя.

Внутренний вооруженный конфликт — высшая форма внутригосударственного конфликта.

Военное планирование в Российской Федерации — составная часть военных мер организации обороны Российской Федерации, заключающаяся в определении порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, их применения и всестороннего обеспечения. Посредством военного планирования определяется последовательность действий по достижению целей планируемых процессов — ведения обороны, военного строительства, обеспечения обороны, информационного противоборства и управления обороной Российской Федерации.

Военно-политическая обстановка (ВПО) — состояние мировой военно-политической системы в определенный период времени, характеризующее составом субъектов военной политики, их состоянием и особенностями военно-политических отношений между ними. ВПО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов военно-политических отношений в отношении других.

Военно-политические отношения — процесс взаимодействия субъектов военной политики во внешнеполитической, военной, социально-политической, экономической, идеологической и других сферах, в ходе которого проявляются их национальные, государственные, коалиционные и иные интересы. Военно-политические отношения в каждой сфере взаимодействия представляют собой определенную совокупность акций, мероприятий, проводимых субъектами военной политики в целях реализации своих интересов, достижения определенного их баланса, соотношения. Процесс взаимодействия субъектов военной политики имеет определенные фазы (этапы) развития, различающиеся степенью напряженности военно-политических отношений.

Государственная программа Российской Федерации — система мероприятий (взаимозавязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности, определенных в концепции долгосрочного социально-экономического развития или Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Государственная программа субъекта Российской Федерации — увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс мероприятий, направленный на наиболее эффективное решение задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации.

Государственное прогнозирование — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с участием общественных, научных и иных организаций по разработке научно обоснованных представлений о возможных рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации, направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Государственное стратегическое планирование — деятельность органов государственной власти, с участием общественных, научных и иных организаций направленная на решение стратегических задач.

Государственное стратегическое планирование (стратегическое планирование в Российской Федерации) — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, общественных, научных и иных организаций по государственному прогнозированию, программно-целевому планированию и стратегическому контролю, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности.

Документ государственного стратегического планирования — документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая органами государственной власти и иными участниками государственного стратегического планирования в соответствии с требованиями, установленными нормативными правовыми актами.

Задача социально-экономического развития — ограниченный по времени комплекс взаимосвязанных мероприятий в рамках направления достижения цели социально-экономического развития.

Качественные показатели — оценки состояния МО и ВПО в настоящее время и в будущем, выраженные числом, характеризующие отношения двух однородных показателей.

Качественные показатели — субъективные показатели, не поддающиеся количественным измерениям, либо являющиеся производными от таких измерений.

Количественные показатели — физические, экономические, социологические, математические и иные показатели, предполагающие количественное измерение.

Концепция (Стратегия) долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий систему научно обоснованных представлений о долгосрочных целях, внешних и внутренних условиях социально-экономического развития Российской Федерации.

Корректировка документа государственного стратегического планирования — частичное изменение текста документа без изменения периода, на который разрабатывался документ государственного стратегического планирования.

Критическое (пороговое) значение показателя обеспечения национальной безопасности — количественная характеристика угрозы национальной безопасности.

Маневр — организованное передвижение войск в ходе боя в целях занятия выгодного положения по отношению к противнику и создания необходимой группировки сил и средств, а также перенос или перенацеливание ударов и огня для наиболее эффективного поражения противника. Видами маневра являются охват, обход, отход и маневр ударами и огнем.

Маневр ударами и огнем заключается в одновременном или последовательном их массировании (сосредоточении) по важнейшим объектам противника, а также в перенацеливании их на новые объекты.

Международная обстановка — состояние мировой системы международных отношений в определенный период времени, характеризующееся составом субъектов (государственных, международных и негосударственных) мировой политики, ведущими мировыми тенденциями и отношениями между ними. МО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов в отношении других.

Метод оценки критериев и показателей — психофизический метод оценки степени уверенности (5–7) эксперта в правильности того или иного критерия или показателя.

Методическое обеспечение государственного стратегического планирования — требования и рекомендации по разработке документов государственного стратегического планирования.

Методологическая база военного планирования в Российской Федерации — разработанная (уточненная) в ходе подготовки к очередному этапу военного планирования совокупность процедурных знаний, применяемых для обоснования (прогнозирования) на определенный временной период процессов ведения и обеспечения обороны, военного строительства, информационного противоборства и управления обороной Российской Федерации, системы обеспеченных ресурсами мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации.

Мировая военно-политическая система (ВПС) — совокупность субъектов военной политики, взаимосвязь между которыми осуществляется посредством военно-политических отношений. В структуре мировой ВПС могут выделяться региональные ВПС и внутригосударственные ВПС.

Мониторинг реализации документов государственного стратегического планирования — деятельность по комплексной оценке основных показателей, а также бюджетных обязательств.

Облик военной организации государства — совокупность количественных и качественных параметров (показателей), характеризующих возможности, состав, структуру, численность, техническую оснащенность, а также системы управления и всестороннего обеспечения военной организации.

Обход — более глубокий маневр, совершаемый подразделениями для удара по противнику с тыла.

Огонь — это одновременное поражение противника стрельбой из различных видов оружия. Он ведется с задачей уничтожения, подавления и изнурения противника или разрушения его объектов. Виды огня представлены на рис.

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного планирования, определяющий задачи социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности на среднесрочную перспективу.

Отраслевой документ государственного стратегического планирования — документ, в котором определены цели, приоритеты и задачи развития и обеспечения национальной безопасности, в соответствующей отрасли или сфере социально-экономического развития Российской Федерации.

Отход — маневр, применяемый в целях вывода своих войск из-под ударов превосходящих сил противника, выигрыша времени и занятия более выгодного рубежа. Отход проводится только по разрешению или приказу старшего командира.

Охват — маневр, осуществляемый подразделениями в целях выхода для удара во фланг противнику.

План обороны Российской Федерации — комплекс взаимосвязанных документов военного планирования в Российской Федерации, разрабатываемый в целях обоснования и нормативного правового закрепления системы согласованных по срокам и обеспеченных ресурсами военных, правовых, политических, экономических и иных мер, реализация которых позволит обеспечить оборону и безопасность государства.

Планирование ведения обороны Российской Федерации — процесс определения военной организацией государства системы мер по стратегическому сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, вооруженной защите жизненно важных интересов государства от внешних и внутренних угроз.

Планирование военного строительства в Российской Федерации — процесс определения системы мер по строительству и развитию военной организации государства, направленных на перевод органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов, привлекаемых к выполнению задач в области обороны частей производственного и научного комплексов страны, в определенные качественные состояния, позволяющие в условиях планового периода обеспечить оборону и безопасность государства.

Планирование информационного противоборства Российской Федерации — процесс определения комплекса мер, осуществляемых военной организацией государства в интересах обеспечения национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере и достижения политических, экономических, военных и иных целей.

Планирование обеспечения обороны Российской Федерации — процесс выработки решений и разработки на их основе системы мер, определяющих цель, задачи, мероприятия обеспечения деятельности военной организации государства при выполнении ею задач по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации.

Планирование управления обороной Российской Федерации — процесс определения основ управления деятельностью военной организации государства при выполнении ею задач обороны в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время.

Показатели внутригосударственной военно-политической обстановки — данные, позволяющие оценивать состояние и процессы, происходящие в военно-политической, военно-социальной, военно-экономической, научно-технической, технологической и иных областях жизни страны.

Показатели межгосударственной обстановки — данные, по которым можно судить о состоянии и перспективах развития международной ситуации и положения России в мире.

Потенциал государства — совокупность материальных и духовных сил государства и общества.

Походный порядок — построение подразделений для передвижения в колоннах. Он применяется на марше при преследовании, при проведении маневра и должен обеспечивать высокую скорость движения, быстрое развертывание в предбоевой и боевой порядки.

Предбоевой порядок — построение подразделений, осуществляемое в целях сокращения времени на развертывание в боевой порядок, меньшей уязвимости от ударов всеми видами оружия.

Принципы стратегического прогнозирования — основные правила, объединяющие в действительности известную совокупность идей, связанных со стратегическим прогнозированием.

Приоритет социально-экономической политики — предпочтительные направления и способ действий по достижению целей социально-экономического развития, исходя из целесообразности, рациональности и эффективности.

Провоцирование международного конфликта — использование частной ситуации или искусственное создание такой ситуации в качестве повода для эскалации конфликта.

Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах научно-технологического развития РФ и субъектов РФ в долгосрочной перспективе.

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития Российской Федерации, в том числе субъектов Российской Федерации, на долгосрочный или среднесрочный период.

Прогноз социально-экономического развития субъекта Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный или среднесрочный период.

Прогнозирование социально-экономического развития — деятельность по разработке научно обоснованных представлений о направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, определению параметров социально-экономического развития Российской Федерации, достижение которых обеспечивает реализацию целей социально-экономического развития Российской Федерации и приоритетов социально-экономической политики с учетом задач национальной безопасности.

Программа социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации на среднесрочную перспективу и комплекс мероприятий по их достижению.

Программно-целевое планирование — деятельность, направленная на определение целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, приоритетов социально-экономической политики и национальной безопасности, а также формирование комплексов направленных на достижение этих целей и приоритетов мероприятий с указанием источников их финансового обеспечения.

Результат социально-экономического развития — фактическое (достигнутое) состояние экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое характеризуется количественными и (или) качественными показателями.

Система государственного стратегического планирования — совокупность участников государственного стратегического планирования, взаимоувязанных документов государственного стратегического планирования, характеризующих приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, и нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения государственного стратегического планирования.

Система документов государственного стратегического планирования — совокупность взаимосвязанных по стратегическим целям, задачам, срокам и источникам ресурсного обеспечения документов государственного стратегического планирования.

Стратегическая обстановка — вид военно-политической обстановки в определенный (конкретной) период времени в ходе конкретного конфликта или войны с участием конкретных субъектов ВПО

Стратегическая обстановка — вид военно-политической обстановки, представляющий собой состояние мировой (региональной, внутригосударственной) ВПС в определенный период времени в ходе военного конфликта между субъектами военной политики (фаза развития военно-политических отношений — военный конфликт). Стратегическая обстановка характеризуется особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения, факторами, влияющими на их ход и результаты.

Стратегические национальные приоритеты — важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности.

Стратегический прогноз рисков социально-экономического развития Российской Федерации и угроз обеспечения национальной безопасности — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о возможных стратегических рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации.

Стратегическое сдерживание — разработка и системная реализация комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства — агрессора (коалиции государств) в интересах обеспечения военной безопасности страны.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий стратегические национальные приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующий состояние национальной безопасности и уровень развития государства на долгосрочную перспективу.

Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели, приоритеты социально-экономической политики и задачи социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в долгосрочной перспективе.

Структура сценариев развития ВПО — последовательная совокупность действий элементов и субъектов ВПО и эволюция их устойчивых взаимосвязей как единой системы, обеспечивающих ее целостность и сохранение основных свойств при самых различных вариантах изменения внутреннего и внешнего характера.

Структура сценария — последовательная совокупность действий (актов, сцен, сюжетов).

Субъекты военной политики — государства, коалиции государств (военно-политические союзы), вооруженные силы государств, вооруженные формирования, не имеющие международного правового статуса, способные вырабатывать свою политику и генерировать различные мероприятия и действия, с помощью которых должны решаться политические задачи и достигаться поставленные политические цели.

Сценарии развития международной обстановки — детальный план (проект), существующий в виде документа или набора идей относительно долгосрочных политических и иных целей.

Сценарий — детальный план (проект), существующий в виде документа (пакета документов) или набора идей относительно долгосрочных политических и иных целей.

Сценарий развития военно-политической обстановки — описание состояния ВПО как составной части сценария развития МО и следствие одного из сценариев развития ЧЦ, которая характеризует состояние всей системы человеческой цивилизации в определенный период времени как совокупность взаимоотношений субъектов и последствий влияния внешних и внутренних факторов развития.

Сценарий текущей и прогнозируемой ВПО — существующий и будущий детальный план с участием основных действующих субъектов развития ВПО.

Удар — это одновременное поражение группировок войск и объектов противника путем мощного воздействия на них всеми имеющимися средствами или войсками.

Характер внешних угроз — разновидность типов угроз, зависящих от сферы их возникновения: политических, экономических, военных.

Характер войн и вооруженных конфликтов — структура относительно устойчивых связей, определяющих цели войн, средства достижения этих целей масштабы военных действий.

Характер войн и вооруженных конфликтов — структура относительно устойчивых связей, определяющих цели войн, средства достижения этих целей и масштабы военных действий.

Характер международных войн — совокупность наиболее важных черт и признаков современной войны как **конкретного** исторического явления, определяемого конкретными историческими условиями.

Цель социально-экономического развития — достижение состояния экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое определяется участниками государственного стратегического планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями.

Человеческая цивилизация (ЧЦ) — локализованное по времени и пространству современное человеческое сообщество, объединяющее нации, государства и отдельные социумы. В данной работе рассматриваются две основные формы ЧЦ: **глобальная ЧЦ**, как совокупная современная общность людей проживающих на планете, **локальная ЧЦ** — часть современно глобальной цивилизации, объединяющая цивилизационно близких людей.

Шкалы количественных и качественных показателей — оценка того или иного показателя для измерения его значения.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «постиндустриальное общество» делает упор на центральной роли теоретического знания как оси, вокруг которой выстраиваются новые технологии, экономический рост и новая стратификация общества.

Д. Белл

В течение 20 лет нас ждет либо тотальная постиндустриальная катастрофа, либо постиндустриальный переход с полной перестройкой жизненных факторов.

С. Перслегин

Внешняя политика России и стратегическая обстановка (СО) в мире в XXI веке стали предметом бурной дискуссии, разделившей общественное мнение и экспертов в России на два лагеря. Для первого из них события на Украине в 2014 году и последовавшие акции Запада оказались совершенно неожиданными. Они искренне полагали, что ухудшение отношений с США и ЕС во втором десятилетии было эпизодом, связанным во многом с В. Путиным и его личной политикой, который должен вскоре пройти.

Сторонники другой точки зрения, в том числе и авторы этого доклада, считают иначе, а именно: события на Украине стали одним из очередных звеньев нарастающей конфронтации между двумя ветвями христианской цивилизации — локальными цивилизациями Запада и Востока. Эта конфронтация к началу второго десятилетия уже фактически вылилась в силовую политику, которая совершенно по-новому описывает характер современной войны, а именно ее первый этап, когда собственно подготовка войны уже сопровождается активными силовыми и даже вооруженными действиями. Глава МИД РФ С. Лавров заявил в октябре 2014 года: «Наши партнеры, которые фактически ввели санкции, не скрывают, что цель этих мер — не

Украина. По сути, в их заявлениях и поступках постоянно сквозит истинная цель рестрикций — переделать Россию, изменить ее позицию по ключевым, принципиальнейшим для нас вопросам и заставить принять позицию Запада. Это прошлый век, прошлая эпоха, колониальное инерционное мышление»¹.

Тем не менее, Лавров выразил уверенность, что сейчас западные страны начинают осознавать «пагубность курса, направленного на то, чтобы наказывать Россию». «Нет никакого результата, потому что они хотят изменить нашу позицию, — сказал он. — Но в какую сторону? Нам говорят — „если вы поможете урегулировать кризис на Украине, мы отменим санкции; давайте мы вам выставим критерий: сделайте один шаг, обеспечьте, чтобы ополченцы пустили наблюдателей на границу с Россией“. Мы отвечаем очень просто — никакие критерии и условия такого рода выполнять и согласовывать не будем»². Проще говоря, война фактически уже началась, хотя формально ее никто и не объявлял. Впрочем, США в последнее десятилетие воевали более 10 раз против семи государств, не объявляя войны.

В настоящем докладе авторы пытаются показать, каким образом радикально изме-

нилась стратегическая обстановка и характер современных международных войн и конфликтов и как они, возможно, будут меняться в XXI веке. При этом они ни в коем случае не претендуют на абсолютную правоту и достоверность стратегического прогноза, а тем более — на точное описание основных особенностей будущих войн и конфликтов. Вместе

с тем вряд ли можно смириться с ситуацией, когда мы не знаем, что нас ждет и к чему готовиться. Тем более, что готовиться «ко всему», отражать «все угрозы» просто невозможно. Необходимо выбрать некие варианты, обосновать их и попытаться добиться их реализации. Собственно, этот доклад и является одной из таких попыток.

¹ Лавров: истинная цель санкций — заставить Россию принять позицию Запада. ИТАР-ТАСС, 2014. 19 октября / <http://itar-tass.com/politika/1517691>

² Там же.

ГЛАВА 1

АНАЛИЗ И ПРОГНОЗ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ, ХАРАКТЕРА ВОЙН И КОНФЛИКТОВ

Никто, даже самые выдающиеся ученые нашего времени, не знают по настоящему, куда ведет нас наука. Мы сидим в поезде, который, набирая скорость, мчится по рельсам с неизвестным количеством развилок и каждая из которых ведет в неизвестность. В кабине машиниста при этом нет ни одного ученого, а стрелочником может стать сам дьявол. Большая часть общества при этом находится в последнем вагоне и смотрит назад.

Р. Лэнг, американский писатель

... проблемы с исследованием содержания военного конфликта, родились не на пустом месте¹.

*Ю. Балувеский, М. Хамзатов,
военные аналитики*

Анализ и прогноз стратегической обстановки, международных и внутренних войн и конфликтов имеет как много общего, так и специфического. Вот почему в первой главе предполагается рассмотреть общие черты СО, войн и конфликтов, а также выделить специфику анализа и прогноза СО, рассмотрев специфику войн в последующих разделах.

1.1. Основы анализа стратегической обстановки и характера будущих войн и военных конфликтов

В долгосрочной перспективе мировая система развивалась по гиперболическому закону, или в режиме с обострением².

А. Белогорьев, В. Бушуев и др.

... до настоящего времени существуют нерешенные вопросы в отношении природы и сущности войны, а также содержания основных дефиниций, определяющих специфику данного явления применительно к конкретной исторической эпохе, в том числе и к современной политической действительности³.

*М. Бочарников, С. Лемешев,
военные эксперты*

Специфика развития сценариев СО, войн и конфликтов не означает, что их развитие принципиально отличается от развития сценариев человеческой цивилизации (ЧЦ),

Рис. 1.4

международной обстановки (МО) или военно-политической обстановки (ВПО). Наоборот, можно сказать, что конкретный сценарий СО в том или ином месте (времени, с участием и т. п.) является реализацией более общего сценария. И, что очень важно, не может ему противоречить. Так, формирование СО на Украине в 2014 году происходило под сильнейшим влиянием таких невоенных факторов, как социально-культурный и цивилизационный. В частности, языковой, когда «фронт» боевых действий фактически совпадал с гра-

ницей преобладающего населения, говорящего на русском языке.

Война, как известно, политический инструмент. Она нужна не сама по себе, а в качестве средства для достижений вполне конкретных политических целей, которые исходят, в конечном счете, из осознанных интересов правящих элит. Проблема в том, что эти политические интересы могут быстро меняться, а в XXI веке можно констатировать радикальное изменение в политических целях основных держав.

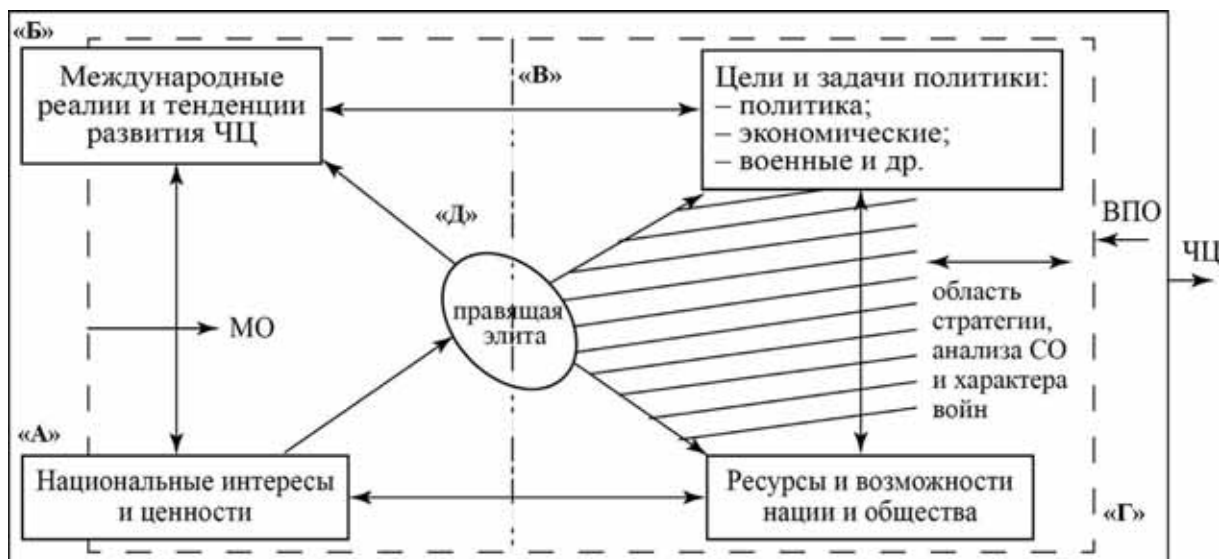

Рис. 2.

Рис. 3.⁵

Если вернуться к известному рисунку логической схемы политического процесса (рис. 2), то область анализа СО, характера международных и внутренних войн и военных конфликтов можно обозначить как заштрихованную часть, включающую часть факторов группы «Д», «В» и «Г».

Из этого рисунка видно также, что более общая часть — военно-политическая обстановка (ВПО), охватывает более широкую область политического процесса (обозначена на рисунке пунктиром), еще более общая — международная обстановка (МО) включает дополнительно международные реалии и ведущие тренды (группа факторов «Б») и часть системы национальных ценностей и интересов. Наконец, самая общая — ЧЦ, точнее совокупность всех локальных ЧЦ.

Очень важно понимать последовательность и приоритетность различных систем для того, чтобы правильно оценить СО и характер войн и конфликтов в XXI веке. В частности, и сегодня у значительной части правящей элиты и общества сохраняется миф о том, что война — это такой конфликт, который сопровождается массированным использованием ядерного оружия. Другими словами, если нет ядерной войны или, по крайней мере, крупномасштабной войны, то нет и войны вообще. Это опасное заблуждение, которое вызвано старым инерционным мышлением, при котором только массированные боевые действия означают войну. На самом деле

война, причем крупномасштабная, с Россией уже идет. И дело не в том, что есть жертвы и экономические потери, а в том, что политические цели такой войны вполне реализованы и реализуются. В частности:

- развален ОВД и СЭВ, а лидеры стран-союзниц СССР уничтожены или репрессированы;
- развален СССР и разделен на государства, часть которых вошла во враждебную военно-политическую коалицию
- развалена экономика России, а ее влияние в мире и возможность противодействовать контролю США сведено к минимуму;
- по периметру России создается союз враждебных государств и очагов напряженности;
- в Евразии спровоцирована серия постоянно существующих конфликтов и очагов нестабильности.

Можно по-разному описывать глобальную ВПО, но важно, чтобы такие оценки были реальными. Так, например, можно согласиться с бывшим советником НГШ И. М. Поповым, который описывает современную СО следующим образом (рис. 3).

Только понимая политическую часть СО, можно говорить о научном долгосрочном прогнозе развития различных сценариев военно-политической и стратегической обстановки. Логику такого исследования можно представить следующим образом (рис. 4).

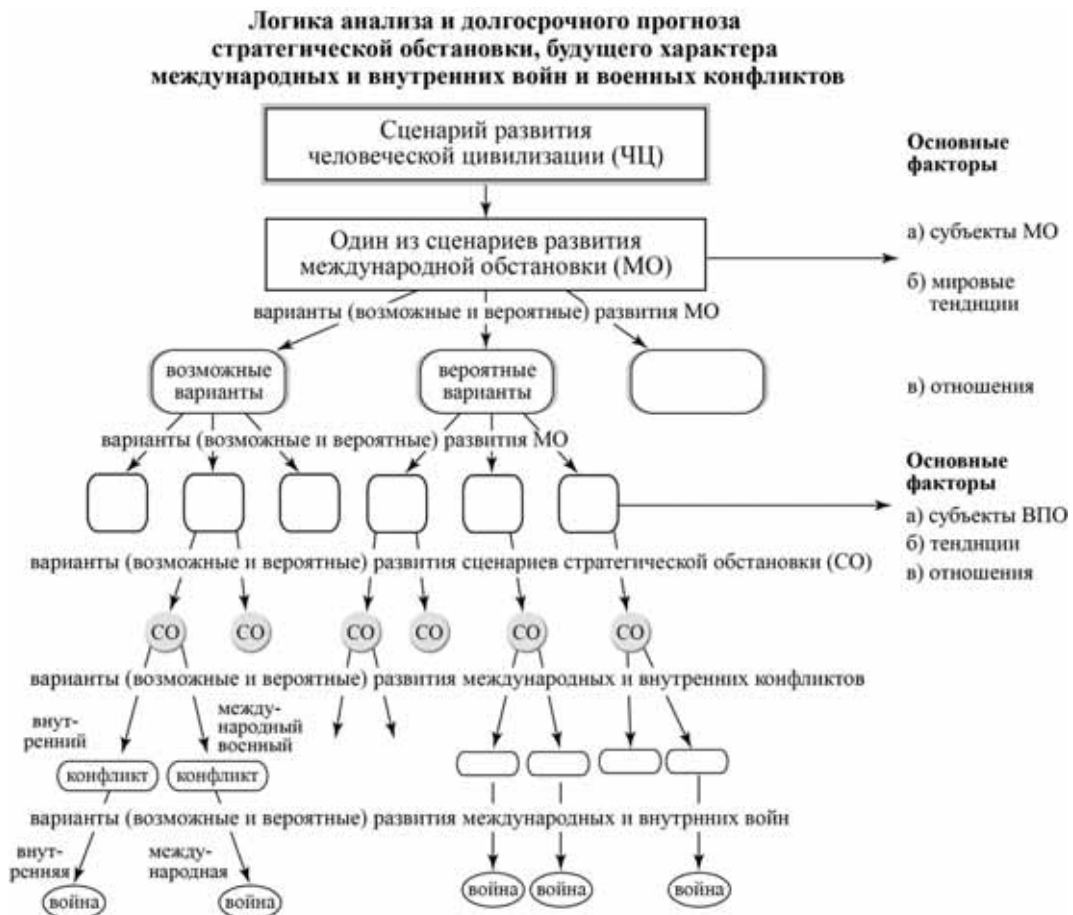

Рис. 4.

Конечные характеристики войн, конфликтов и стратегической обстановки зависят во многом и даже предопределяются состоянием ВПО, а также состоянием МО и трендами

в развитии ЧЦ, т. е. носят вполне объективный и закономерный характер, позволяющий осуществлять не только адекватный анализ, но и создавать долгосрочный прогноз.

1.2. Субъективность как основная характерная черта при анализе и прогнозе стратегической обстановки

Готовящиеся в МГИМО экспертные предложения нередко используются в процессе принятия государственных решений по многим внешнеполитическим вопросам...⁶.

*В. Путин,
Президент России*

Сегодня под теорией войны понимается некий перечень работ, изречений, выступлений и просто мнений авторов и специалистов разного уровня..., которые ... по вполне субъективным причинам считаются правильными и аксиоматичными⁷.

А. Владимиров

Субъективный характер любой стратегической обстановки (СО) и соответственно такой же субъективный характер ее анализа и стратегического прогноза вытекает естественно из ог-

ромного числа субъективных и частных факторов, влияющих на ее формирование. В отличие от ВПО, которая во многом детерминирована политическими, экономическими и иными ре-

алиями, СО является настолько динамичным явлением, что в ней субъективные факторы играют решающую роль.

При этом важнейшим аспектом, характеризующим СО и войну, является степень, глубина вовлеченности нации и страны в вооруженную борьбу потому, что даже незначительное участие отражается на всех областях жизни общества и государства. Как справедливо отмечают российские исследователи, «война представляет собой одно из двух состояний общества, противоположное миру. Она есть использование средств физического насилия для достижения политических целей. В условиях войны общество подвергается военному насилию и само применяет его. При этом вся жизнь социума подчиняется интересам ведения вооружённой борьбы, которая ведётся в форме согласованных и систематических военных действий. Без этого войны не бывает по определению»⁸.

Вместе с тем характеристики СО, войн и конфликтов значительно более субъективны по целому ряду параметров, что неизбежно предполагает множество переменных и новых характеристик. «Утрата государств-союзников, вывод войск, дислоцированных на их территории, распад социалистического содружества и затем Советского Союза привели к тому, что Россия оказалась на периферии не только европейской, но и в целом мировой политики во всех ее проявлениях. Данное положение значительно усугубляется тем, что в результате произошедшей трансформации Россия лишилась на Западе огромного предполья, глубиной свыше 1000 км. На этой территории были расположены ее наиболее боеспособные группировки Сухопутных войск, системы противовоздушного и противоракетного прикрытия и важные базы Военно-Морского флота. Оказались нарушены создаваемые десятилетиями достаточно эффективные глобальные системы связи, боевого управления, разведки, обеспечения жизнедеятельности войск. На территории России фактически остались лишь наименее боеспособные войска второго стратегического эшелона.

Таким образом, в результате распада СССР вокруг России сложилась военно-политическая обстановка, которая с определенной долей условности может быть сравнима с обстановкой 1937–1940 годов, когда Советский Союз оказался в так называемом «кольце недружественного окружения. И если в предвоенные годы наши-

ми противниками был создан кордон преимущественно по идеологическим основаниям, то в настоящее время — по геополитическим основаниям, в рамках реализации концепции «геополитического гетто»⁹. Функциональное предназначение его, согласно документам планирования Пентагона и Госдепартамента США, заключается в недопущении появления на постсоветском пространстве государства, аналогичному СССР в послевоенные годы¹⁰.

Иногда удивляешься, насколько гении могут предсказать (или спрогнозировать?) наши необходимые действия. Так, в 2014 году очевидно, что важнейшим приоритетом национальной стратегии должно быть опережающее развитие науки, наукоемких технологии и образования. В том числе и с точки зрения обеспечения военной безопасности. Но еще 100 лет назад В. И. Вернадский писал примерно в такой же ситуации, в какой сегодня оказалась Россия, что «после войны 1914–1915 гг. мы должны привести в известность и в учет естественные производительные силы нашей страны, т. е. первым делом должны найти средства для широкой организации научных исследований нашей природы и для создания сети хорошо обставленных исследовательских лабораторий, музеев и институтов, которые дадут опору росту нашей творческой силы... Это не менее необходимо, чем улучшение условий нашей гражданской и политической жизни...»¹¹.

Таким образом, у задачи анализа и прогноза СО есть казалось бы непреодолимое препятствие: множество субъективных факторов и переменных. Прогноз развития сценариев стратегической обстановки (СО) и возможного характера будущих войн и военных конфликтов — наиболее трудный предмет для анализа, а тем более стратегического прогноза, из всех возможных областей долгосрочного прогнозирования и стратегического планирования в силу следующих обстоятельств:

Во-первых, любая СО, военный конфликт или война (внешняя или внутренняя) являются уникальными со всех точек зрения, специфическими явлениями, которые не повторяются в точности, даже если они совпадают по месту и по времени, составу участников, применяемым ВиВТ, политической конфигурации и т. д. Эта уникальность проявляется в сугубой социальной, военной, политической и иной конкретности СО, войн и конфликтов, имеющих порой решающее значение. Уникальность любой СО

или войны (конфликта) заключается и в том, что их нельзя вырвать из общего контекста ВПО и МО. Они не просто являются их органической составной частью, но и непосредственно зависят от их развития. Нельзя «вырвать» войну и даже незначительный конфликт из всего контекста развития мировых событий — эволюционного, а тем более революционного, — хотя иногда это и пытаются делать. Именно «гибридность» является ключевым моментом в оценке войны, конфликта и СО. Не случайно ему на Западе уделяется исключительное внимание, в частности, в известной работе Г. Хоффмана, который следующим образом представляет себе развитие конфликта, отдавая при этом отчет о нарастающей степени риска по мере роста его интенсивности.

Рис. 5.¹²

«Гибридные угрозы, особенно со стороны таких государств, как Китай, Россия, Иран и Северная Корея, представляют наибольший операционный риск, который отражен на рисунке, в связи с более высокой интенсивностью конфликта и большей частотой возникновения. Этот пункт изображен в качестве «отправной точки» в кривой изменения спектра конфликтов, миссии и задачи которых сходятся во времени и не выполняются в линейном порядке»¹³.

Во-вторых, любой, а тем более будущий сценарий развития СО, войны или конфликта — системное явление, сочетающее множество постоянных и переменных факторов: природных, географических, политических, экономических, военно-технических и пр. Учесть необходимо максимальное большинство из них, ибо игнорирование даже самых изначальных (ошибки, например, в обмундировании войск или сроках военной кампании, приводили в 1812 и 1941 годах к серьезным военным поражениям), имеет

крупные последствия, причем не только положительные, но и отрицательные.

Развитие СО в долгосрочной перспективе предполагает неизбежную «смену парадигм», причем не только экономических, социальных и политических, но и военных. Поэтому качественный анализ, основанный на изучении глобальных тенденций развития, должен быть обязательным дополнением к количественному анализу государственной и военной мощи субъектов ВПО, который делается в настоящее время с привлечением все большего числа анализируемых факторов. В целом же обязательность системного подхода диктуется объективной сущностью природы войны, которая, по справедливому замечанию российских исследователей, может быть рассмотрена как:

- **средство**, используемое политиками для достижения своих целей. В таком аспекте война обращена к политическим лидерам, правительствам, государствам
- **процесс** взаимодействия, вооруженное столкновение, вооруженная борьба двух и более сопротивляющихся социальных субъектов. Этой ипостасью война обращена к вооруженным силам, к армии.
- определенное **состояние** общества во всех его измерениях, которое характеризуется доминантой вооруженного насилия и способом решения социальных задач. Этой стороной война обращена к обществу в целом. Графически это можно отразить с помощью схемы¹⁴.

Для понимания сущности войны необходимо учитывать также следующие ее признаки¹⁵:

- война есть социальное явление, самостоятельная область (сфера) общественной жизни, специальная социальная реальность;
- война — это макросоциальный конфликт в разобщенном обществе;
- наличие не менее двух субъектов, участвующих в ней;

Рис. 6.¹⁸

- цели и задачи этих субъектов противоположны;
- недостаток определенных ресурсов для достижения этих целей;
- наличие средств вооруженного насилия с обеих сторон;
- возможность и готовность их применения для разрешения противоречивых целей и задач субъектов (государств, социальных общностей);
- массовое широкомасштабное применение средств вооруженного насилия с обеих сторон.
- активное противодействие субъектов друг другу.
- юридический акт объявления состояния войны главами государств и (или) законодательными органами власти и другие.

Конечно, подобный перечень признаков войны не является исчерпывающим и может быть дополнен. По нашему мнению, определяющим признаком войны является военное насилие, то есть применение технических средств (оружия) для физического подавления врага, подчинения его своей воле. Это и составляет сущность войны в точном смысле этого слова.

В-третьих, анализ и стратегический прогноз СО, а также военных конфликтов и войн предполагает scrupulous учет многих переменных, которые трудно поддаются количественному анализу, а тем более прогнозированию. Так, если будущий объем ВВП в долгосрочной перспективе еще можно прогнозировать, то состояния науки, технологий, образования, а тем более кли-

мата или погоды в том или ином регионе через 25–35 лет — уже невозможно, хотя это и имеют большое значение. В этой связи особое значение для ВПО и СО приобретает такой фактор влияния, как стремительно растущие творческие возможности человека, качество национального человеческого капитала и институтов его развития¹⁶. Революционное, решающее значение этого фактора должно быть проанализировано особо¹⁷.

Важно, что попытки качественного анализа и прогноза в интересах СО возможны. Даже такие переменные величины как энергоемкость, мощность двигателей или потребности в энергоносителях могут прогнозироваться условно, хотя для современной войны, в результате ведения которой расходуются запасы топлива, нередко в недели превышающие все потребности государства за год, — задача ключевая: в ходе Второй мировой войны и событий на Украине, например, мы нередко становились свидетелями, когда небоевые потери бронетанковой техники превосходили боевые.

В качестве примера можно привести прогноз структуры потребляемых энергоносителей различным транспортом в 2000 и 2060 годах, исходя из того, что в настоящее время почти 100% техники использует жидкое углеводородное топливо (рис. 6). Из этого прогноза, например, видно, что бронетанковые соединения в будущем будут зависеть не от наличия углеводородов, а от других видов энергии, хотя сегодня большинство экспертов с этим выводом категорически и не согласятся.

Наконец, следует иметь в виду, что даже наличие нескольких сценариев и их вариантов развития СО не означает, что этим перечнем они ограничены. Более того, вполне вероятно, что каждый из перечисленных сценариев и вариантов может также развиваться по одному из теоретически возможных путей. Как минимум, «реалистическому», «пессимистическому» или «оптимистическому». На рисунке ряд зарубежных авторов показывают это следующим образом¹⁹. Это означает, что в дополнение к рисунку, описывающему логику вытекания сценариев развития СО, войн и конфликтов, необходимо добавить, как минимум, еще несколько.

Надо добавить, что анализируя и прогнозируя будущие сценарии СО, войн и конфликтов, мы неизбежно сталкиваемся с влиятельным негативным фактором, имеющим объективный и субъективный характер, — инерцией военно-теоретического мышления. С одной стороны, объективность его вызвана инерцией мышления вообще, а тем более военного, «иерархичного», когда старший начальник всегда должен быть «умнее», «дальновиднее», «грамотнее» и т. д. С другой стороны, военная теория — и это мы видим в том числе на примере России — отстает на десятилетия

от действительности. Эти особенности иногда настолько решительно оказывают влияние на анализ и прогноз, что делают их заведомо бессмысленными. А между тем ситуация в военно-политической и военно-технической области меняется стремительно, буквально в течение 7–10 лет. Так, на военный разгром Ливии в 2011 году повлияло массовое использование крылатых ракет морского базирования, которые были развернуты в предыдущие годы. В еще большей степени ВПО и СО изменится для России по мере развертывания носителей КРМБ по периметру нашей страны.

Эти и другие реалии требуют уже сегодня создания новой военной доктрины и военной стратегии России, ориентированных не только на опыт прежних войн и конфликтов, но и на возможный характер СО, войн и конфликтов будущего. Причем как военная доктрина, так и военная стратегия должны начинаться с описания современных и прогноза будущих реалий, создавать новый понятийный аппарат, без которого наши представления о будущих войнах и конфликтах будут неполными. В качестве примера я приведу несколько понятий, отсутствующих в российском военно-политическом обиходе, но широко применяемых в США.

1.3. Характеристика возможных сценариев развития стратегической обстановки до 2030 и 2050 годов

Вашингтон займется формированием нового мирового порядка..., а для этого необходимо сохранять и оберегать существующие союзы и искать новых партнеров²⁰.

*Б. Обама,
Президент США*

Ожидается, что новые самолеты (шестого поколения) станут поступать на замену нынешним не ранее 2030 года²¹.

Говоря о стратегическом прогнозе возможных и вероятных сценариев развития СО, будущем характере войн и военных конфликтов до 2030 и 2050 годов, необходимо исходить из основополагающей посылки о том, что растущая конфликтность между локальными цивилизациями, нациями и государствами неизбежно ведет к увеличению многообразия сценариев и вариантов развития ВПО и, как следствие, к еще большему многообразию возможных

сценариев и вариантов СО, новых форм вооруженных конфликтов и войн. Такая «растущая конфликтность» имеет много причин, но если речь идет, например, о США, то она прямо связывается с формированием однополярного мира: чем определенно сильнее становились военные возможности США к концу XX века относительно других государств, тем быстрее и охотнее они прибегали к военной силе. Можно увидеть, что в послевоенный период выделяются

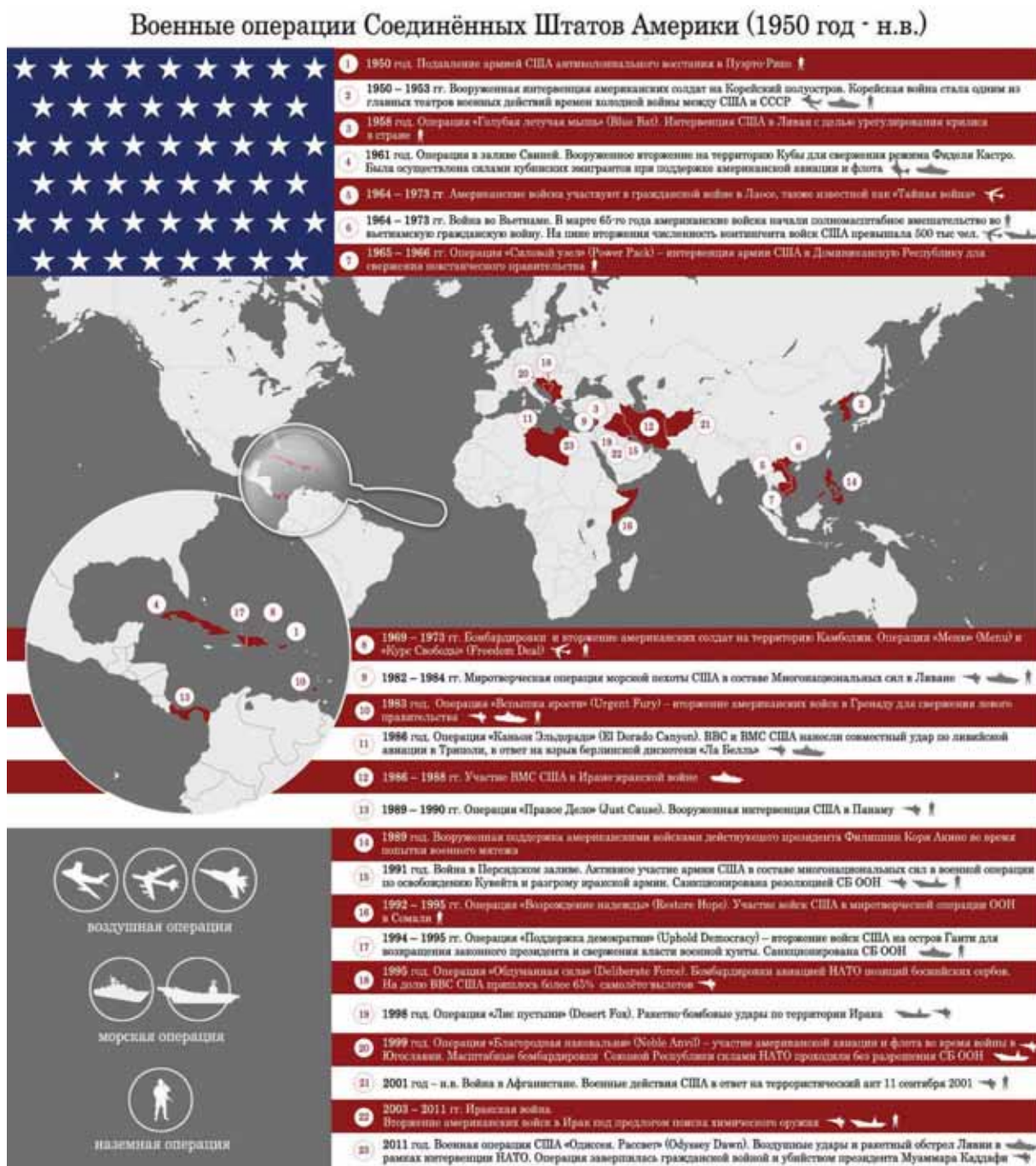

Рис. 7.²²

два этапа в использовании военной силы — до конца 90-х годов XX века и после, что хорошо иллюстрирует следующий рисунок (рис. 7).

Зависимость характера войн и военных конфликтов от сложившейся СО, а до этого — ВПО и МО, делает потенциально возможным анализ современного положения дел и прогноз на будущее. Так, ВПО в мире в начале второго десятилетия XXI века в самом общем виде некоторые эксперты представляют следующим образом (рис. 8).

Естественно, что такое упрощенное видение ВПО требует конкретизации по основным группам факторов, определяющих конкретное состояние МО и ВПО, а именно:

- состояние участников ВПО (государств, коалиций, организаций), измеряемое количественными и качественными показателями;
- основные тенденции мирового развития, определяющие состояние ЧЦ и характер МО и ВПО (экономические, технологические,

МИФ: война – это когда стреляют. Новые старые формы войн

- «По правилам ведения войны наилучшее - вынудить государство противника покориться в целости, на втором месте - разгромить это государство ...сто раз сразиться и сто раз победить - это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего - покорить войско противника, не сражаясь».

Новый тип «бескровных войн», которые ведет Запад во имя достижения своих геополитических целей, –
ВОЙНА УПРАВЛЯЕМОГО ХАОСА.

Рис. 8.²³

<http://maximus67.livejournal.com/1203032.html>

политические и пр.). В частности, соотношение между разными факторами МО ведет к формированию собственно уникального сценария ВПО.

- отношения между этими факторами (международные, экономические и иные) и тенденциями влияют уже не только на ВПО, но и конкретные сценарии СО.

В зависимости от этого, можно предположить различные сценарии ВПО и их варианты, и, как следствие, сценарии СО, войн и конфликтов. Это можно показать на следующем рисунке, который демонстрирует эту логическую зависимость²⁴.

Как видно из рисунка (рис. 9), всего лишь один из сценариев развития ВПО (или даже

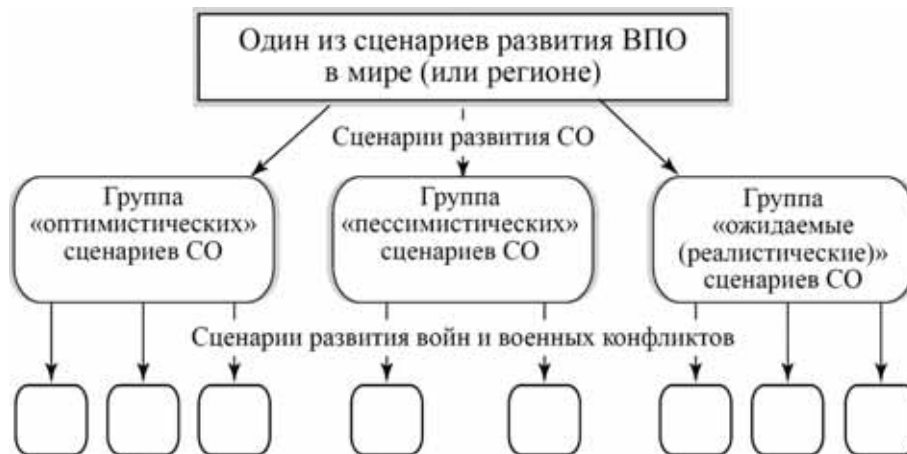

Рис. 9.

Таблица 1.

Название войны	Годы войны	Участвующие стороны	Погибло в 2010 г.	Погибло в 2011 г.	Погибло в 2012 г.	Погибло в 2013 г.	Всего погибло в XXI веке (на сентябрь 2013 г.)
Гражданская война в Судане	2003–2013	текущая фаза войны (с 19.05.2011): война суданского правительства с сепаратистами на юге и западе Судана, столкновения между кочевыми племенами	1273	2813	4319	не менее 900	Оценки достигают 400 тыс. чел. (от голода большая часть), с 2011 г. погибло ~ 9 тыс. чел.
Гражданская война в Ираке	2003–2013	текущая фаза войны (с 10.12.2011): террористическая война между религиозными и этническими группами Ирака и иракскими властями	4109 (только мирных жителей)	4147 (только мирных жителей)	5700 (4573 — только гражданских)	5700 (4220 — только гражданских)	175 352 (за 2003–2011) + 14 308 = 189 660
Гражданская война в Сирии	15.03. 2011–2013	сирийское правительство против исламистов (обе стороны поддерживаются извне)		7400	41 900–52 000	40 000	min 100 000
Война с наркокартелями в Мексике	11.12. 2006–2013	мексиканское правительство (при поддержке США) против наркокартелей	19 546	24 068	20 000	8 000	~ 100 000
Гражданская война в Афганистане	27.04. 1978–2013	текущая фаза войны (с 07.10.2001): США и их союзники, включая Исламскую республику Афганистан, против исламистов	5601 (иностранцев, афганских сил и мирных жителей) + 5 тыс. боевиков (оценка), др. итог — 6377	4667 (иностранцев, афганских сил и мирных жителей) + 5 тыс. боевиков (оценка), др. итог — 7418	5156 (иностранцев, афганских сил и мирных жителей) + 5 тыс. боевиков (оценка), др. итог — 7396 или 8398	2422 (иностранцев, афганских сил и мирных жителей) + 2,5 тыс. боевиков (оценка)	~ 90 000
Гражданская война в Пакистане	16.03. 2004–2013	пакистанское правительство (при поддержке США) против исламистов	не менее 8000, другая оценка — 4787	не менее 5000, другая оценка — 2641	не менее 3000, другая оценка — 2705	не менее 2000	48 123 (к началу 2013 г.) — 51 137–81 425
Гражданская война в Сомали	26.01. 1991–2013	текущая фаза войны (с 31.01.2009): война частей распавшегося Сомали (при поддержке Эфиопии и других стран) против исламистов	2158	1917	2620	не менее 200 (только в терактах)	~ 50 000 (включая 10 тыс. с 2009 г.)

Продолжение таблицы 1.

Название войны	Годы войны	Участвующие стороны	Погибло в 2010 г.	Погибло в 2011 г.	Погибло в 2012 г.	Погибло в 2013 г.	Всего погибло в XXI веке (на сентябрь 2013 г.)
Гражданская война в Колумбии	1964–2013	колумбийское правительство (при поддержке США) против коммунистов	не менее 2000	не менее 2000	4692 (только партизан)	не менее 200	17 483 (за 2002–2009 годы) + 9000 = 26 483
Гражданская война в Ливии	2011–2013	текущая фаза войны (с 1.11.2011): борьба вооруженных группировок в вакууме власти		25 000	560	не менее 100	~ 26 тыс. чел.
Шиитское восстание в Йемене	18.06.2004–2013	шиитские повстанцы против йеменского правительства (последнее поддерживается извне) и радикальных исламистов	min 737	min 960	min 781		~ 25 тыс. чел.
Война в Бирме (Мьянме)	1948–2013	сепаратистские и коммунистические движения против бирманского правительства	157 (только в части Мьянмы)	5000	10000	не менее 40	~ 17 тыс. чел.
Террористическая война в Нигерии	2001–2013	исламисты против нигерийского правительства	min 500	324	812	min 150	~ 15 тыс. чел.
Террористическая война на Северном Кавказе	2001–2013	российское правительство против исламистов	754	750	700	242	не менее 10 тыс. чел.
Конфликт в дельте Нигера	2004–2013	сепаратистское движение против нигерийского правительства, межэтнические столкновения	min 15	min 1	min 11	min 93	~ 10 тыс. чел.
Кашмирский конфликт	1947–2013	индо-пакистанский конфликт из-за Кашмира, на современном этапе исламские террористы, поддерживаемые Пакистаном, действуют в Индийском Кашмире	362	140	149	не менее 22	8831
Движение наксалитов в Индии	(1967) 2004–2013	партизанская война коммунистов в Индии	1200	589 (без боевиков)	367	306	8627 (с 2002 г.)
Террористическая война в Магрибе	11.04.2002–2013	исламистское подполье против правительств стран северо-западной Африки	min 122	min 191		min 67	~ 6 тыс. чел.

Продолжение таблицы 1.

Название войны	Годы войны	Участвующие стороны	Погибло в 2010 г.	Погибло в 2011 г.	Погибло в 2012 г.	Погибло в 2013 г.	Всего погибло в XXI веке (на сентябрь 2013 г.)
Террористическая война на юге Таиланда	28.04 2004–2013	тайландское правительство против исламистов	521	535	~ 600	не менее 50	~ 6 тыс. чел.
Террористическая война на северо-востоке Индии	1964–2013	сепаратистские и коммунистические партизаны против индийского правительства	322	246	316	143	5320 (за 2005–08.09.2013)
Племенные столкновения в Южном Судане	7.01 2011–2013	боевые действия между племенами с участием южносуданского правительства, а также действия повстанцев из Судана		min 4241	min 1000	min 70	5311
Война исламистов в Йемене	1992–2013	текущая фаза войны (с 14.01.2010): йеменская армия (при поддержке США) ведет бои в захваченных исламистами провинциях	160–175	654–1140	2321	не менее 50	не менее 4000 (только с 2010 г.)
Сепаратистское движение в Турции	1984–2013	борьба за создание независимого Курдистана против турецкого правительства, в 2013 г. начат мирный процесс	328	599	811	min 1	3779
Движение исламистов на Филиппинах	1969–2013	мусульманские сепаратисты против правительства Филиппин (последние при поддержке США)	85	163	114	не менее 56	589 только филиппинских и американских военнослужащих с 2002 г., всего 3641 (за 2001–2012 гг.), итого не менее 3700
Израильско-палестинский конфликт	1948–2013	на современном этапе: борьба исламистов против Израиля	27	56	64	не менее 11	3523
Сепаратистское движение в Белуджистане	2004–2013	борьба за создание независимого Белуджистана против пакистанского и иранского правительств		42 (в Пакистане)	128 (в Пакистане)		2500
Движение коммунистических партизан на Филиппинах	1942–2013	Коммунистические партизаны различных группировок против филиппинского правительства	202	205	182	не менее 25	2408

Продолжение таблицы 1.

Название войны	Годы войны	Участвующие стороны	Погибло в 2010 г.	Погибло в 2011 г.	Погибло в 2012 г.	Погибло в 2013 г.	Всего погибло в XXI веке (на сентябрь 2013 г.)
Революция в Египте	2011–2013	свержение режима Мубарака, политическая нестабильность, военный переворот, сопротивление исламистов		846	не менее 100	> 1200	> 2000
Сепаратистское движение на юге Йемена	27.04. 2009–2013	борьба за воссоздание независимого Южного Йемена против йеменского правительства	min 70	min 32			~ 2000
Война в Мали	16.01. 2012–2013	восстание таурегов против малийского правительства, возвышение исламистов и борьба с ними международных сил, на современном этапе — спорадические столкновения таурегов с правительственными силами			133	1200	~ 1300
Движение курдов в Иране	1.04. 2004–2013	курды-сепаратисты против иранских властей	min 3	700	~ 40	min 2	не менее 1000
Движение армии сопротивления Господа	1987–2013	христианские повстанцы против угандийского правительства и других соседних стран	425 (только боевиков)		min 50	min 25	не менее 900
Движение 23 марта	4.04. 2012–2013	этническая группировка против правительства Демократической республики Конго			660	min 70	~ 730
Война в Центрально-африканской республике	10.12. 2012–2013	группировка Селека против центральноафриканского правительства			44	522	566
Столкновения в Ливане	17.06. 2011–2013	бои религиозно-политических группировок в связи с войной в Сирии			min 52		325
Движение исламистов на Синайском полуострове	23.02. 2011–2013	исламистские группировки против египетского правительства		min 22	min 74	min 204	~ 300
Коммунистическое движение в Перу	17.05. 1980–2013	коммунистические партизаны против перуанского правительства	28		40	5	~ 250

Окончание таблицы 1.

Название войны	Годы войны	Участвующие стороны	Погибло в 2010 г.	Погибло в 2011 г.	Погибло в 2012 г.	Погибло в 2013 г.	Всего погибло в XXI веке (на сентябрь 2013 г.)
Сепаратистское движение в Восточном Туркестане	1989–2013	движение за независимость Восточного Туркестана от Китая		min 18		56	не менее 250
Сепаратистское движение в Кабинде	1992–2013	движение за независимость области Кабинде против ангольского правительства					142 (по неполным данным)
Сепаратистское движение в Казамансе	1982–2013	движение за независимость области Казаманс против сенегальского правительства	min 7	25	min 8	min 5	min 117
Сепаратистское движение в Хузистане	2005–2013	движение за независимость арабонаселенной области Хузистан против иранского правительства					~ 100
Партизанское движение Альянса Демократических Сил	2007–2013	партизанская борьба против угандийского правительства, действует также в Демократической республике Конго					~ 100
Сепаратистское движение в Папуа	1963–2013	движение папуасов за независимость против индонезийского правительства	min 9	min 34	min 1	min 8	86
Движение Ирландской республиканской армии	1989–2013	движение ирландцев за отделения Северной Ирландии от Великобритании					62
Сепаратистское движение в Западной Сахаре	1976–2013	движение за независимость Западной Сахары от Марокко, на современном этапе проходит в форме гражданских протестов и их подавления	56	min 1			58
Движение Парагвайской Народной армии	2008–2013	левое партизанское движение против парагвайского правительства	min 7	min 2			16 (без боевиков)

Источники:

<http://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-22886730>
http://ria.ru/arab_sy/20120213/565027654.html и др.

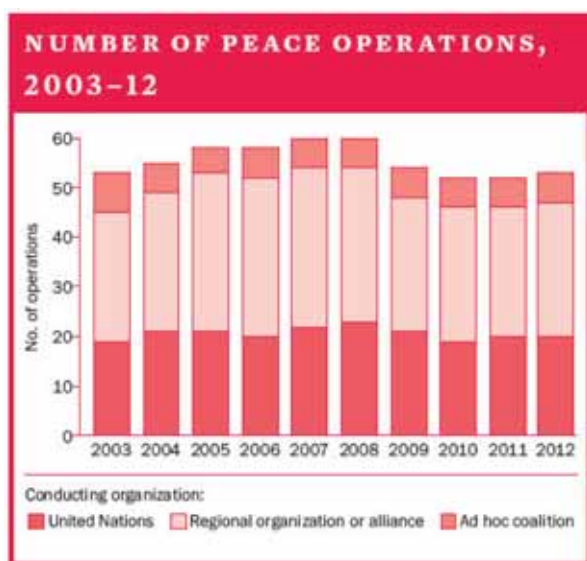

Рис. 10.²⁷

вариантов такого сценария) ведет к потенциальной реализации нескольких групп возможных сценариев развития СО. В свою очередь, каждый из вариантов сценариев СО предполагает значительное число вариантов возможных войн и конфликтов. Если допустим, что один из сценариев развития ВПО ведет к появлению 3–10 сценариев развития СО, то вариантов войн и конфликтов уже может быть несколько десятков и даже сотен.

Думать, что развитие мировой цивилизации, появление глобальных межцивилизационных интересов, общих, «универсальных» норм и ценностей, а также их международно-правовое оформление в некие незыблемые нормы, ведет к уменьшению численности и разнообразия военных конфликтов и войн, означает глубоко заблуждаться²⁵. Даже в наши дни мы наблюдаем огромную и разностороннюю палитру международных и внутренних войн и конфликтов. Как видно из простого перечня военных конфликтов и войн, стратегическая обстановка в мире в 2013 году отличалась удивительным многообразием. В этом перечне не обозначен военный конфликт на Украине 2014 г., но, что главное, за последние 15–20 лет произошло радикальное и незаметное изменение в характере войн, когда правилом стало ведение необъявленных, относительно «бескровных войн».

К концу 2013 года в 30 странах мира продолжались более полусотни конфликтов и войн (в ряде стран идет несколько войн), не менее десяти из них можно охарактеризовать как

гражданские войны, еще десять войн — террористические, два десятка конфликтов идет за отделение территорий (сепаратистские). Идеологически 12 войн ведут исламисты, 7 — коммунисты. По 15 конфликтов идет на Ближнем Востоке и в Африке. Число погибших в этих войнах с начала XXI века достигло 1 миллиона 200 тыс. человек²⁶.

Как видно из диаграммы (рис. 10), приводимой ниже, количество миротворческих акций не снижается и вряд ли можно говорить о том, что в краткосрочной и среднесрочной перспективе их будет меньше. Данные скорее свидетельствуют о том, что в мире в XXI веке произошла некая стабилизация ежегодной численности военных конфликтов на уровне 50, что характерно для данного числа участников ВПО, ограниченного пространства, численности коалиций и др. параметров, характеризующих современную ВПО.

Означает ли это, что численность, интенсивность и характер военных конфликтов изменится в будущем? Есть основания предполагать, что это может произойти в долгосрочной перспективе по мере расширения численности участников ВПО, их возможностей приобретать ВиВТ, а также роста противоречий между самыми различными акторами МО на фоне обострения межцивилизационных отношений.

Сказанное означает, что динамика изменения ВПО и СО будет еще больше ускоряться, а численность факторов, определяющих в конкретное время состояние СО, — увеличиваться. В этом случае прогноз, даже краткосрочный, развития СО будет становиться все более сложным. Именно поэтому задача анализа СО и прогноза становится все более трудной и актуальной. И для этого появляются определенные основания. Прежде всего, с точки зрения растущих информационных возможностей обрабатывать огромные массивы информации в короткие сроки, что очень важно для анализа СО, которая меняется очень быстро.

Совершенствуются и научные методы, и конкретные методики анализа и прогноза СО и характера будущих войн — как общенаучные, так и более частные. В последние годы в этом был замечен серьезный прогресс, который позволяет надеяться на достижение значительных практических результатов в этой области.

1.4. Сценарии развития стратегической обстановки как логическое и субъективное продолжение развития сценариев МО и ВПО

повышается роль ШОС в мировых и региональных делах, что обуславливает рост интереса к ней со стороны многих государств и международных организаций. Пакистан, Индия, Иран заявили о стремлении стать полноправными членами ШОС, все больше стран обращаются за получением статуса наблюдателя или партнера по диалогу²⁸.

*С. Лавров,
Министр иностранных дел России*

Подлинная цель научного прогнозирования... его сверхзадача — предвидеть наиболее важные долгосрочные тенденции..., возможные поворотные пункты мирового развития²⁹.

*А. Дынкин,
академик РАН*

Важно вновь изначально сказать, что прогнозировать СО, войны и конфликты как конкретные социально-политические явления практически невозможно, хотя предсказать многие тенденции и их последствия, ведущие к таким войнам и конфликтам, не только можно но и нужно. Эти тенденции могут анализироваться и прогнозироваться на долгосрочную перспективу, как и вытекающие из них возможные сценарии развития СО, а также эволюция характера войн, вытекающая из этих тенденций.

Взаимосвязь развития СО и МО очень заметна и игнорировать ее невозможно. Очевидные кризисы, имевшие место в истории ЧЦ, совпадали с резким обострением СО, увеличением числа, интенсивности и масштабности войн и военных конфликтов. Собственно, из этого же исходят авторы книги «Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века», анализируя развитие этой отрасли в XX веке: «В долгосрочной перспективе мировая система развивалась по гиперболическому закону, или в режиме с обострением. Этим законом описывается динамика численности населения, ВВП, потребления энергии и пр. С 1960 г. начались изменения режима роста мировой системы и выход из режима с обострением. Гиперболический рост мировой системы не является однородным. Длительные периоды сравнительно устойчивого развития (фазы) разделены короткими периодами фазовых переходов, когда меняется режим роста и сама основа развития социума. При этом переход может идти с различной скоростью

и различными путями либо вообще не состояться, поэтому фазы разделы острыми кризисами, когда возникает возможность реализации нескольких сценариев развития»³⁰.

И далее они утверждают: «Динамика мировой системы в 1800–1970 гг. определялась очередной фазой долгосрочного гиперболического роста — индустриальной. В рамках индустриальной фазы наблюдались несколько волн роста, разделенных острыми кризисами, которые сопровождалась сменой парадигмы развития. Это кризис начала 1930-х гг., кризис начала 1970-х гг. и кризис конца 2000-х гг. Кризис начала 1930-х гг. привел к тому, что резко усилилось государственное воздействие на экономику в США, Германии и СССР. Этот процесс совпал с ускоренной индустриализацией и резким ростом спроса на электрическую энергию для промышленности и нефтяное моторное топливо»³¹.

Наконец, следует резюме их исторического обзора: «Кризис начала 1970-х гг. был вызван переходом США и Западной Европы к постиндустриальному развитию и окончанием холодной войны. Резко возросла роль частного предпринимательства, произошли либерализация и монетизация мировой экономики, на смену кейнсианскому регулированию пришло монетаристское. Ускорилось развитие атомной энергетики, возрос спрос на газ как топливо для энергетики, обслуживающей малый и средний бизнес и жилищно-сервисную сферу»³².

Не трудно предположить, что к 2020 годам ситуация неизбежно приведет к новой фазе в развитии СО.

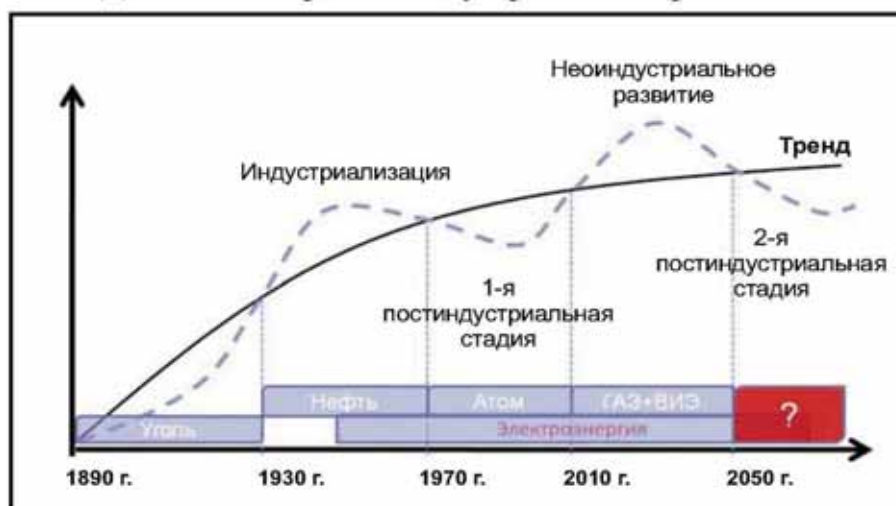
Циклы и кризисы мирового развития

Источник: ИЭС.

Рис. 11.³³

Динамика мирового индустриального развития

Источник: ИЭС.

Рис. 12.³⁴

Кризис 1970-х гг. был разрешен переходом к постиндустриальной фазе развития. Три его основные составляющие — глобализация, информатизация и либерализация. Ключевые показатели мировой динамики после 1970 г. резко изменились. Темпы экономического роста снизились с 4–5% в год в 1945–1970 гг. до 3% в год в 1970–2010 годы. Темпы роста потребления энергии снизились с 5% в год до 2% и менее.

К концу 2000-х гг. темпы экономического и энергетического роста приблизились к историческим максимумам 1950–1960-х гг., причем максимальные темпы наблюдались в развивающихся странах. Но в 2000-е гг. с вовлечением

ключевых развивающихся стран в мировую экономику были достигнуты пределы глобализации. Развитие информационной сферы стало приобретать отчетливо спекулятивный характер, проявившийся в кризисе высокотехнологичной экономики в США в 2001 г. и предшествующем ему буме. Произошло исчерпание потенциала глобализации, информатизации и либерализации, что было вскрыто в ходе глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 годов³⁵.

Возникла необходимость очередной смены парадигмы развития. Это потребовало усиления роли государства, перехода основ-

Динамика мирового энергетического развития

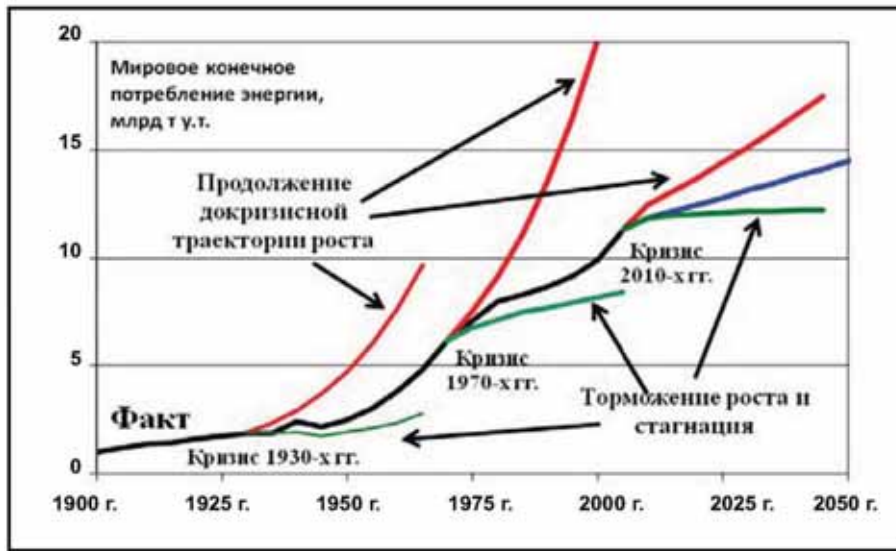

Рис. 13.³⁶

ных углеводородных ресурсов под контроль национальных нефтегазовых компаний (вместо доминирования транснациональных компаний), развития принципов регионального самообеспечения и национальной энергетической безопасности, интенсификации энергосбережения и развития ВИЭ.

Каждый кризис вызывал изменение динамики мировой энергетики, которая сходила

с устойчивой траектории экспоненциального роста, характерной для докризисного периода (1945–1970, 1980–2005 гг.).

Не стоит, однако, думать, что детерминация СО абсолютная и не зависит от субъективных факторов. Наоборот, именно в области формирования СО влияние социальных факторов ощущается сильнее, на области МО и ВПО. Так, массированная приватизация ОПК России

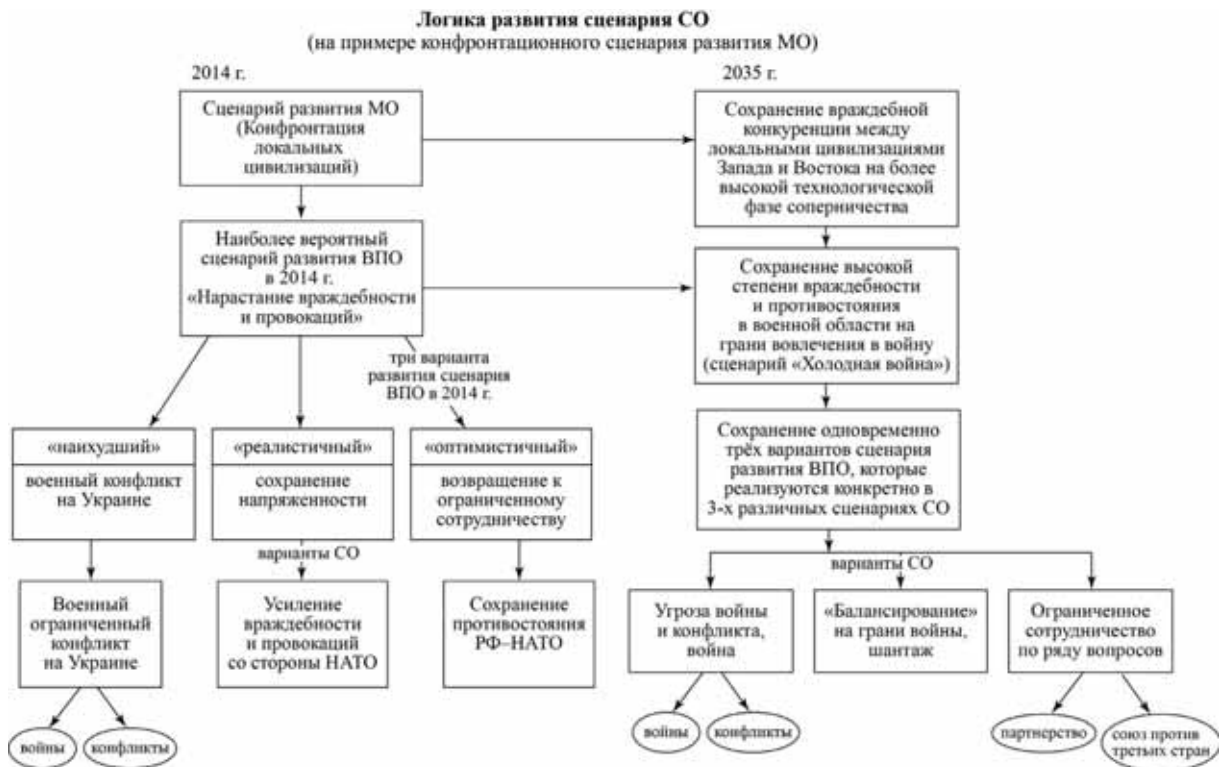

Рис. 14.

Табл. 2. Объективные и субъективные факторы, влияющие на формирование СО в будущем

Объективные факторы формирования СО	Субъективные факторы формирования СО
1. Тенденции мирового экономического развития	
2. Энергетические и ресурсные тенденции	
3. Финансовые и монетарные факторы	
4. Демографические	
5. Научно-технические и технологические тенденции	
6. Гуманитарные и социальные тенденции	
7. Медийные, коммуникационные	
8. Биологические и т.д.	
В т.ч. военно-политические и военно-технические тенденции и факторы	
1. Соотношение политических и военных сил в мире	
2. Развитие ВиВТ	
3. Количественное соотношение сил и т.д.	

в 90-е гг. XX века привела к деградации либо полной потере целых отраслей, сделала военную экономику полностью импортозависимой и, как следствие, привело к отставанию в создании целых классов ВиВТ³⁷.

Прежде всего, таким образом следует сказать, что сценарии развития СО, эволюция характера возможных войн и военных конфликтов будут являться следствием развития сценариев МО и ВПО, их естественной и составной частью, фактически продолжением логики их развития. Новые сценарии СО и их варианты не могут появляться ниоткуда. Те тенденции в политике, экономике и технологиях, которые уже сложились во втором десятилетии XXI века, будут развиваться дальше и станут основой для сценариев МО и ВПО в середине 2030-х годов. Эти тенденции и развитие факторов и субъектов ВПО в 2030-х годах можно прогнозировать и предполагать, что они станут фундаментом для формирования новых сценариев СО.

Анализируя и прогнозируя СО, будущий характер войн и конфликтов, мы должны четко выделить две категории факторов: долговременные объективные тенденции и факторы ВПО, с одной стороны, и уникальные, конкретно-исторические, социальные, военные и иные, — с другой, разделив их для удобства в матрице на две группы (Табл. 2).

Так, среди долговременных факторов формирования СО можно выделить, например, угрозу ядерным объектам, прежде всего, энергетики, которые станут первыми объектами для нападения не только в ходе внешнего, но и внутреннего конфликта. Обращает на себя внимание, в частности, насыщенность ядерными станциями некоторых территорий, совпадающая с сейсмической активностью. Очевидно, что эти объекты становятся потенциально самыми привлекательными для ВКН.

Другой объективный фактор, влияющий на формирование СО в том или ином регионе, относится к насыщенности оружия в регионе. Войны в Чечне и АТО в последующие годы, в частности, находились под сильнейшим влиянием этого фактора. Военные же конфликты в Приднестровье и на Украине во многом непосредственно вытекали из наличия и доступности оружия. Так, посмотрев на карту распространения стрелкового оружия в мире, легко можно планировать партизанские или бандитские операции, опирающиеся на уже имеющиеся запасы оружия.

Огромное влияние на формирование СО, естественно, оказывают те геополитические и военно-политические изменения, которые происходят в мире и в регионах. Причем в самом крупном, качественном значении — формирова-

ния коалиций, союзников, нейтральных стран, размещение инфраструктуры и ВС. В этом смысле война как продолжение политики насильственными средствами остается классическим инструментом разрешения любого международного конфликта — политического, финансового, нравственно-религиозного. Это означает, что изменение основных факторов, влияющих на МО и ВПО, является уже теоретическим основанием для будущих силовых и военно-силовых методов разрешения конфликтов. Так, изменение соотношения мировых сил в пользу АТР в XXI веке уже есть самое серьезное основание (как, впрочем, и в прежней истории) для подготовки войны. Это предполагает значительную степень предопределенности в формировании условий СО, ставшими последствиями реалий развития различных сценариев МО и ВПО. Причем количество теоретически возможных сценариев СО и их вероятных вариантов в каждом из сценариев ВПО значительно больше, чем количество собственно вероятных сценариев СО.

Логически это можно изобразить на рисунке, который представляет собой не только последовательность в возникновении возможных и вероятных сценариев СО и их различных вариантов, в т. ч. тех, которые могут и не вытекать непосредственно из сценариев развития МО и ВПО, но и, что главное, безусловную взаимосвязь одних сценариев с другими.

Как видно из рисунка (рис. 15), описывать характер явлений низкого уровня можно, только понимая характер явления более высокого уровня. Так, для того, чтобы понять, например, характер внутреннего военного конфликта на Украине, нужно понимать суть и характер современных внутренних военных конфликтов, а для того, чтобы сделать такой анализ, необходимо проанализировать прежде всего СО в мире и в регионе, которая, в свою очередь, вытекает из ВПО, а та — из МО. Зависимость развития СНВ от ВПО и СО очевидна и не связана искусственно (как при М. Горбачеве) с политикой ограничения и сокращения СЯС, т. е. с политико-дипломатическими факторами.

Что касается политики «ядерного сдерживания» и возможного продолжения процесса ограничений СНВ, то представляется, что ни политически, ни стратегически рассчитывать на это в первой половине XXI века не придется. Ядерное оружие будет оставаться «уравнителем» шансов и «последним аргументом» в развитии СО в мире. В этом смысле можно согласиться с А. Арбатовым и В. Дворкиным, которые полагают, что «... стратегические отношения «тройки» крайне неоднородны и асимметричны, у них нет единой основы ни в политическом, ни в стратегическом плане (в виде принципов стабильности, паритета). «Треугольник» не только неравносторонний, но и неоднородный. Кроме

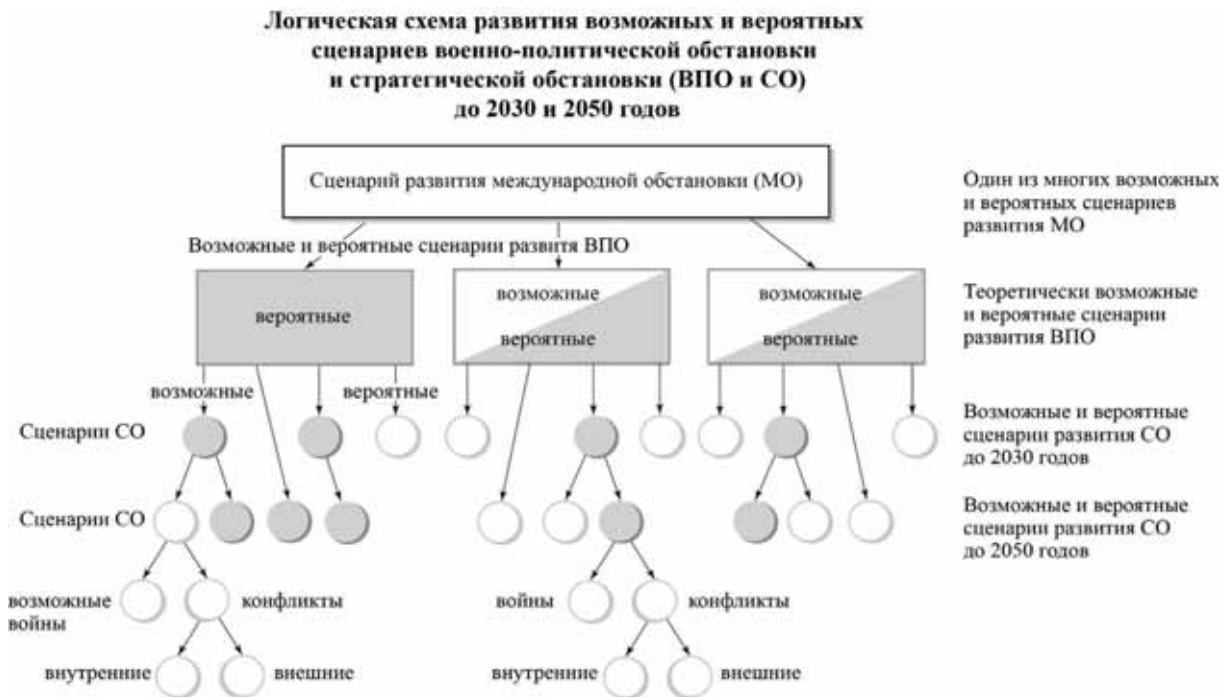

Рис. 15.

того, КНР хранит в тайне уровень, состав и программу модернизации своих ядерных сил. Все это ставит под сомнение возможность трехсторонних переговоров по СНВ или по ограничению ядерного оружия — во всяком случае, в обозримой перспективе»³⁸.

Стратегический треугольник между Россией, США, КНР

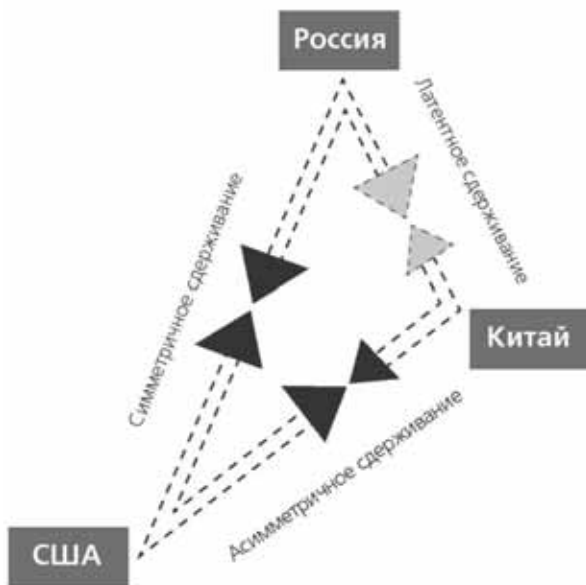

Рис. 16.³⁹

Вместе с тем очевидно, что развертывание неядерных СНВ и широкомасштабной ПРО может стать альтернативой переговорам по

сокращению СНВ для США. Именно поэтому такое развитие угрожает России, а не потому, что (как считают А. Арбатов и В. Дворкин), «из трех держав самую большую роль ЯО играет сейчас в концепции безопасности и военной доктрине России. Из-за ослабления своих сил общего назначения она остро ощущает уязвимость как на западе, так (негласно) и на востоке. В отношениях с США/НАТО Россию более всего беспокоит отставание по ПРО и стратегическим средствам в неядерном оснащении. В отношениях с Пекином Москву, видимо, подспудно тревожит растущий китайский потенциал сил общего назначения, прежде всего сухопутных войск в северных округах Поднебесной»⁴⁰.

Среди возможных сценариев развития МО может быть (и, скорее всего, будет) «тупиковая» ветвь, которая не превратится в вероятный сценарий развития ВПО. Это, однако, отнюдь не означает, что «тупиковая» ветвь одного из сценариев МО не может реанимироваться в более отдаленной перспективе. Скорее наоборот: история человечества показывает, что совершенно неожиданно такая «ветвь» (МО) может «зацвести», т. е. привести к появлению нового сценария ВПО.

Это можно изобразить на следующем рисунке (рис. 17).

Логическая схема развития возможных и вероятных позитивных сценариев ВПО и СО до 2030 и 2050 годов

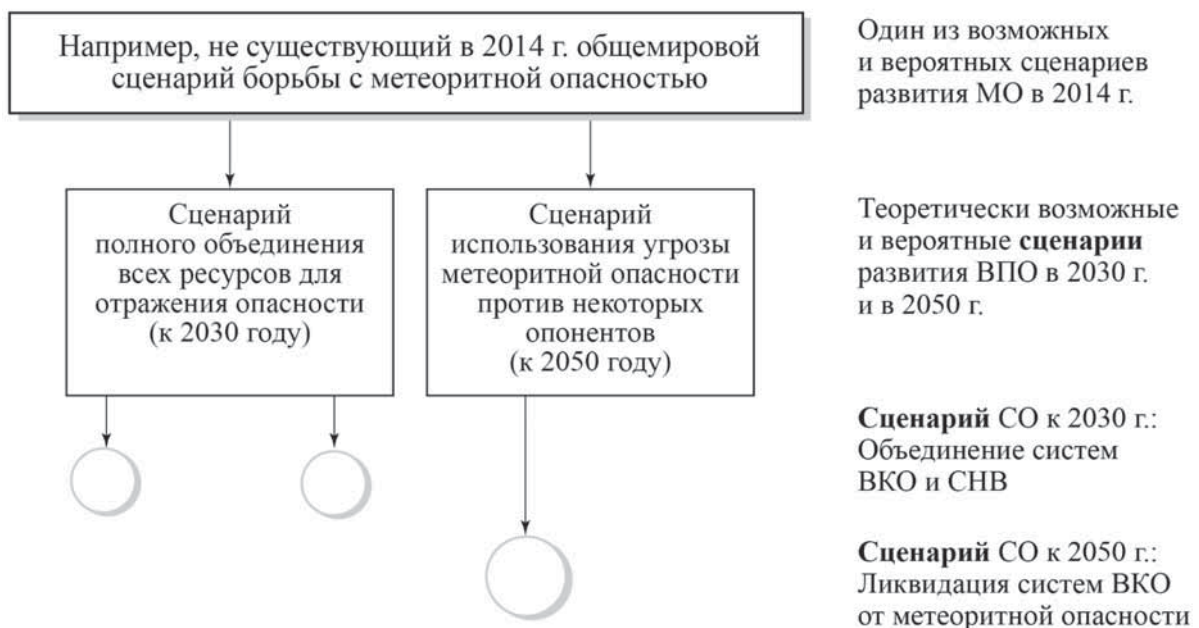

Рис. 17.

1.5. Стратегия сетевой войны как попытка обеспечения контроля над всеми участниками стратегической обстановки в мире

«Сеть» представляет собой новое пространство — информационное пространство, в котором и развертываются основные стратегические операции — как разведывательного, так и военного характера, а также их медийное, дипломатическое, экономическое и техническое обеспечение⁴¹.

К. Мямлин

Раз мы хотим, чтобы все осталось как есть, нужно, чтобы все изменилось⁴².

*Джузеппе Томази ди Лампедуза,
автор романа «Леопард»*

Обеспечение международной или региональной безопасности (как функционирование системы международных отношений, в которой все субъекты соблюдают принципы и нормы международного права) вытесняется в XXI веке политикой обеспечения безопасности за счет национальных дипломатических и военно-технических средств.

В XX веке одновременно и с разной степенью эффективности существовали две модели безопасности. Первая опиралась на систему международно-правовых принципов и обязательств, а вторая — на военную силу. Пропорции между ними менялись, но только в периоды мировых войн на какое-то время почти исчезала первая модель и в краткосрочные периоды улучшения взаимоотношений (в 1920-е годы, после 1945 года, в начале 90-х гг. XX века) — резко снижалось значение второй.

В начале XXI века мы переживаем новый период фактической девальвации международно-правовой модели обеспечения безопасности в Европе и в мире, начало которого можно отнести еще к интервенции НАТО в Югославию и попытке создать «однополюсный мир». Военный конфликт на Украине показывает, что де-факто эта модель превратилась в правовой инструмент политики США и их союзников. В несколько упрощенном виде она выглядит следующим образом, где соотношение двух моделей обеспечения безопасности — политической и военно-технической попытались обозначить количественно. Подобные эмпирические оценки экспертов подтверждаются социологией и многочисленными заявлениями политиков и журналистов. В частности, только на одной из конференций по безопасности в Европе, проходившей 7 октября

2014 года депутат бундестага от партии «Союз 90» / «зеленые», эксперт по Восточной Европе парламентского комитета по внешней политике Марилуизе Бек (Marieluise Beck) заявила, что уровень влияния ОБСЕ «близится к нулю».

На фоне сложившейся ситуации, по мнению целого ряда экспертов и политиков ЕС и НАТО следует трезво проанализировать возможную угрозу со стороны Москвы и разработать «сценарии устрашения», считает Фельгентрой. «Россия ясно дала понять, что она больше не чувствует себя обязанной соблюдать оговоренный в Европе принцип консенсуса, к которому мы все привыкли», — заметил Ральф Брауксиппе (Ralf Brauksiepe), парламентский статс-секретарь в Минобороны ФРГ⁴³.

Таким образом, правящая европейская элита демонстрирует готовность окончательно отойти от политических договоренностей по обеспечению безопасности (причем не только правые, но и «зеленые», и социал-демократы) в пользу военно-политической и военно-технической модели.

Как видно (табл. 3), соотношение в используемых средствах обеспечения безопасности изменилось достаточно радикально и, к сожалению, эта тенденция пока только усиливается. «Остаточные» глобальные и региональные институты безопасности стремятся терять свое влияние, уступая все более свое место военным коалициям и военным технологиям.

Значение информационного пространства для понимания состояния стратегической обстановки (СО), превратилось в ключевое условие адекватного анализа МО и ВПО в XXI веке. Именно через понимание этого значения становится явной та взаимосвязь между военной силой, состоянием МО и ВПО, а также сценарием

Табл. 3. Системы обеспечения безопасности и изменения в их соотношении в XX и XXI веке

В XX веке		В XXI веке	
Международно-правовая система	Военно-политические союзы и военно-технические средства	Международно-правовая система	Военно-политическая система и военно-технические средства
1. ООН, ОБСЕ и др.	Блоки, коалиции, союзы (НАТО и др.)	Интеграция вокруг локальных цивилизаций ЕС–США–ТПП–ТАП	Создание широкой коалиции под эгидой НАТО
2. Строительство новых международных институтов	Концентрация всех институтов вокруг НАТО, ЕС и G7	Сетецентрический контроль над всеми государствами мира и Европы	1. Развитие НАТО + 2. Дезорганизация любых других союзов и коалиций
Соотношение 40 : 60 в пользу военно-политических и военно-технических средств обеспечения безопасности		Соотношение 25 : 75 в пользу военно-политических и военно-технических средств обеспечения безопасности	

развития ЧЦ, которая существовала всегда, но особенности которой в XXI веке до конца еще не осознаны. В очень упрощенном и условном, но наглядном виде она формулируется. К. Мямлиным следующим образом: табл. 4.

Таким образом, пусть в упрощенной форме, мы видим нечеткую зависимость «по вертикали» сценария развития СО от сценариев ВПО, МО и ЧЦ, но и «по горизонтали» — зависимость военной стратегии (военного искусства) и ВиВТ как от конкретного периода развития экономики, так и политической системы. Справедливо предположить, что эта зависимость «по вертикали» и «по горизонтали» будет распространяться и в долгосрочной перспективе. Это означает, что от того, какие «экономические» (технологические) и «социальные» эпохи будут в XXI веке, такими будут и «военные эпохи», т. е. военная стратегия (военное искусство) XXI века.

Сказанное также означает, что влияние внутренней политики на СО, особенно экономической, научной и промышленной, в XXI веке стремительно усиливается. В том

числе и роль субъективного фактора — качества принимаемых решений элитой страны, — от которого в решающей степени зависит способность нации и государства реализовать на практике имеющиеся возможности. К сожалению, с 80-х годов XX века в России качество таких решений далеко не всегда соответствовало даже минимальным требованиям, что с огромным трудом поддается исправлению в последнее десятилетие. Как справедливо заметил С. Глазьев, «если бы ЦБ вместо попустительства долларизации экономики занимался развитием внутренних источников кредита, то объем ВВП в России был бы в 1,5 раза больше, уровень жизни — в 2 раза выше, а накопленные инвестиции в модернизацию производства — в 5 раз выше, чем сегодня. А сегодня получается так: американские власти отсекают российскую экономику от внешних источников кредита, а наши собственные денежные власти вместо того, чтобы заместить внешние источники внутренними, добывают ее удорожанием внутреннего кредита»⁴⁴.

Табл. 4. Циклы человеческой истории

«Экономические эпохи»	«Социальные эпохи»	«Военные эпохи» (стратегии)
1. Аграрная эпоха	Премодерн	Холодное оружие и соответствующая стратегия
2. Промышленная эпоха	Модерн	Порох, моторы, авиация, суда
3. Информационная эпоха	Постмодерн	Теория сетецентрической войны — модель военной стратегии в условиях постмодерна

Табл. 5. Матрица качественных («фазовых») изменений в СО, характере войн в долгосрочной перспективе

Области изменений Особенности	Военно-политические	Социальные	Экономические	Военные
Стратегическая обстановка (СО)	Глобальная ВПО и СО будут в состоянии изменяться в течении минут, а информационная — секунд	Появление влиятельной у политической силы в виде «творческого класса» ⁴⁵ и сетей	Человеческий потенциал составит уже не 50–60% ВВП, а 99% ВВП государств ⁴⁶	Решающей характеристикой военной мощи станет качество человеческого потенциала ⁴⁷
Характер международной войны	Коалиционная, между субъектами ЧЦ	«Богатые» страны против «Бедных»	Контроль над ресурсами и транспортными коридорами	Контроль над управлением государств и наций
Характер внутренней войны	Невозможно
Характер военного конфликта	Невозможно

Очевидно, что последствия для безопасности и обороноспособности страны оказались катастрофическими, а их исправления в 2009–2014 годы — не всегда эффективными.

Важно, однако, понимать, что не все эти тенденции абсолютно детерминированы. Наоборот, в рамках разных сценариев развития ЧЦ существует множество сценариев и их вариантов развития МО и соответственно, ВПО, которые будут определять варианты СО. Другая сторона всех будущих сценариев развития СО — внешнеполитическая. Очевидно, что будущая СО будет естественно зависеть от отношений России с КНР и США как лидерами локальных цивилизаций, что вносит во многом субъективность в прогноз характера будущей СО.

Эта субъективность происходит от базовых сдвигов в расстановке мировых сил, которые произойдут к 2015 году и международные и военно-политические последствия которых еще до конца не оценены полностью. Так, к 2015 году в мире сформируется новая «большая семёрка» — Бразилия, Индия, Индонезия, Китай, Мексика, Россия, Турция. Фактически о появлении в мире new G7 объявил Запад, точнее — МВФ, чьи валютные эксперты просто подсчитали ВВП по паритету покупательной способности у этих семи стран и выяснили, что общий ВВП по ППС у этих стран опережает ВВП Великобритании, Германии, Италии, Канады, США, Франции и Японии, то бишь старой G7.

Source: IMF

FT

Новую семёрку издание именует «hypothetical new G7» («гипотетической новой G7»). Согласно докладу Международного валютного фонда, получившему название «Перспективы развития мировой экономики», суммарный показатель ВВП по ППС стран новоявленной «семёрки» составляет 37,8 трлн долл., а у «старой» Группы семи он равняется 34,5 трлн долл.

Согласно рыночному обменному курсу, экономика США «стоит» 17,4 трлн долл., а китайская — 10,4 трлн долл.. Однако с поправкой на относительность цен экономика КНР выбирается наверх: ВВП Китая по ППС составляет

Сравнение характера войн и военных конфликтов XX и XXI веков по военным целям

Главные цели войн и военных конфликтов в XX веке	Главные цели войн и военных конфликтов в XXI веке
1. Нанесение военного поражения государству и навязывание ему политических и иных условий мира	1. Изменение национальной системы ценности и установление контроля над политикой государства
2. Поражение ВС противника (уничтожение, пленение, выведение из рабочего состояния и т.д.)	2. Поражение центров управления государством, инфраструктуры и гражданского населения
3. Оккупация территории и промышленности, а также транспортных коридоров	3. Контроль над территорией, экономикой и транспортными коридорами

Сравнение характера войн и военных конфликтов XX и XXI веков по средствам

Основные средства вооруженной борьбы XX века (ВиВТ)	Основные средства вооруженной борьбы XXI века (ВиВТ)
1. Основные виды ВС — Сухопутные силы, ВВС, ВМС	1. Основные виды и рода ВС — СЯС, ВКО, РЭБ, ВВС
2. Огневая мощь, двигатели	2. Информационные системы и средства связи

Сравнение характера войн и военных конфликтов XX и XXI веков по пространству ведения боевых действий

Территории, охваченные боевыми действиями в XX веке	Территории, охваченные боевыми действиями в XXI веке
1. Локальные и региональные	1. Локальные и региональные внутренние и внешние войны
2. Частично глобальные (европейский и тихоокеанские ТВД во Второй мировой войне)	2. Региональные войны
	3. Глобальные войны на всех ТВД и превращение воздушно-космического пространства в главный ТВД
	4. Информационно-глобальные войны

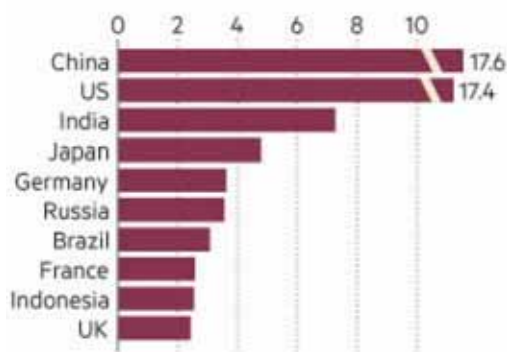
Сравнение характера войн и военных конфликтов XX и XXI веков по времени их начала и протяженности

Войны и конфликты XX века	Войны и конфликты XXI века
1. Начало Первой, Второй мировых войн и их завершение точно определено	1. Начало и окончание войн не обозначено. Как правило, войны начинаются до начала массированных боевых действий
2. Войны готовятся и начинаются неожиданно	2. Период подготовки переходит в период ведения войны незаметно
3. Войны формально объявляются	3. Войны формально не объявляются (за последние годы США 7 раз использовали ВВС против 6 государств без объявления войны)

17,6 трлн долл. и уже превзошел соответствующий показатель США. Учитывая даже всевозможные оговорки и отсылки к тому, что подсчёт по ППС далеко не точный инструмент, аналитики издания настаивают на том, что новые оценки указывают на быстрые изменения в мире.

The new top 10

Countries ranked by GDP at purchasing power parity, 2014 (\$tn)

Source: IMF

FT

В топ-20 сильных экономик ныне выбились те страны, которые экономисты до сих пор относили к «развивающимся». Причём эти страны заняли сразу половину топа⁴⁸. Таким образом, субъективно, с военно-политической точки зрения, эти реалии еще не осознаны и до конца не реализованы, хотя уже сегодня видно, как минимум, два перспективных глобальных процесса их реализации:

- первый процесс — коалиционного строительства в этих странах и между этими странами, который пока что начал формироваться в рамках БРИКС и ШОС;
- второй процесс — переход ВТС на новую стадию и превращению его в координиру-

емую военно-экономическую и военно-научную политику.

Вместе с тем эта субъективность отражает определенную конкретность СО в будущем, что крайне необходимо для анализа и прогноза. Тем более, что разведсообщество США именно таким образом подходит к прогнозу будущей СО, хотя и не спешит слишком «забегать вперед» в своих прогнозах.

В этой связи важно провести различия, которые сложились к началу XXI века в характере стратегической обстановки XX и XXI веков, а также в характере войн и военных конфликтов. Важно понять, что между ними есть существенные, принципиальные различия, свидетельствующие о том, что к началу XXI века сформировалась новая военно-политическая парадигма, требующая, чтобы на военно-политическую обстановку посмотрели по-новому.

К сожалению, не только в военных кругах, традиционно опирающихся в прогнозе и планировании на опыт прошлых войн, но и в политической элите нет полного понимания произошедших качественных изменений, которое, безусловно, отражается на уровне политического и военного планирования. Так, например, многочисленные советские и российские инициативы о создании «равноправной», «справедливой» и т. п. систем международной и европейской безопасности оставались проигнорированными просто потому, что другим локальным цивилизациям (прежде всего западноевропейской) они не только не нужны, но и откровенно мешают.

Рассмотрим некоторые сопоставления, позволяющие дать характеристику СО, войн и военных конфликтов в XX и XXI веке.

1.6. Доминирующий сценарий формирования и развития стратегической обстановки по отношению к России как противоборство ведущих локальных цивилизаций

Каждая смена эпох характеризуется всевозрастающим масштабом и уровнем насилия⁴⁹.

*А. Владимиров,
военный теоретик*

События и процессы в военной сфере разных хронологических периодов...

Свечин подвергал прежде всего историческому и социологическому анализу...⁵⁰.

*А. Кокошин,
академик РАН*

Изначально следует определиться с тем, что понимается в XXI веке под терминами «война» и «стратегическая обстановка», так как в отечественной и зарубежной науке существуют по этому поводу разные точки зрения.

В данной работе считается, что:

- стратегическая обстановка формируется мирными средствами для ведения войны и является, таким образом, первым этапом такой войны;
- война включает в себя не только вооруженную борьбу, но и информационную, психологическую, кибероперации и иные силовые (но не вооруженные) средства воздействия.

Из всех многочисленных возможных сценариев развития СО в мире и регионах в целях практической политики необходимо выделить наиболее вероятный, или хотя бы группу наиболее вероятных сценариев развития СО. Представляется, что, несмотря на все трудности, это можно сделать, если исходить из логики анализа существующего сценария развития локальных человеческих цивилизаций (ЧЦ), международной обстановки (МО) и военно-политической обстановки (ВПО)⁵¹.

К сожалению, XXI век характеризуется (и достаточно категорично) увеличением числа негативных сценариев развития МО и вытекающих из них многочисленных негативных сценариев развития ВПО. Причем это объясняется рядом не только таких субъективных причин, как рост агрессивности западной локальной цивилизации, но и вполне объективными причинами и особенностями развития ЧЦ. Этот процесс неизбежно умножает число

негативных сценариев развития МО, и, как следствие, ВПО и СО. Это важно признавать, понимая, что требуется специальная политика безопасности в качестве ответной реакции на объективные цивилизационные вызовы. Буквально на наших глазах активизируются самые негативные сценарии развития человеческой цивилизации, численность и динамику которых требуется отслеживать самым внимательным образом.

На фоне увеличения цивилизационных угроз и численности негативных сценариев развития всей ЧЦ, особенно остро встает вопрос, о том, в каких новых формах будут развиваться отношения между локальными ЧЦ и какими будут сценарии развития МО в будущем. К сожалению, в СССР и России существовало немало неадекватных оценок, которые привели к геополитической катастрофе, но важно, чтобы такие оценки давались точно и своевременно на самом высоком уровне. От них зависит, в конечном счете, вся стратегия борьбы.

По мнению некоторых исследователей, в современных военно-теоретических взглядах на войну, содержащихся в документах военного планирования и реализующихся в практике американского военного строительства, нашел свое отражение целый ряд новых тенденций в военном деле. Среди них, в частности, российские военные эксперты В. Евдаков и В. Домрачевы отмечают⁵²:

- значительное повышение напряженности и темпа ведения военных действий, что требует более высокого, чем прежде, уровня взаимодействия всех видов вооруженных сил, что нашло свое отражение в концепциях

- «объединенных сил», «экспедиционных формирований» и ряде других, основанных на широком применении автоматизированных боевых информационно-управляющих систем и ВВТ, созданных на основе последних технологических достижений;
 - стремление к первоочередному достижению информационного превосходства над противником как одного из основных условий успешного ведения военных действий, что свидетельствует о повышении роли информационного обеспечения, фактически превратившегося из вида оперативного (боевого) обеспечения действий войск в важнейшую составляющую вооруженной борьбы;
 - трансформация в период до 2015–2020 гг. логико-временного построения операции, выделение в ее структуре логической последовательности этапов, выстроенных по степени важности и обеспечивающих эффективное достижение целей военных действий на фоне непрекращающегося информационно-психологического воздействия на население и вооруженные силы противника;
 - расширение пространственной сферы ведения военных действий, предоставляющее возможности всеобъемлющего воздействия на противника одновременно в воздушно-космическом пространстве, на суше и на море, в информационной сфере на всю глубину его территории (оперативного построения сил) и с различных направлений⁵³;
 - сохранение «операции» как главной и основной формы ведения военных действий, появление новых видов операций (космических, противоракетных, информационно-психологических, радиоэлектронно-огневых, роботизированных и др.);
 - переход от количественных критериев расчета соотношения боевых возможностей к качественным, выход на ведущее место соотношения по высокоточному оружию, оружию на новых физических принципах;
 - относительное снижение роли наземных сил в достижении целей военных действий и выход на первый план видов вооруженных сил, на вооружении которых имеется высокоточное оружие и оружие на новых физических принципах (военно-воздушные, военно-морские, космические силы, а также войска радиоэлектронной борьбы)⁵⁴;
 - сокращение сроков выполнения боевых задач и общего времени проведения операции, связанное с высокой эффективностью оружия;
 - уменьшение высокоточных сил и средств поражения, необходимых для решения типовых задач, что непосредственно влияет на необходимость и масштабы применения ядерного оружия;
 - усиление централизации и автоматизации управления, с одной стороны, и децентрализации исполнения (предоставление нижестоящим командирам полной самостоятельности при выборе сил, средств и способов действий) — с другой;
 - появление новой концепции ведения военных действий в едином информационном пространстве с использованием объединенных информационно-управляющих сетей и формирования высокой сетевой архитектуры — глобальных и локальных информационных сетей⁵⁵.
- При этом подчеркивается, что, в соответствии с национальной военной стратегией США, применение группировок американских вооруженных сил должно осуществляться в соответствии со следующими принципами:
- военная сила должна применяться решительно и целенаправленно, что требует заблаговременного и тщательного анализа обстановки⁵⁶;
 - вооруженные силы должны применяться комплексно в интересах максимального использования уникальных возможностей каждого вида вооруженных сил;
 - применение вооруженных сил США предпочтительно в составе военно-политических союзов или коалиционных группировок войск (сил)⁵⁷.
- В целом, за счет создания и принятия на вооружение новых боевых и обеспечивающих систем и средств планировалось существенно повысить способность вооруженных сил вести решительные боевые действия и достигать всеобъемлющего превосходства над любым противником. В то же время обеспечивающие системы и средства должны применяться в боевой обстановке по своему предназначению и служить инструментами, усиливающими возможности человека в бою.
-

Стратегия Запада по геополитическому уничтожению России

Рис. 18.⁵⁸

Прежде всего, от адекватности и своевременности оценки развивающегося сценария ЧЦ и вытекающего из него сценария МО, зависит стратегия нашей страны и ее союзников, т. е. точность определения целей, задач и адекватность в выделении необходимых ресурсов. Необходимо ясно понимать, каковы главные цели потенциального противника, а основы ложные, либо придуманные нами.

Исторически военно-политические цели, которые достигались в ходе войны, сводились к уничтожению армии противника и оккупации его территории (столицы, важнейших центров и коммуникаций), что политически закреплялось потом в условиях победы. Однако в конце XX и XXI веке эта традиция была фактически исчерпана и стала ненужной: уничтожение армий, правительств и оккупация территории, как политические цели, были заменены на навязывание своей политической воли, норм управления и поведения, т. е. достижения политической победы одной конкретной цивилизации над другой. В этой связи необходимо прокомментировать схему бывшего

советника бывшего НГШ ВС РФ И. М. Попова. Представляется, что главная и конечная цель западной локальной цивилизации иная: раздел РФ на отдельные самостоятельные (даже суверенные) регионы является неизбежной, но промежуточной целью. Только разделенная Россия, также как до этого СССР, а перед этим ОВД, может согласиться на следующие условия сосуществования с Западом, которые во втором десятилетии XXI века просматриваются очень точно:

- признание ограниченного суверенитета и отказ от контроля над территорией, природными ресурсами и транспортными коридорами;
- отказ от самостоятельной внешней политики, не совпадающей с внешней политикой США и Запада;
- признание тех правил и норм поведения, которые будут в тот или иной период времени определяться США;
- признание «универсальных» культурных, духовных и иных ценностей западной цивилизации и др.

Два этапа наиболее вероятного сценария реализации стратегии Запада по геополитическому уничтожению России

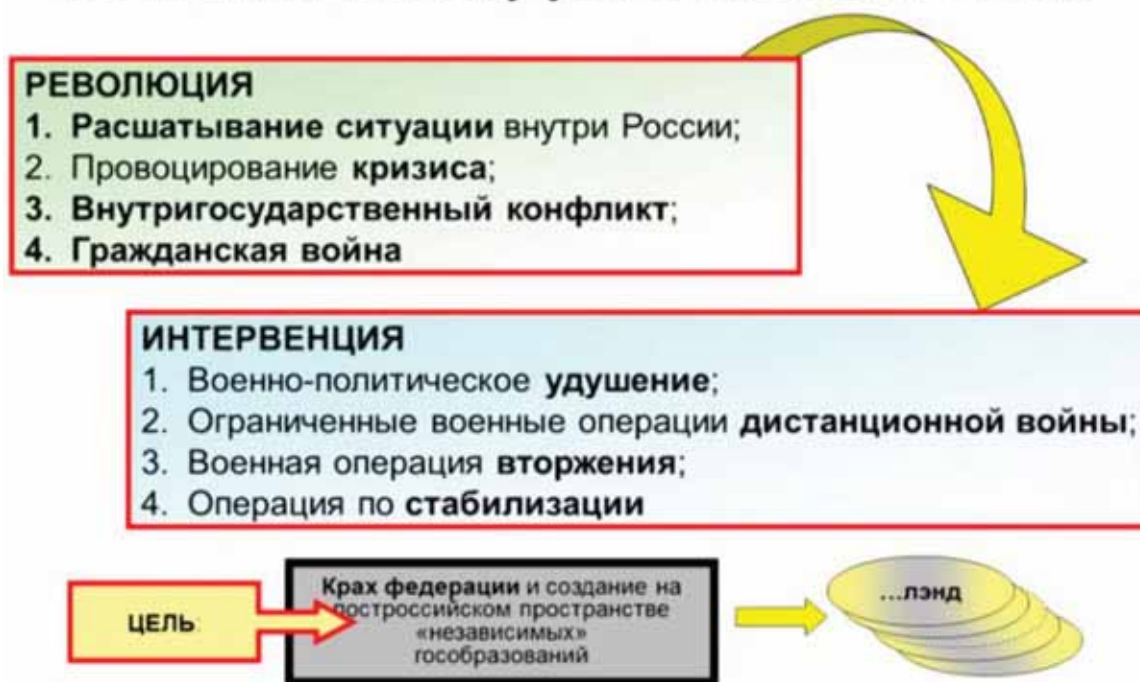

Рис. 19.⁵⁹

Это важно понимать потому, что признание этих условий неизбежно означает ликвидацию суверенного государства и (что еще важнее) постепенную ликвидацию русской нации. Контроль над правящей элитой, территорией, ВС и политикой — промежуточные цели, которые необходимо достичь для решения главных задач. Способы, приемы и тактику достижения этих целей, также важно знать для понимания разработки адекватных ответных мер. С точки зрения времени, этапности решения этой стратегической задачи она делится на два крупных этапа, о которых точно сказал И. Попов, но которые требуют конкретизации и уточнения.

Так, этап «Революция», описанный И. Поповым, в действительности начинается не с расшатывания ситуации в России, а с подмены господствующей у нации и общества системы ценностей на враждебную систему. Именно так происходило в СССР, когда материальные, узкопонимаемые под «благополучием» ценности Запада стали вытеснять не только коммунистическую систему ценностей, но и национальную.

Этот этап — крайне важен, и без него невозможно «расшатывание» государства, переход к дискредитации его институтов и элиты. В СССР, напомним, период 1970-х и начало 1980-х годов был периодом «кухонной оппозиции» не только правящей элите, но и «совку», системе ценностей общества, который начался с критики качества производимой продукции и услуг, т. е. отнюдь не политической системы.

Для Украины этот этап имел самое важное значение: нужно было создать, по сути «с нуля», новую нацию и новое государство на основе враждебной России системе ценностей, но «вписывающейся» в систему ценностей западной локальной цивилизации.

Важно отметить, что и в других разделах I этапа есть существенные коррективы, среди которых важно обязательно отметить внешнее силовое вмешательство, которое осуществляется уже на самых ранних стадиях этого этапа: провоцирование кризиса, внутригосударственный конфликт, а тем более гражданская война развиваются при непосредственном внешнем вмешательстве еще на стадии «внутреннего военного конфликта».

1.7. Стратегия реализации доминирующего сценария формирования стратегической обстановки по отношению к России

Война становится сетевым явлением, а военные действия — разновидностью сетевых процессов⁶⁰.

Учитывая огромную численность переменных величин и факторов, влияющих на формирование сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО, можно сделать вывод о том, что окончательную численность и характеристику сценариев развития СО до 2030, а тем более до 2050 годов, дать невозможно, однако это отнюдь не означает, что не следует пытаться это делать. Важно, чтобы из всего спектра возможных сценариев развития СО, во-первых, «не выпал» ни один теоретически возможный сценарий, а, во-вторых, наибольшее внимание было обращено на вероятные сценарии развития СО, которые могут просматриваться в долгосрочной перспективе.

Поэтому в качестве рекомендации предлагается следующее: необходимо готовиться к максимально широкому спектру в развитии сценариев СО к 2030 годам и исходить из того, что к 2050 годам этот спектр будет неизбежно дополнен качественно новыми сценариями, о которых невозможно пока даже предположить во втором десятилетии XXI века.

Практически сказанное означает, что необходимо таким образом организовать распределение национальных ресурсов, чтобы с одной стороны, максимально широко обеспечить реакцию на возможные и вероятные внешние и внутренние угрозы, вытекающие из самых разнообразных сценариев развития ВПО и СО, а, с другой, — насколько это возможно минимизировать затраты на реализацию ответных мер. Это означает, например, что НИОКР должны быть распространены и профинансированы по максимально широкому спектру направлений, а серийные выпуски ВиВТ — в зависимости от складывающейся ВПО и СО. Так, например, разработка наиболее перспективных систем ВТО, СНВ и ВКО должна быть, безусловно, приоритетным направлением, а их серийное производство — максимально скромным. С точки зрения приоритетов в оборонных расходах это означает, что традиционная доля НИОКР (примерно 10%) должна быть увеличена, а доля на серийный выпуск (эксплуатацию, ремонт, т. д.) — сокращена.

Формирование СО к 2030 и тем более к 2050 годам во все большей степени будет зависеть не только и даже не столько от традиционных факторов — военной политики, численности и качества ВС, ВиВТ, военной экономики и т. д., но и от невоенных факторов среди которых необходимо выделить важнейшие:

- способность государства создать и участвовать в формировании политической, экономической и военной коалиции, обеспечив себе максимально широкую поддержку среди других государств и минимальное количество враждебных оппонентов;
- способность обеспечить защиту цивилизационных ценностей, национальную идентичность и качество НЧК и его институтов;
- качество социально-экономических условий;
- политическое руководство и правящая элита;
- количества и качества институтов гражданского общества и т. д.

Это означает, что для анализа и стратегического прогноза сценариев развития СО будет необходимо в возрастающей степени учитывать невоенные факторы силы, определяющие конкретную СО. В качестве примера можно привести СО, сложившуюся летом 2014 года на Украине. Она во многом определялась именно невоенными факторами, в то время как классическое соотношение военных сил было 1:10–15 в пользу федерального руководства.

События на Украине — хорошая иллюстрация логики предыдущих рассуждений. Так, с точки зрения последовательности в развитии сценариев можно признать, что конфликт стал следствием:

- создания искусственного противостояния между локальными цивилизациями (западной и православной) и целенаправленного развития сценария локального цивилизационного конфликта;
- постепенного вычленения сценария развития новой ВПО, когда Украина фактически стала союзником США, НАТО и ЕС;

— выделения из этого сценария ВПО сценария развития СО в восточных регионах страны, т. е. локального военного конфликта.

Конфликт на Украине очень хорошо иллюстрировал характер и средства новых войн и вооруженных конфликтов. Так, традиционное использование крупных масс сухопутных сил — армий, дивизий и бригад — оказалось ограниченным, а их соотношение перестало иметь ключевое значение.

Таким образом, рассматривая возможные (потенциальные) и вероятные сценарии развития СО необходимо прежде всего анализировать их как следствие развития МО и ВПО. Это означает, что классический подход — анализ развития военного искусства, тенденций в развитии ВиВТ — перестает быть абсолютным. Целесообразно в качестве примера рассмотреть некоторые сценарии развития СО в качестве попытки использования предложенных рекомендаций.

1.8. Сценарий развития глобальной стратегической обстановки в качестве последствия создания системы ПРО США

... культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные «коды» — это сфера жесткой конкуренции, порой объект открытого информационного противоборства...⁶¹.

*В. Путин,
Президент России*

... война в Ливии... велась с помощью спутниковых установок на Шпицбергене. Это крайне опасно, потому что вся эта территория, весь архипелаг ... является демилитаризованной зоной⁶².

*А. Норберг,
вице-председатель Шведского совета мира*

Реализацию военно-политических планов вообще и стратегической ПРО США, в частности, необходимо рассматривать, прежде всего, в контексте глобальной внешнеполитической и военной стратегии США, а не только в военнотехническом плане. Эта стратегия по-прежнему предполагает в качестве важнейшего приоритета политики возвращение возможности использования военной силы для продвижения своей системы ценностей, правил и норм поведения в мире. И глобальная ПРО в таком контексте рассматривается как реальный способ «понижить порог» использования военной силы, вернуть эту функцию в отношении США со странами, обладающими стратегическим потенциалом, либо располагающими средствами (как, например, Иран), способными увеличить военные риски.

Не случайно В. Путин в последние годы акцентирует внимание на ценностных характеристиках политики. Можно сказать, что явственно эти акценты проявились еще во второй половине первого десятилетия XXI века, но стали доминирующими в 2012–2014 годы. Они были практически подтверждены развитием кризи-

са на Украине, когда стало наглядно видно, что американская внешняя политика сознательно и целенаправленно на протяжении 25 лет превращала Украину в русофобское государство.

Вплоть до последнего времени, политики и эксперты понимали, что создание глобальной системы ПРО США, безусловно, дестабилизирует ситуацию. Эта политическая позиция и аргументация сохраняются и сегодня. Однако сегодня обосновывается и другая позиция, отрицающая дестабилизирующее значение ПРО и опасность развития других видов оружия. Так, говоря о дестабилизирующем значении ПРО, некоторые эксперты (в том числе российские) полагают, что внезапный ядерный удар невозможен в принципе. В качестве аргументации они предлагают следующую логику. Ему (ядерному конфликту) должен предшествовать политический и военный конфликт.

Как пишут авторы доклада РСМД, излагая такую точку зрения, «прежде всего, необходимо учесть, что ядерная война не может возникнуть внезапно, как и невозможен внезапный ядерный удар. Даже в разгар „холодной войны“ такой сценарий не относился к числу вероятных. Без

сомнения, ядерной войне будет предшествовать период крайнего обострения политической конфронтации, выполнения мероприятий по повышению готовности войск, создания группировок на угрожаемых направлениях, частичного или полного выполнения мобилизационных мероприятий и т.д. С высокой вероятностью ядерному конфликту будет предшествовать военный конфликт с применением только обычного оружия.

Отсюда следует, что военно-политическое руководство каждой из сторон будет в готовности к своевременному реагированию на факт ядерного нападения. Тем более не вызывает сомнения готовность боевых расчетов на всех пунктах управления и готовность самой системы боевого управления. Подводные лодки со стратегическим оружием будут находиться на патрулировании, мобильные МБР рассредоточены, самолеты стратегической авиации в готовности к взлету или частично в режиме дежурства в воздухе»⁶³.

Хотелось бы, однако, серьезно возразить адептам такой позиции, напомнить им об уже обсуждавшемся автоматизме принятия в «час X»

решений, когда ответная реакция реализуется на основе разработанных ранее сложных (и поэтому не всегда совершенных и адекватных) алгоритмов, добавив следующее:

- во-первых, военно-политическая обстановка и отношения могут меняться стремительно, в течение нескольких дней, а иногда и часов (конфликт с Грузией 2008 года — очевидный пример), а военные потенциалы — десятилетиями. Никто не может гарантировать, тем более, если у одной из сторон будет эффективная ПРО, что в случае резкого обострения она не воспользуется такой потенциальной возможностью. Во всяком случае, игнорировать этот факт — наивно, хотя именно это и делают некоторые политики и ученые, в том числе и в России. Особенно если противоположная сторона будет знать, что вероятность безнаказанного использования СНВ будет высокой;
- во-вторых, сама по себе потенциальная возможность нанесения разоружающего удара (обладая гарантией безнаказанности) ставит другую сторону в заведомо невыгодную

Рис. 20.⁶⁵

позицию, когда ей можно диктовать (или пытаться делать это) политические условия и даже шантажировать. Это «косвенное» использование военной силы сродни «мягкой силе», но является на деле весьма эффективным внешнеполитическим инструментом. В этих условиях США могут пойти даже на одностороннее сокращение СНВ (или их ликвидацию). Как следует из доклада движения «GlobalZero», подготовленного авторитетными американскими специалистами, одностороннее сокращение ядерных вооружений вполне компенсируется высокоточными обычными средствами, если Россия не развернет свою систему ВКО. В докладе также отмечается, что сокращение и снижение уровня боеготовности ядерных сил США создадут условия для договоренностей России и США по ПРО. Судя по отношению академика С. Рогова к этому докладу, он всерьез рассматривает такую возможность⁶⁴, хотя и без того ясно, что «замена» СНВ США на высокоточные системы в купе с глобальной ПРО ведет к простому снижению, даже

уничтожению «ядерного порога». А это превращает саму идею ядерного сдерживания в архаизм. Понятно, что это вполне устроило бы США, но насколько оно окажется в интересах России?;

- в-третьих, в этой связи не могут не настораживать (если не прикидываться наивным) следующие тенденции в развитии вооружений и военной техники, прежде всего в области средств воздушно-космического нападения (СВН). По оценке Генерального конструктора Концерна ПВО «Алмаз-Антей» П. Созинова, к 2025–2030 годам ситуация в этой области может выглядеть следующим образом.

Последствия стремительного развития СВН в последние два десятилетия уже привели к тому, что:

- сроки уничтожения всего обозначенного спектра целей сокращаются с нескольких месяцев до нескольких недель, что позволяет сделать вывод о том, что к 2025 году вся воздушно-космическая операция сведется к нескольким дням, а, может быть, даже часам;

Рис. 21.⁶⁶

- при том же количестве самолёто-вылетов количество уничтоженных объектов увеличиваются в несколько раз, а в будущем — в десятки раз. Речь уже может идти об уничтожении не десятков, а сотен тысяч целей при незначительном увеличении числа боеприпасов;
- количество используемых боеприпасов при этом существенно возрастает (в несколько раз), что предполагает обладание заметным запасом, что будет использоваться в исключительно короткий период времени. Так, только одна ПЛАРК «Флорида» атаковала Ливию в 2011 году столькими же КРМБ, сколько их было использовано за всю войну против Ирака в 1991г. Не случайно ускоренными темпами идет переоснащение ПЛАРК США способных нести большое число КРМБ большой дальности.

С точки зрения стратегического соотношения сил между Россией и США подобное развитие событий ведет к тому, что морской компонент ВТО США будет способен к массированному «разоружающему» удару по Российской Федерации по всей ее территории без использования СЯС США. Они в этом случае останутся гарантом для нанесения повторного, уже ядерного удара по России. Этот «расклад» к 2020–2025 годам хорошо виден на следующей карте (рис. 21).

По мере совершенствования потенциалов СЯС России и США, появления качественно

новых систем боевого управления, стратегических неядерных вооружений и новых технологий противовоздушной и противоракетной обороны ситуация становится для нашей страны принципиально иной. Усиление ПРО (до способности нивелировать стратегический потенциал) по мере сокращения СНВ сторон может рассматриваться как нарушение стратегической стабильности и ядерного сдерживания, а взятые вместе оба процесса, — как очевидная угроза национальной безопасности России. Понятно, что потенциал ответного удара обесценивается не только с военной, но и с политической точки зрения.

Надо понимать, что количественное сокращение потенциалов СНВ России и США неизбежно не только в силу достигнутых договоренностей по ДСНВ-3, но и в силу морального и физического устаревания СЯС обеих держав, их вытеснению высокоточными стратегическими неядерными вооружениями. Во многом это естественный процесс морального и физического устаревания, но развертывание в перспективе глобальной ПРО уже сегодня ставит трудноразрешимую проблему: каким образом компенсировать нарастающую дестабилизацию, ведь сегодня нет соглашений ни по ограничению СНВ Китая, Франции и Великобритании, ни ограничений на массированное развертывание СКР или ударных беспилотных ЛА, ни будущих ГЗЛА.

Остаются расчеты только по СНВ США и России, которые выглядят следующим образом⁶⁷ (рис. 22).

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ РОССИИ И США			
	НАЗЕМНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	МОРСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ	ВВС
РОССИЯ ВСЕГО 2825 боеголовки	1357 боеголовки 68 Межконтинентальные баллистические ракеты Р-36МВТТХ и Р-36МВ (СС-18) 72 Межконтинентальные баллистические ракеты УР-100НТТХ (СС-18) 180 Подводные стратегические ракеты (СС-20) 50 Комплексы Топола-М адвентного базирования (СС-20) 15 Мобильные комплексы Топола-М (СС-20)	612 боеголовки 13 Ракетный подводный крейсер стратегического назначения (РПКСН) 7 пр. 667БДМ «Delta IV» 5 пр. 667БДР «Delta III» Ниже: 292 пусковые устройства • Ракетный комплекс с ракетами Р-29Р (СС-Н-18) • Ракетный комплекс с ракетами Р-29РМ (СС-Н-23) • Ракетный комплекс с ракетами Р-29РМ/2 «Севаст»	856 крылатых ракет 14 Бомбардировщик Ту-160 (Blackjack) 63 Бомбардировщик Ту-95МС (Black Hole) • Бомбардировщик Ту-22М3
США ВСЕГО 5900 боеголовки	1700 боеголовки 50 Межконтинентальные баллистические ракеты LGM-118А Peacekeeper (M3) 500 Межконтинентальные баллистические ракеты LGM-30G «Minuteman III»	3168 боеголовки 18 Подводная ракета-атомник с баллистическими ракетами (SSBN) (класс «Ога» SSBN(X)SSGN) Ниже: 144 Пусковые установки с МРТУ «Cobalt I» 288 Пусковые установки с МРТУ «Cobalt 2»	1098 крылатых ракет Точные бомбардировщики 81 B-1 20 B-2 142 B-52

Источник: Стратегический международный институт исследований вооружений (СИММВ). Данные на 2020 год

Рис. 22.

Даже сегодня, учитывая тенденции развития ПРО, систем боевого управления, ВТ и вооружений, соотношение СЯС России и США не выглядит убедительным, особенно если учитывать темпы ввода в строй новых поколений МБР и БРПЛ в России и «провальные» десятилетия в НИОКР в российской ВКО. Тем более это соотношение будет неопределенным после 2020 года, когда потенциал российских РВСН во многом девальвируется. Рассчитывать на то, что средства преодоления и уничтожения американской ПРО будут эффективны изначально — иллюзия. США, надо полагать, уже просчитали эти возможности и будут готовы к их нейтрализации, в том числе стратегическими неядерными вооружениями, с помощью которых уже сегодня они могут уничтожить в первом ударе не менее 30% ключевых целей в России и 100% целей в КНР.

Понятно, что руководство нашей страны учитывает и эти варианты. Как отметил президент России В. Путин, «вероятность глобальной войны ядерных держав друг против друга невысока, таковая означала бы конец цивилизации. Однако нужно учитывать, что научно-технический прогресс в самых разных областях, начиная от появления новых образцов вооружений и военной техники и заканчивая информационно-коммуникационными технологиями, привёл к качественному изменению характера вооружённой борьбы. Так, по мере массового принятия на вооружение высокоточных неядерных средств большого радиуса действия всё более чётко будет проявляться тенденция закрепления за ними роли оружия решительной победы над противником, в том числе и в глобальном конфликте»⁶⁸.

Это вполне реальная среднесрочная перспектива до 2020–2022 года, которая уже подкреплена соответствующими решениями в стратегическом планировании, конкретными программами, НИОКР и финансированием. Это — реальность, от которой США не откажутся ни при каких обстоятельствах. Но возможны, более того, очень вероятны новые технологические прорывы, заделы которых были сделаны в предыдущие десятилетия. Как отметил В. Путин, «большое, если не решающее, значение в определении характера вооружённой борьбы будут иметь военные возможности стран в космическом пространстве, в сфере информационного противоборства, в первую очередь — в киберпространстве.

А в более отдаленной перспективе — создание оружия на новых физических принципах (лучевого, геофизического, волнового, генного, психофизического и др.). Всё это позволит, наряду с ядерным оружием, получить качественно новые инструменты достижения политических и стратегических целей»⁶⁹.

Эти прорывы сегодня трудно прогнозировать. Но, как показывает человеческая история, они неизбежны, если для этого есть соответствующий «социальный заказ». А он есть: кризис 2008–2012 годов показал, что ослабили позиции США не только в мире, где модель их поведения доказала свою неэффективность и опасность, но и в самих США возможны радикальные кризисные явления. И не только финансовые, экономические, но и социальные, и политические. Как в этих условиях поведут себя правящие круги США, никто не знает.

Пока что можно констатировать, что в настоящее время параллельно стремительно увеличиваются возможности США в области ПРО в различных регионах, которые направлены на нейтрализацию СНВ не только России, но и Китая. Может быть, даже в первую очередь Китая. Развертывание морских (мобильных) систем ПРО означает, что они могут быть в короткие сроки переброшены в любой регион мира, что вместе с создаваемым США «поясом» ПРО от Австралии до Аляски, может серьезно изменить соотношение сил в АТР. И это не далекая перспектива, а уже нынешняя реальность.

Так, противоракета второго поколения Standard Missile — 3 (SM-3) Block 1B, запущенная с корабля ВМС США, поразила учебную боеголовку баллистической ракеты среднего радиуса действия, стартовавшей с полигона на Гавайских островах в ходе испытаний в июне 2012 года. В мае 2012 года противоракета второго поколения Standard Missile — 3 (SM-3) Block 1B системы ПРО Aegis, запущенная с корабля ВМС США в районе Гавайских островов, поразила учебную баллистическую ракету ближнего радиуса действия. Это второе подряд успешное испытание новейшей противоракеты.

Таким образом, мобильные системы ПРО ракет среднего и ближнего радиуса уже испытаны и стали фактом. Как сообщалось в прессе, в рамках создания европейской системы противоракетной обороны Соединенные Штаты разместят на базе в Роте (Испания) четыре ракетных

эсминца, оснащенных многофункциональной боевой информационно-управляющей системой Aegis. Эти системы легко могут быть направлены в любой регион планеты, а численность их развертывания доведена практически до любого уровня. Платформ — судов и других, в том числе наземных средств, — более чем достаточно.

В 2014 финансовом году, который начинается 1 октября 2013 года и закончился 30 октября 2014 года, на базу в Роте уже будут переведены эсминцы Ross и DonaldCook с базы в Норфолке, штат Вирджиния. В 2015 финансовом году на базу в Роте будут переведены эсминец Porter, также базирующийся в Норфолке, и эсминец Carney из Мейпорта, штат Флорида. По сообщению МО США, эти боевые корабли должны быть задействованы не только в противоракетной обороне Европы, но и в случае необходимости могут быть переброшены в распоряжение Центрального командования ВС США, т. е. в регион Персидского залива и Аравийского моря⁷⁰. Об этом сообщает Wall Street Journal, ссылаясь на чиновников американского министерства

обороны. «Наша риторика сфокусирована на Северной Корее, — сказал Стивен Хилдрет, эксперт исследовательской службы Конгресса США. — Но на самом деле мы в долгосрочном плане смотрим на слона в комнате, то есть на Китай».

Система ПРО будет покрывать все большие пространства Азии. Новый радар разместится в Японии, а еще один — возможно, в Юго-Восточной Азии, например, на Филиппинах. Они будут связаны с кораблями и наземными базами, на которых располагаются ракеты-перехватчики. Этот план представляет собой часть новой стратегии президента США Барака Обамы, которая предусматривает переброску военных ресурсов в Азиатско-Тихоокеанский регион. Сейчас в распоряжении США есть 26 кораблей, оснащенных противоракетным оружием. К 2018 году их число увеличится до 36⁷¹. Ключевую роль в сохранении американского влияния в Азии играют авианосцы⁷², но, видимо, в будущем эта роль перейдет к платформам, оснащенным системами ударного наступательного и оборонительного оружия.

1.9. Сценарии возможного формирования стратегической обстановки на базе военного конфликта в Юго-Восточной Азии

Вы не можете нанести противнику эффективный удар если не создадите для этого благоприятные условия⁷³.

А. Владимиров

До 2030 г. Тихоокеанская Азия ... останется наиболее быстро развивающимся регионом мира⁷⁴.

Стратегический глобальный прогноз 2030

Формирование СО — суть создание благоприятных условий для возможной будущей войны. Это — политика, причем в ее конкретном виде. Изменение в соотношении сил и, как следствие, изменения ВПО в АТР, неизбежно приведут к осложнению СО в регионе, которую можно будет характеризовать как серию военных конфликтов. Но это — не единственная причина. Другая причина заключается в том, что США хотят продемонстрировать публично свое намерение сохранить контроль в АТР и Юго-Восточной Азии, в т. ч. с помощью военной силы.

Ситуация повторяет стратегическую ситуацию, возникшую в Европе после распада ОВД

и СССР, когда США на примере Югославии показали, кто контролирует Европу в постсоветский период. Как справедливо заметили российские эксперты, «Анализ хода самой агрессии, и её наиболее очевидных результатов, позволяет сделать вывод, что главным мотивом агрессии явилось стремлением руководства НАТО заявить о своих претензиях на мировое господство и об особой военно-полицейской роли альянса в Европе. При этом руководством альянса последовались также следующие цели:

— продемонстрировать решимость НАТО любой ценой добиться урегулирования косовской проблемы на своих условиях;

- существенно подорвать военно-экономический потенциал СРЮ и лишить федеральную власть страны возможности проводить в будущем силовые акции в Косово;
- способствовать установлению в Косово, а, по возможности, и в самой Югославии, проамериканского марионеточного режима;
- вывести из-под юрисдикции международных институтов процессы урегулирования кризисов и конфликтов, что должно являться, по мнению руководства альянса, прерогативой только лишь НАТО и доминирующих в альянсе США;
- установить контроль над таким стратегически важным районом, как Балканы.

Очевидно, что агрессия НАТО против Югославии, равно как и последовавшая затем оккупация Косово, — продуманная и принятая к исполнению стратегия США и НАТО, реализуемая независимо от действительного положения дел в Югославии и политики ее руководства. Для руководства НАТО в этом плане был принципиально важен сам факт военно-силового разрешения косовского кризиса, как демонстрации военной мощи блока и готовности его руководства применить ее на практике в дальнейшем⁷⁵.

Военный конфликт в Юго-Восточной Азии может стать в среднесрочной (до 10 лет) перспективе наиболее вероятным конфликтом, в результате которого произойдет крупномасштабная война между США, Японией и ряда других стран, с одной стороны, и Китаем (и, возможно, другими странами Евразии), — с другой. Причиной этому могут стать стремительно нарастающие противоречия в АТР, а также, то обстоятельство, что именно восточные регионы КНР являются концентрацией людской и экономической мощи страны, но они же — наиболее уязвимы для внешнего нападения.

Учитывая, что средство, в т. ч. ВТО морского базирования США, развиваются быстрыми темпами, можно говорить о том, что противники КНР будут уже к 2020 годам обладать достаточным количеством оружия для ведения полномасштабных действий в Юго-Восточной Азии. На этом фоне ухудшение отношений КНР и Японии достаточно символично. Оно демонстрирует фундаментальные в своей основе разногласия между двумя странами — в области безопасности и системы ценностей. Как справедливо заметил эксперт в этой области А. Лукин, «экономическая и политическая мощь Китая, осно-

ванная на длительном периоде успешного экономического роста, год от года увеличивается. Рост китайской экономики способствует углублению экономического сотрудничества с основными партнерами, в том числе и с Японией. Объем торговли между двумя странами в прошлом году достиг 345 млрд долл. США. Япония является крупнейшим инвестором в китайскую экономику, для нее Китай — ведущий торговый партнер, как в области импорта, так и экспорта.

Казалось бы, двум странам необходимо решительно избегать любых споров. Ведь серьезный конфликт нанесет непоправимый ущерб обеим странам, каждая из которых испытывает экономические сложности. Но экономические соображения не всегда определяют отношения между странами. Достаточно вспомнить, что накануне нападения Германии на СССР в 1941 году две страны были тесными экономическими партнерами. Экономическая взаимозависимость, конечно, является фактором, сдерживающим японо-китайскую конфронтацию. Но есть еще соображения политического, националистического, психологического характера»⁷⁶.

Поэтому отношения Китая с Японией, да и рядом других государств Юго-Восточной Азии, вряд ли можно назвать стабильными в будущем. Тем более, что не только не решены многие территориальные вопросы, но и возникают новые. В этом контексте проблема ядерного сдерживания уже распространяется не только на российско-американские отношения, но и на китайско-японские, китайско-индийские, китайско-вьетнамские, китайско-индонезийские, тайваньские и другие отношения КНР с государствами Юго-Восточной Азии. При этом Соединенные Штаты вносят свой, безусловно, дестабилизирующий элемент в это ядерное уравнение, развертывая наступательные и оборонительные системы, продвигая на рынки во все больших масштабах свои высокоточные вооружения.

Очень важная сторона проблемы, о которой пока еще мало говорят, заключается в том, что стремительно совершенствующийся и растущий количественно потенциал высокоточного неядерного оружия в Евразии девальвирует не только ядерное сдерживание, но и серьезно, качественно понижает порог использования военной силы, делает этот инструмент более привлекательным для многих стран. Причем существует определенная неконтролируемая тенденция «расползания» ВТО в Евразии. Так,

по версии, продвигаемой спецслужбами США и Израиля, Китай плотно сотрудничает с Ираном в области ракетных и ядерных технологий. В частности, выявлены три варианта двух противокорабельных ракет, которые в Иране строятся под другими названиями. Среди них — новейшие разработки С-701Т с электрооптической системой наведения и ее вариант С-701R, оснащенный системой наведения на сигнал радара.

С учетом получаемых ЦРУ данных, США ввели санкции против девяти китайских компаний, которые были уличены в иранской программе по строительству баллистических ракет (China Great Wall Industry Corporation, Norinco, Catic и др.). По данным иностранных СМИ, начиная с 1990-х годов Китай поставляет Ирану крылатые ракеты воздушного, наземного и морского базирования, а также компоненты к ним. С началом нового тысячелетия источники ЦРУ стали обращать внимание, что иранское ракетное оружие, а также подводные лодки Ирана, его мины и торпедные катера могут быть использованы против военно-морских сил США на Ближнем Востоке и, соответственно, нарушить поставки нефти из стран Персидского залива.

Согласно тем же источникам, Китай поставил в Иран «важные компоненты» для разработки ядерного оружия, производства отравляющих газов, ракетного топлива, а также, в американской интерпретации, «реактор для научных исследований»⁷⁷.

Ряд аналитиков отмечают, что подобные действия России, Китая и Ирана вполне естественны и являются ответными на действия США по развертыванию ПРО. Так, индийский исследователь отмечает: «Пентагон делает все, чтобы окружить Евразию и Евразийский тройственный союз, состоящий из Китая, России и Ирана. Каждое действие, однако, порождает ответную реакцию. Ни одна из этих трех евразийских держав не будет смиренно сидеть, представляя собой пассивные цели для США. Пекин, Москва и Тегеран принимают собственные контрмеры, противодействуя военной стратегии Пентагона. В Индийском океане китайцы развивают свою военную инфраструктуру, которую Пентагон называет китайским „жемчужным ожерельем“. В Иране идет процесс расширения, целью которого является развертывание в водах Персидского и Оманского заливов своих военно-морских сил все дальше и дальше от своих берегов. Все

три евразийские державы вместе с несколькими своими союзниками размещают свои военные суда на береговой линии Йемена, Джибути и Сомали в геостратегически важном морском коридоре Аденского залива.

Американская глобальная система ПРО является составной частью стратегии Пентагона по окружению Евразии и этих трех держав. В первую очередь, эта военная система направлена на создание ядерного преимущества США для нейтрализации любого русского или китайского ядерного ответа на атаку США или НАТО. Глобальная система ПРО направлена на предотвращение какой-либо реакции или ядерного „ответного удара“ со стороны русских и китайцев на „первый ядерный удар“ Пентагона»⁷.

Очень показателен в этой связи пример с Израилем, армия которого за несколько дней в ноябре 2012 года уничтожила все военно-политические центры управления, руководство ХАМАС и практически все ракеты. Ситуация легко может быть экстраполирована с Ближнего Востока на всю Евразию. Этому фактически способствует и процесс ограничения и сокращения СНВ, который поддерживается США и Россией. Возникает ситуация, когда Россия собственными усилиями не укрепляет, а ослабляет свою безопасность, особенно в контексте увеличения наступательного неядерного потенциала США, который уже фактически превратился в часть эффективного потенциала стратегических наступательных вооружений (СНВ), что особенно заметно с конца 1980-х годов.

Уничтожение Красноярской РЛС, сокращение тяжелых МБР и ликвидация ракет средней и малой дальности, безусловно, негативно повлияли на возможности ядерного сдерживания России на востоке страны и в целом в Евразии. В новых геополитических условиях актуальной проблемой становится пересмотр этих решений. Эксперты «Военного обозрения» отмечают в этой связи: «Парадоксально, что с сокращением ядерных вооружений до самых низких уровней вероятность его применения станет возрастать из-за снижения суммарного уровня наносимого им ущерба». И далее: «Смысл ядерного сдерживания устрашением в настоящее время состоит в двух положениях. Показывать вероятному противнику свою силу, возможности и способность для нанесения заведомо неприемлемого ущерба. Убеждать вероятного противника в своей воле и решимости применить

по нему при необходимости ядерное оружие: сначала демонстративно в виде ограниченных или выборочных ударов, а затем и массированно в виде контрсилловых („разоружающих“ и „обезглавливающих“) и контрценностных („сокраща-

ющего возмездия“ по городам) стратегических ядерных ударов»⁷⁹. Очевидно, что при любом из этих сценариев роль ВКО приобретает особое, принципиальное значение. Особенно до начала или на ранних стадиях конфликта.

1.10. Сценарии развития стратегической обстановки на базе создания воздушно-космического ТВД

... можно предположить, что США планируют разместить у арктического побережья России четыре ударных группировки ПЛА...⁸⁰.

И. Капитанец

... сотрудничество не удастся наладить даже в тех случаях, когда интересы Москвы и НАТО совпадают ... общность интересов не исключает внутренней конкуренции⁸¹.

А. Макаркин,

заместитель директора Центра политических технологий

Развитие различных сценариев ВПО и СО допускает, что при определенных условиях США создадут потенциал первого ядерного удара и глобальную и эффективную систему ПРО, которая радикально изменит всю глобальную СО в мире. Уже сегодня в этом случае можно прогнозировать, как минимум, следующие последствия:

- фактически исчезнет грань между началом применения стратегических вооружений (ядерных или обычных) и угрозой их использования; использование одиночных боеприпасов под прикрытием ПРО отнюдь не будет расцениваться как начало полномасштабной войны. Так, применение БР «Точка-У» на Украине расценивалось в общем ряду с использованием артиллерийских систем;
- радикально расширяется спектр и масштаб применения различных неформальных вооруженных формирований — от частных компаний до нерегулярных подразделений, — а также ВиВТ, которые по тем или иным причинам могут относиться к нерегулярным формированиям;
- практически исчезает граница сдерживания против неядерных стратегических вооружений и другого ВТО, когда даже их массовое использование не ведет автоматически к применению ядерных сил ответного удара.

Так, очевидно, что новой сферой противоборства становится космическое пространство (которое Россия и Китай предложили опреде-

лить, начиная с высот в 100 км)⁸², в котором можно размещать уже не только военную технику, но и оружие. Если этого не удастся предотвратить, то высоты свыше 100 км будут также являться полем боя, где будет размещено ударное вооружение, в том числе новые системы ВТО, обладающие повышенной дальностью и скоростью, что делает проблему защиты от них еще более трудной, чем используемые технологии «Стелс».

Вот почему в 2007 г. Россия заявила о подготовке совместно с Китаем проекта полномасштабного договора по предотвращению размещения оружия в космосе (ПРОК). В 2008 г. в рамках Конференции по разоружению этот проект был официально внесен на рассмотрение международного сообщества. Такой договор должен закреплять юридические обязательства на паритетной основе — без разделения стран на тех, кто «может иметь» оружие в космосе, и тех, кто «не может». Основные обязательства по этому проекту договора сводятся к следующему:

- не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с любыми видами оружия, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом;
- не прибегать к применению силы или угрозе силой в отношении космических объектов;
- не оказывать содействия и не побуждать другие государства и международные организации к участию в деятельности, запрещаемой договором⁸³.

Рис. 23.⁸⁵

Рис. 24.⁸⁶

Однако может быть реализован и сценарий такого развития СО, когда будет создана эффективная воздушно-космическая оборона на одном из ТВД — европейском или восточно-азиатском. В этом случае уровень глобальной стратегической конфронтации может быть не достигнут, ограничен для России уровнем ТВД либо в Европе, либо на Дальнем Востоке. Это потребует от России создания и развертывания ВКО ТВД, что на практике будет означать развертывание ВКО Евразии⁸⁴, что представляет

собой трудную экономическую, научно-техническую, но, прежде всего, политическую задачу. О том, что такая задача стоит в практической плоскости, свидетельствуют решения о создании объединенной ПВО–ВКО России и Белоруссии, России и Казахстана, а теперь уже и ВКО ОДКБ. О масштабах научно-технических и экономических проблем, которые предстоит решить, свидетельствует Генеральный конструктор ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“» Павел Алексеевич Созинов.

1.11. Сценарии развития стратегической обстановки на базе возможных военных конфликтов за Арктику и транспортные коридоры

... Мы не можем знать наверняка, какие конфликты, вызовы или угрозы состоятся в будущие 100 лет или 10 лет ... И мы должны подготовить наши институты к неожиданностям⁸⁷.

Ч. Хейгел,

министр обороны США

... все крупнейшие геополитические игроки находятся в состоянии перманентной войны друг с другом за «прорыв» в постиндустриальную эпоху... за контроль над источниками ресурсов и недопущение к ним альтернативных центров силы, за свое цивилизационное выживание⁸⁸.

А. Владимиров,

военный теоретик

Усиление борьбы локальных цивилизаций за природные ресурсы и допуск к ним, а также за контроль над транспортными коридорами неизбежно обостряет проблему не только геополитического и экономического, но и военного контроля над огромными территориями, по которым проходят транспортные коридоры и располагаются природные ресурсы. Примером того, как контроль над природными ресурсами превращается в военно-политическую проблему, становятся такие регионы, как Центральная Азия и Арктика. В частности, решением Президента РФ Северный флот выведем из состава Западного военного округа (ЗВО), он станет главной ударной силой нового Объединенного стратегического командования (ОСК) «Север».

Новые группировки формируются в соответствии со стратегической программой «Арктика-2020», утвержденной в прошлом году. «В состав ОСК «Север» будет включен ряд частей и соединений других видов и родов войск Вооруженных сил РФ, которые также выведут из подчинения ЗВО», — отметил он. По словам

источника, формирование нового командования завершится к концу года, оно получит статус пятого по счету военного округа, хотя и не будет называться так официально. «Группировки войск, которые войдут в состав ОСК «Север», должны быть полностью обеспечены вооружением, техникой и всеми другими материальными средствами к 1 октября и укомплектованы личным составом на 100% к 30 декабря этого года», — уточнил собеседник. «Помимо Северного флота и других, изымаемых из ЗВО, частей и подразделений в ОСК «Север» включают и новые группировки, развертываемые в арктической зоне, в том числе на Новой Земле, Новосибирских островах, Земле Франца-Иосифа, острове Врангеля», — добавил источник.

В командование, по его данным, войдут уже имеющиеся в местах постоянной дислокации формирования других видов и родов войск, а также других силовых структур. Оперативное управление новым командованием будет осуществлять Национальный центр управления обороной РФ. «Зона ответственности ОСК

«Север» в ее верхней части будет включать Северный полюс, разграничительная линия на юге с Тихоокеанским флотом окончательно пока не установлена», — заключил источник⁸⁹.

По мере девальвации военно-стратегического равновесия все большую роль начинают играть уже не только великие ядерные державы, но и государства, способные обеспечить себе определенные позиции с точки зрения возможностей коалиционной и даже национальной военной стратегии, в которой используются высокоточные неядерные вооружения и военная техника (ВиВТ). Так, проблемы с безопасностью России возникают не только с западного, южного и восточного, но и северного направлений.

Прежде всего, речь идет о создании стратегической угрозы для России с арктического направления. Еще в самом начале первого десятилетия XXI века И. Капитанец прогнозировал, что ко второму десятиетию США будут обладать потенциалом для нанесения удара по России из Арктики⁹⁰. С высокой вероятностью можно предположить, что США планируют разместить у арктического побережья России четыре ударных группировки ПЛА (УГ ПЛА):

- первая — в Баренцевом море — из трех ПЛА типа SSN-774 и двух ПЛА типа SSN-688.1;
- вторая — в Карском море — из двух ПЛА типа SSN-774 и одной ПЛА типа SSGN-726;
- третья — в западной части моря Лаптевых — из двух ПЛА — типа SSN-774 и одной ПЛА типа SSGN-726;
- четвертая — в восточной части моря Лаптевых или в западной части Восточно-Сибирского моря — из двух ПЛА типа SSN-774 и одной ПЛА типа SSGN-726.

Таким образом, с северного арктического направления планируется произвести обстрел целей:

- первая УГ ПЛА — по северной европейской части России и Уралу — до 60 КР;
- вторая — четвертая УГ ПЛА — по территории Центральной Сибири и Уралу — до 534 КР.

В настоящее время РФ не располагает ПЛС, способными контролировать обстановку и вести активные противолодочные действия в районах Карского, Восточно-Сибирского морей и моря Лаптевых.

Подводные лодки, находящиеся на маршрутах осевого патрулирования, занимают огневые позиции для стрельбы по назначенным целям.

Подводные лодки типа SSGN-726, находившиеся в районах ожидания, развертываются в районы назначенных огневых позиций. 4–6 субмарин обеспечивают боевую устойчивость ударных ПЛА SSGN-726 на маршрутах развертывания в районы огневых позиций. Они же, как силы обеспечения боевой устойчивости подводных лодок SSGN-726, проводят действия по недопущению российских ПЛС в районы нахождения ПЛА.

Создаются «ложные районы боевых действий ПЛА» для отвлечения российских ПЛС. В этих районах имитируется работа радиопередающих устройств ПЛА, их шумов с помощью имитаторов ПЛ, проводятся демонстративные действия специально выделенных сил.

С получением докладов об установлении слежения за каждой российской ПЛ, занятии огневых позиций, может быть принято решение на уничтожение отслеженных российских ПЛ и, прежде всего, РПК СН. В сентябре 2012 года в Норвегии прошла встреча представителей военных ведомств североевропейских государств — Норвегии, Финляндии Дании, Швеции и Исландии, — на которой обсуждались вопросы военной интеграции, совместной военной политики и оценки потенциальных угроз. При этом, как оказывается, у всех этих стран есть «проблемы» в отношениях с Россией. В 2011 году, например, по оценке экспертов, после принятия Россией проекта по освоению архипелага Шпицберген и начала его реализации, из Осло послышались слова протеста.

Именно тогда впервые тема арктической безопасности приобрела резкие черты. Очевидно, что норвежские власти решили просто окончательно прибрать Шпицберген к рукам, а потому российский проект явно в их планы не вписывался. Более того, использовать его в военных целях. «Запад принялся за милитаризацию Арктики в попытке установить контроль над ценными ресурсами региона, а НАТО усиливает экспансию в этом регионе. Такое мнение в интервью „Голосу России“ высказала вице-председатель Шведского совета мира и член наблюдательного совета Глобальной сети против оружия и ядерных испытаний в космосе Агнета Норберг. Она, в частности, заявила, что „правительство Норвегии разрешило США разместить там радарные установки: в сочетании со спутниками они используются для ведения войны. Это совершенно новые способы ведения современных войн“»⁹¹.

С другой стороны, все остальные радарные установки используются для навигации военных самолетов и информирования пилотов о целях бомбардировок. Если посмотреть на карту, то она вся покрыта американскими радиолокационными установками. Получается, с одной стороны, у тебя есть система ПРО, которая может быть использована в оборонительных целях, а с другой стороны, может быть использована в качестве наступательного вооружения. И один из радаров этой системы ПРО установлен вблизи границ России в норвежском Вардэ.

«Я была удивлена, — продолжает известный общественный деятель, — когда русские эксперты, приехавшие на семинар по Арктике, который мы устраивали в Стокгольме в октябре, не согласились, что ситуация в регионе довольно опасная. Единственный, кто со мной согласился, был Борд Вормдал, журналист, который написал книгу „Спутниковая война“. Мне кажется, что это все из-за неосведомленности об установках вблизи границ России. А это достаточно опасно»⁹².

Самостоятельно Норвегия на антироссийские действия вряд ли решится, поэтому сегодня для нее важно собрать своеобразную команду «единомышленников», которые под лозунгами арктической безопасности могут продавить инициативу об отмене положения о равноправной экономической деятельности на Шпицбергене⁹³. Особенно актуальными в этой связи становятся проблемы, связанные с Арктикой. «Финляндия, — отмечают эксперты, — несмотря на достаточно внешнее политическое спокойствие, устами правых сил заявляет, что пора бы поднять вопрос о статусе Карелии. И хотя здесь до Арктики далековато, но кто же, в конце концов, будет измерять расстояние от Петрозаводска до арктических льдов с помощью линейки на географической карте. Главное — создать прецедент, а там уже погромче обозначить свою обеспокоенность»⁹⁴.

Казалось бы, что у других стран северной пятерки к России нет больших претензий, но это на самом деле не так. Если рассматривать Швецию, то оказывается, что после российско-грузинского военного конфликта шведские власти очень активно заявляли о российской «агрессии в Грузии» и о том, что эта агрессия угрожает Западу, косвенно призывая к активным действиям по нейтрализации российской «угрозы». Мало того, нейтральная Швеция все

активнее заявляет о том, что видит свое дальнейшее развитие при активном сотрудничестве с НАТО. К Дании у официальных российских властей тоже есть свои вопросы. Взять хотя бы проведение в этой стране так называемого Мирового чеченского конгресса, на котором собралась вся террористическая «малина», представители которой были в свое время объявлены в международный розыск. Даже Исландия не является страной, нахождение которой в этом своеобразном списке союзников по борьбе с фантасмагоричной арктической опасностью вызывает много вопросов⁹⁵.

Создание Соединенными Штатами региональных систем ПРО в Европе, Северной Америке, на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии неизбежно приводит к выводу, что создается глобальная система ПРО, способная гарантировать защиту не только собственной территории страны и их союзников, но и вооруженных сил НАТО и других стран, размещенных на различных ТВД по всему миру. В случае использования Соединенными Штатами военной силы в любой ее форме такая возможность, безусловно, гарантирует им безопасность и способность понизить «ядерный порог» до приемлемого уровня.

Достигнутый полярными странами (Россия, Канада, США, Норвегия, Исландия, Швеция, Дания, Финляндия) статус-кво отчасти сковывает их инициативу и не позволяет принимать односторонние шаги. Однако институт «стран-наблюдателей» в Арктическом совете сегодня может использоваться геополитическими центрами для усиления борьбы в Арктическом регионе. К такому выводу пришли эксперты Центра стратегических оценок и прогнозов, проанализировав позиции и мотивы деятельности стран-наблюдателей Арктического совета. На сегодняшний день к странам-наблюдателям при Арктическом совете относятся Великобритания, Германия, Индия, Испания, Италия, Китай, Нидерланды, Польша, Сингапур, Франция, Южная Корея и Япония. Эти страны, имея собственные амбиции и устремления в регионе, формально не обладают правом голоса по арктическим вопросам, однако вполне могут способствовать ведущим игрокам в борьбе за отстаивание их интересов; на это и делается ставка, отмечается в докладе.

По мнению экспертов, из восьми арктических стран самое большое внимание потенциалу стран-наблюдателей уделяет Норвегия. Она

ведет активный диалог с такими государствами, как Сингапур, Китай, Южная Корея, пытаясь привлечь их к решению в том числе и ряда вопросов в собственных интересах. Сингапур рассчитывает получить результат от «продажи» собственных достижений иным участникам арктической гонки. Именно поэтому Сингапур сегодня является выгодным союзником для многих иных арктических государств. Прежде всего, интересует опыт и признание данной страны в международном морском праве. Существенными также являются опыт и достижения Сингапура в создании, управлении и развитии морской и прибрежной инфраструктуры, а также в судостроении, пришли к выводу исследователи Центра стратегических оценок и прогнозов.

Южная Корея среди стран-наблюдателей является одним из наиболее активных игроков в арктических вопросах, считают авторы исследования. С точки зрения Сеула, развитие Северного морского пути позволит стране не только увеличить производство кораблей арктического класса, но и приумножить товарооборот корейских портов с портами в Западной Европе. Эксперты отмечают, что Сеул в арктической политике делает ставку на сотрудничество с полярными государствами. «Наиболее близкие отношения складываются у Сеула с Россией», — говорится в докладе.

Мотивы поведения Китая в решении арктических вопросов исходят из тезиса о том, что проблемы Арктики носят не региональный, а глобальный характер. «Подразумевается, что если решения, принятые при обсуждении арктических проблем, имеют глобальные последствия, то Китай как растущая мировая держава должен иметь право голоса в них», — объясняют эксперты. Опираясь на анализ дипломатических шагов Поднебесной в течение последних 30 лет, исследователи также предполагают, что прагматические соображения будут основными факторами политики Китая в Арктике. Сегодня, согласно докладу, для защиты своих интересов в Арктике Китай сосредотачивает усилия в достижении ряда целей:

- во-первых, получить более глубокое представление об отрицательных последствиях того, как изменение климата в Арктике будет влиять на окружающую среду в Китае, его климатические условия и сельское хозяйство;
- во-вторых, обеспечить свое участие в Арктическом совете, чтобы постепенно усиливать

влияние на принятие решений, касающихся правления в Арктике;

- в-третьих, одной из стратегических целей Китая, отмечается в исследовании, является обеспечение безопасности маршрутов поставки в страну стратегического сырья от возможного воздействия на них со стороны ВМС США.

В целом Поднебесная уже устойчиво интегрирована в систему решения арктических проблем: начиная от экологии, заканчивая экономикой. «Расширяя инвестиционные проекты в арктических государствах, Китай закладывает основу своего влияния в регионе. Уже сегодня через ряд крупных проектов Китай сформировал основу для выстраивания механизмов экономического давления на страны региона с целью обеспечения собственных интересов в Арктике», — резюмируют эксперты.

Есть свои интересы в северных широтах и у Страны восходящего солнца. Для Японии, как и для Сингапура, Арктика является площадкой, на которой могут найти место японские инновации и технологии. Немалую экономическую привлекательность для японцев имеет Северный морской путь: его использование увеличит товаропоток между японскими и западноевропейскими портами, а также обеспечит Японии первенство в судостроении. «Россия рассматривается японским правительством как один из главных партнеров в освоении ресурсов Арктики и судоходства по Северному морскому пути», — утверждают авторы исследования. Эксперты вместе с тем отмечают, что перспектива круглогодичного плавания по СМП увеличивает ценность Курил (порты, складская инфраструктура, объекты систем безопасности и т. д.), что придаст новый импульс спорам вокруг островов. В целом же российско-японские отношения в Арктическом регионе, по их мнению, носят в основном коммерческий характер, в том же, что касается безопасности, Япония однозначно будет сотрудничать с Вашингтоном.

Что касается Индии, то она также заинтересована в участии в делах Арктического региона. Будучи гораздо более стесненной в финансах (12 млн долл. на изучение Арктики в течение следующих пяти лет), тем не менее Индия формулирует ряд целей в своей арктической политике. Прежде всего, индийцы заинтересованы в Арктике коммерчески (освоение углеводородных запасов и участие в развитии Севморпути) и в вопросах

экологической безопасности (возможная зависимость интенсивности муссонов в Индии от климатических изменений в Арктике). Стратегическими партнерами Индии в Арктике считаются Россия в экономической сфере и Норвегия — в научной.

Свои арктические пасьянсы раскладывают и российские соседи с Запада. Прежде всего, стоит обратить внимание на Великобританию как привратника Северного морского пути. Анализируя предпринимаемые Великобританией шаги в арктическом вопросе, исследователи Центра стратегических оценок и прогнозов предположили, что политика Лондона в отношении Арктики будет состоять из трех направлений:

- во-первых, Великобритания будет выстраивать непосредственный диалог с США с целью разделить «на двоих» контроль над Севморпутем (Лондон со стороны Северной Атлантики, Вашингтон — с севера Тихого океана). «Соединенное Королевство как „стратегический привратник“ в Северной Атлантике и основа атлантического доминирования в Европе идеально подходит в качестве „ключевого государства“ в наступающей новой геополитической игре», — считают авторы доклада;
- во-вторых, Лондон, опираясь на собственный имперский опыт, будет инициировать политику не напрямую, а с использованием потенциала Британского Содружества наций (4 страны-наблюдателя из 12 — Канада, Великобритания, Индия, Сингапур входят в Содружество);
- в-третьих, для координации собственной политики в Арктике Британия будет использовать третьи страны. Прежде всего — это Польша. Учитывая польскую активность в арктических вопросах в последние годы, а также исторические взаимоотношения Польши и Великобритании, можно предполагать, согласно экспертам, что за ней — Польшей — стоит некий замысел, сформированный не в Варшаве. Другой значимый партнер не столько Великобритании, но Польши в Арктике — Франция. В отношении нее эксперты предполагают, что осознавая недостаточность своих инструментов прямого влияния, Франция делает ставку на иные региональные организации, например, Сообщество Баренцева моря. Кроме этого, Париж активно задействует потенциал «мягкой силы», привлекая некоммерческие организации и общественные структуры для

формирования выгодного себе курса международной политики в Арктическом регионе.

В ходе анализа французской арктической политики авторы доклада констатируют, что Франция имеет одну из самых агрессивных арктических стратегий. Ключевые интересы страны в северных широтах сосредоточены вокруг добычи углеводородного сырья (работающие в Арктике TOTAL и «Gaz de France») и промысла морепродуктов. Ключевыми игроками в регионе для Франции являются Россия и Норвегия.

Еще один европейский игрок, чьи экономические интересы имеются и в Арктике, — это Италия. Эксперты отмечают, что Арктика для Италии, как для азиатских стран и для Польши, является возможностью для развития национальной отрасли судостроения. Кроме этого, EnI сегодня играет одну из ключевых ролей в освоении Арктики, в том числе и в партнерстве с российскими компаниями. «Хотя отношения между Римом и Москвой в Арктике в последние 5–7 лет приобрели характер стратегического сотрудничества, итальянское руководство не оставляет надежд на интернационализацию месторождений углеводородов в регионе», — считают авторы доклада. — Для давления на Россию итальянское правительство не стесняется использовать информационное влияние и следующее за ним мировое общественное осуждение деятельности Москвы». Показательна в этом плане реакция итальянского правительства на позицию Москвы в отношении судна Arctic Sunrise. Помимо этого, согласно докладу, Италия активно использует гуманитарную повестку для политического давления, прежде всего на Российскую Федерацию. Политику Италии в арктических вопросах эксперты характеризуют как «инициативную, но не агрессивную».

На Севере проявляет инициативу и Испания. Мадрид на сегодня является одним из наиболее последовательных проводников арктической политики для ЕС. Несмотря на взаимовыгодное экономическое испано-российское партнерство, эта политика противоречит российским интересам в регионе, говорится в докладе. Характерный для испанцев аргумент — экологическая безопасность — имеет и вполне понятные мотивы, считают эксперты Центра стратегических оценок и прогнозов — экономическое освоение арктических транспортных маршрутов снизит экономическую привлекательность атлантических и средиземноморских портов Испании.

Заинтересованной в развитии Арктического региона страной-наблюдателем являются Нидерланды. «Голландия крайне заинтересована в развитии инфраструктуры СМП в силу того, что обладает значительным опытом логистических операций, который может пригодиться при освоении арктических территорий», — отмечается в исследовании. В качестве специфики голландской арктической стратегии аналитики называют акцент на экологических последствиях индустриального освоения Арктики. «Основная цель — сформировать у мирового сообщества резко негативное отношение к любым попыткам эксплуатации ресурсов Арктики без использования специальных „зеленых“ технологий, — уверены авторы исследования. Через попытки закрепить в качестве международных стандартов высокие требования к обеспечению экологической безопасности Амстердам стремится добиться для собственных компаний благоприятных условий экспансии в Арктику».

В меру недружелюбной по отношению к России, согласно исследованию, представляется арктическая политика Германии. «Несмотря на тесное сотрудничество в научно-исследовательской сфере, Германия все же выступает как стратегический геополитический противник России в борьбе за ресурсы полярных территорий», — утверждают аналитики. Тем не менее, несмотря на это, эксперты Центра стратегических оценок и прогнозов уверены, что Германия остановится в своих амбициях на добыче возобновляемых ресурсов (рыба и морепродукты), а также на эксплуатации Северного морского пути. Доступ же к энергетическим ресурсам региона Берлин оставит на разработку своим партнерам — Норвегии и России. Роль дистрибьютора российского сырья на мировом рынке, уверены эксперты, вполне устраивает Берлин.

Подводя итог арктической политики государств, эксперты Центра стратегических оценок и прогнозов выделяют ряд неоднозначных и потенциально опасных трендов в риторике стран: — во-первых, это тема глобального изменения климата и роль в них полярных регионов. «Из-

менения климата и роль в них Арктики является почти беспроблемной темой, когда необходимо решать вопрос о доступе к структурам управления в регионе», — поясняют эксперты; — во-вторых, вытекающий из первой темы вопрос экологической безопасности в регионе. «Экология сегодня позволяет принимать наиболее радикальные шаги в случае, если необходимо защитить или продвинуть собственные интересы», — говорится в исследовании. Основная цель такой деятельности — добиться принятия жестких стандартов, допускающих эксплуатацию в Арктике только судов, созданных с использованием специальных «зеленых» технологий, которыми располагает ограниченное количество стран региона. Это позволяет решать вопросы конкуренции достаточно эффективно, уверены эксперты; — в-третьих, вопрос об обеспечении международного доступа к эксплуатации Севморпути. Это означает грядущую необходимость разделять интересы арктических государств (главным образом России и Канады) и остального международного сообщества; — в-четвертых, обеспечение сохранности экосистем коренных народов Севера. Эта тема условна, хотя и эффективна, считают аналитики, она затрагивает интересы людей и позволяет привлечь к обсуждению всю практику дипломатической борьбы и пропаганды по теме нарушения прав человека; — в-пятых, вопрос международного права в Арктическом регионе. Согласно исследованию, модернизация международного права в Арктическом регионе позволяет эффективно продвигать интересы государств, владеющих основным ресурсом, позволяющим влиять на формирование новых структур и отношений в области международного права. Это, прежде всего, выгодно и под силу сделать США, а также Сингапуру и Великобритании. Вопрос защиты собственных интересов в данном случае будет решаться путем международного давления на страну, так или иначе нарушившую установленный порядок.

¹ Балуюевский Ю. Н., Хамзатов М. М. Глобализация и военное дело // Независимое военное обозрение. 2014. 12 августа.

² Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / А. М. Белогорьев, В. В. Бушуев и др. М.: ИД «Энергия», 2011. С. 8.

³ Бочарников М. В., Лемешев С. В. и др. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ, 2013. С. 4.

⁴ Зеркалов Д. В. США. НАТО. ЕС. Эскалация войн / <http://www.zerkalov.org/files/sha-187.pdf>. С. 703.

- ⁵ Доклад к.и.н. руководителя независимого экспертно-аналитического центра «ЭПОХА» И.М. Попова «Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства» на открытии Дней науки 2014 «Современные аспекты международной безопасности». МГИМО. 2014. 9 апреля / <http://eurasian-defence.ru/node/30886>
- ⁶ Путин В.В. 70-летие МГИМО / <http://www.kremlin.ru/news/46791>
- ⁷ Владимирцов А.И. Основы общей теории войны в 2 ч. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013.
- ⁸ Бочарников М.В., Лемешев С.В. и др. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ, 2013. С. 16.
- ⁹ Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDJL, 1997. — Internet.
- ¹⁰ См.: Доклад министра обороны Президенту и Конгрессу США за 2001 год. — М.: МО РФ, 2002.
- ¹¹ Вернадский В.И. Война и прогресс науки <http://softporain013.pp.ru/?page=lending&type=&book&size=1&ext=pdf&ma63-76-v-i-vernadskij-vojna-progress-nauki-pdf.pdf>. С. 76.
- ¹² Фрэнк Г. Хоффман. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов / http://www.intelros.ru/geopolitika/2013_XXI/4.pdf. С. 58.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Бочарников И.В., Лемешев С.В., Люткене Г.В. Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ, 2013. С. 31.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Подберезкин А.И. Международная безопасность как следствие идеологической парадигмы мирового развития / Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. М.: МГМИО(У), 2011. Т. II.
- ¹⁷ Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У), 2014.
- ¹⁸ Сценарии «Новый взгляд на будущее» Новый взгляд на быстро меняющийся мир «Шелл Интернешнл БВ», 2013 / <http://www.shell.com/scenarios>. С. 20.
- ¹⁹ Подберезкин А.И. Сценарии и прогнозы развития МО / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2014.10.09 / <http://viperson.ru/>
- ²⁰ Блинов А. Обама меняет стратегию // Независимая газета. 2010. 24 мая.
- ²¹ Российский боевой самолет 6-го поколения создадут через 12 лет / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 16 июля / <http://eurasian-defence.ru/>
- ²² РИА Новости / http://rus.ruvr.ru/images/static/infographycs/us_syria_rus.jpg
- ²³ Доклад к.и.н. руководителя независимого экспертно-аналитического центра «ЭПОХА» И.М. Попова «Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства» на открытии Дней науки 2014 «Современные аспекты международной безопасности». МГИМО. 2014. 9 апреля / <http://eurasian-defence.ru/node/30886>
- ²⁴ См. подробнее: Подберезкин А.И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У), 2014.
- ²⁵ Подберезкин А.И. Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». РАУ-Корпорация. М. 1996.
- ²⁶ <http://www.warconflict.ru/rus/nowwars/?action=shwprd&id=972>
- ²⁷ A summary of SIPRI Yearbook 2013. P. 4 / <http://www.sipri.org/yearbook/2013/filis/SIPRIYB13Summary.pdf>
- ²⁸ Сергей Лавров: ШОС отвечает реалиям и потребностям XXI века. 2014. 7 октября.
- ²⁹ Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. акад. А.А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр. 2011. С. 15.
- ³⁰ Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / А.М. Белогорьев, В.В. Бушуев и др. М.: ИД «Энергия», 2011. С. 8.
- ³¹ Там же. С. 9.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. 10.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 11.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Подберезкин А.И., Стреляев С., Хохлов О. Ятребов Я. Секреты российской приватизации. М. 2004.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Арбатов А.Г., Дворкин В.Н. Большой стратегический треугольник. М.: Центр Карнеги, 2013. С. 21.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Мямлин К. Сетевые войны. Новая (сетевая) теория войны / ИВК. 2014. 7 октября / http://communitarian.ru/publikacii/setevye_voyny_i_tekhnologii/
- ⁴² «Новый взгляд на будущее». Сценарии / Шелл интернешнл, 2013. С. 5.
- ⁴³ Политика безопасности на фоне украинского кризиса: с Россией нельзя на «ты»? («Deutsche Welle», Германия) / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2014. 10 октября / <http://topwar.ru/60121-politika-bezopasnosti-na-fone-ukrainskogo-krizisa-s-rossiy-nelzya-na-ty-deutsche-welle-germaniya.html>
-

- ⁴⁴ *Фаляхов Р.* «Россия потеряла сто триллионов рублей». Интервью «Газеты.Ru» с советником президента РФ Сергеем Глазьевым / Эл. ресурс: «Газета». 2014. 5 сентября / http://www.gazeta.ru/growth/2014/09/04_a_6203541.shtml
- ⁴⁵ *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. Т. 3. М.: МГИМО(У), 2011.
- ⁴⁶ *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. Т. 2. М.: МГИМО(У), 2012.
- ⁴⁷ *Подберезкин А.И.* Военные угрозы России. М.: МГИМО(У), 2014.
- ⁴⁸ *Чувакин О.* Семёрка, да не та! 2014. 10 октября / <http://topwar.ru/59962-semerka-da-ne-ta.html>
- ⁴⁹ *Владимиров А.И.* Основы общей теории войны в 2 ч. Часть I. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013. С. 154.
- ⁵⁰ *Кокوشин А.А.* Выдающийся отечественный теоретик и военачальник А.А. Свечин. М.: МГУ, 2013. С. 126.
- ⁵¹ *Подберезкин А.И. и др.* Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки. Аналитический доклад. М.: МГИМО(У). 2014. Август.
- ⁵² *Бочарников И.В., Лемешев С.В., Люткене Г.В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ. 2013. С. 86.
- ⁵³ Там же. С. 87.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С. 88.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ См.: *Евдаков В.И., Домрачев В.Б.* Взгляды на применение вооруженных сил США в войнах начала XXI века // Вестник академии военных наук. № 2. 2008.
- ⁵⁸ Доклад к.и.н. руководителя независимого экспертно-аналитического центра «ЭПОХА» И.М. Попова «Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства» на открытии Дней науки 2014 «Современные аспекты международной безопасности». МГИМО. 2014. 9 апреля / <http://eurasian-defence.ru/node/30886>
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ *Мямлин К.* Сетевые войны. Новая (сетевая) теория войны / ИВК. 2014. 7 октября / http://communitarian.ru/publikacii/setevye_voyny_i_tekhnologii/
- ⁶¹ Выступление В.В. Путина по патриотическому воспитанию в Краснодаре 13 сентября 2012 г. / Цит. по: Петров В. Всегда говорить правду // Российская газета. 2012. 13 сентября. С. 2.
- ⁶² *Роблес Дж.* Арктика: милитаризация в целях контроля природных ресурсов? Цит. по: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 5 февраля / <http://eurasian-defence.ru>
- ⁶³ Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С.М. и др.]. М. Спецкнига, 2012. С. 40–41.
- ⁶⁴ *Рогов С.М.* ПРО для США стала религией // Независимая газета. 2012. 7 июля.
- ⁶⁵ *Созинов П.А.* Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 2.
- ⁶⁶ Там же. С. 7.
- ⁶⁷ Стратегическое ядерное оружие России и США / Эл. СМИ. Газета «Взгляд». 2009. 21 мая / <http://vz.ru/infographics/2009/5/21/289078.html>
- ⁶⁸ *Путин В.В.* Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ США испытали противоракету для ЕвроПРО / Эл. СМИ «Взгляд». 2012. 27 июня / <http://vz.ru/news/2012/6/27/585761.html>
- ⁷¹ Здесь следует сказать, что считать собственно корабли-носители ракет, обладающих способностями ПРО, бессмысленно. Существующие оценки базируются на подсчете количества противоракет, фактически развернутых на кораблях. В то же время применять эти противоракеты способен любой эсминец или крейсер УРО ВМФ США — достаточно просто взять их на борт. Таким образом, потенциальное количество платформ ПРО ВМФ США составляет 84.
- ⁷² *Скосырев В.* США создают противокитайский ракетный щит // Независимая газета. 2012. 24 августа. С. 1, 4.
- ⁷³ *Владимиров А.И.* Основы общей теории войны в 2 ч. Часть I. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013. С. 622.
- ⁷⁴ Стратегический глобальный прогноз 2030. Расширенный вариант / под ред. акад. А.А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр, 2011. С. 367.
- ⁷⁵ *Бочарников И.В., Лемешев С.В., Люткене Г.В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ. 2013. С. 49.
- ⁷⁶ *Лукин А.* Токио — Пекин: психология конфликта / Эл. Ресурс. Портал МГИМО(У). 2012. 3 октября / <http://www.mgimo.ru>
- ⁷⁷ *Мочульский А.Ф.* Пекин и иранская проблема. Аналитические записки ИМИ МГИМО(У). М. 2012. Декабрь. С. 5.
- ⁷⁸ *Nazetgoaya M.D.* Россия противодействует расширению системы ПРО США с моря. 2012. 17 ноября / <http://rostend.su/?q=node/340>
- ⁷⁹ *Маркелл Ф.Б.* Калькулятор стратегического сдерживания // Независимая газета. 2012. 31 августа.
- ⁸⁰ *Капитанец И.М.* Флот в войнах шестого поколения. М.: Вече, 2003. С. 13.
- ⁸¹ *Тарасенко П.* Растрата доверия // Коммерсант. 2014. 10 сентября. С. 6.

- ⁸² Ранее использовался еще более строгий рубеж в 60 км.
- ⁸³ Антонов А. И. Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности // Вестник МГИМО(У). 2012. № 4(25).
- ⁸⁴ Подберезкин А. И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО(У), 2013.
- ⁸⁵ Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 9.
- ⁸⁶ Там же. С. 12.
- ⁸⁷ T. C. Marshall Jr. Hadel Praises Army's Streught // DoD News. 2014. 15 Oct.
- ⁸⁸ Владимиров А. И. Основы общей теории войны в 2 ч. Часть I. Основы теории войны. М.: МФПУ. Синергия, 2013. С. 81.
- ⁸⁹ Гундаров В. Новый рубеж обороны России пройдет по Северному полюсу // Независимая газета. 2014. 11 сентября. С. 2.
- ⁹⁰ Капитанец И. М. Флот в войнах шестого поколения. М.: Вече, 2003. С. 13–14.
- ⁹¹ Арктика: милитаризация в целях контроля природных ресурсов? / Цит. по: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 5 февраля / <http://eurasian-defence.ru>
- ⁹² Там же.
- ⁹³ На Россию наступают с Севера? / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. Август / <http://topwar.ru>
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Там же.

ГЛАВА 2

ВОЗМОЖНЫЙ ХАРАКТЕР МЕЖДУНАРОДНЫХ ВОЙН И ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В 2030-х и 2050-х годах XXI века

...украинский конфликт показывает, что традиционные методы войны уходят в прошлое и НАТО должно реагировать на любые угрозы, включая информационную войну и психологическое давление путем дислокации большого числа войск¹.

*Доклад Комитета по обороне
парламента Великобритании*

Войны и вооруженные конфликты будущего будут порождаться не одним каким-либо очень весомым фактором, а сложным переплетением различных социально-политических, экономических, национальных и религиозных противоречий и причин, которые следует учитывать при раскрытии стратегического содержания вооруженной борьбы будущего².

*Ю. Погодин, П. Иванов,
военные исследователи*

По своему характеру каждая война или военный конфликт — совершенно исключительное и конкретное историческое явление, которое отличается от других войн и конфликтов как расстановкой сил, политическими целями, так и используемыми силами и средствами и другими характерными чертами и условиями. В этом смысле каждая война абсолютно не похожа на другую и не может быть «штампом», образцом для объяснения и подражания. Определенная похожесть войн и конфликтов в конкретную

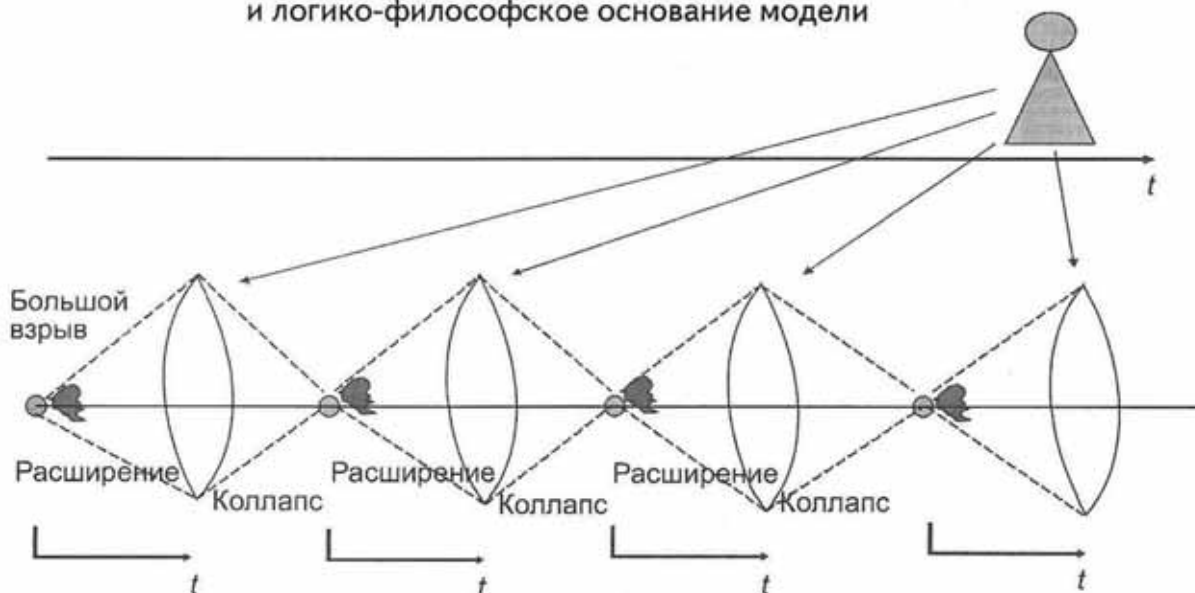
историческую эпоху не может означать, что существуют некие универсальные закономерности и особенности войн. Тем более не похожи цели, средства и последствия войн, даже если их разделяет небольшое время.

Итак, существует ось времени: настоящее, прошлое и будущее. И существует целый ряд фактов, неустойчивых, но вполне признанных, которые свидетельствуют о том, что достоверное знание о будущем может присутствовать в настоящем. Это так называемое вневременное знание

и отвечает на ключевой вопрос футурологии: «Откуда можно узнать будущее, если оно еще не произошло?». В практическом смысле возможность существования подобного знания означает, что существуют некие миры, течение времени в которых отличается от привычного нам, для

которых наше прошлое и будущее равно известно. Это невозможно осознать логически, так же как и построить на основе этого представления некий достоверный прогноз. Но есть и несколько другой подход, основанный на предположении, что ось времени едина и неразрывна³.

Ось времени и Сверхнаблюдатель, как носитель «вневременного» знания, и логико-философское основание модели

2.1. Фазовые изменения в характере международных войн XXI века

На сегодняшний день в военной теории существуют несколько подходов к определению типов войн...⁴.
Ю. Балувеский, М. Хамзатов

В качестве примера столкновения различных подходов в определении характера международных войн приведем оценку угроз и рекомендации по их нейтрализации С. Перслегина: «Стране необходимо быть готовой к последовательному или даже одновременному ведению одной внутренней войны («чеченского типа»), одной локальной войны (вероятнее всего — на Дальнем Востоке) и одной большой войны — с США и/или НАТО.

Из этой концепции трех войн и следует исходить при стратегическом планировании. Геополитическое положение России подразумевает возможность возникновения трех сухопутных театров военных действий — Европейского (западные границы России), Тихоокеанского (Российский Дальний Восток) и Южного (Южная

граница России, Кавказ). В еще более сложном положении оказывается флот, которому необходимо распределить свои силы между Тихим океаном, полярными морями, Северной Атлантикой, Балтийским морем, Черным и Средиземным морями, Каспийским морем. При этом маневр силами между океанами в мирное время затруднен, а в военное — практически невозможен. Поэтому если сухопутные силы и авиация имеют в своем распоряжении стратегию действия по внутренним операционным линиям («Маятник»), то флот такой возможности лишен, и должен быть сильным на каждом из своих потенциальных ТВД.

Мы сталкиваемся с целой системой военных угроз:

1. Со стороны США. Обоснованием таких действий может быть:

- а) необходимость захвата углеводородных запасов РФ как средства обеспечения американской валюты (по иракскому механизму);
 - б) потребность в сравнительно масштабной войне для стимулирования экономического развития (по механизму, использованному Ф. Рузвельтом);
 - в) желание «добить» некогда опасного конкурента, обладающего ядерным оружием и являющегося потенциальным центром кристаллизации всех антиамериканских сил в мире.
2. Со стороны Европейского союза (прежде всего, Германии и Польши). Обоснованием такой войны может быть:
- а) необходимость поставить под свой контроль углеводородные ресурсы, потеря которых окажется критичной для европейской экономики;
 - б) реванш за Вторую мировую войну и социалистическую оккупацию;
 - в) распространенные на Западе антирусские настроения (империя зла).
3. Со стороны Японии. Обоснованием такой войны является отсутствие мирного договора между РФ и Японией, проблема «северных территорий», нарушением Советским Союзом договора о ненападении с Японией в августе 1945 года. Реальной целью войны — снижение пассионарного «выплеска» в Японии, изменение в свою пользу баланса сил в западном секторе Тихого Океана.
4. Россия может быть втянута в политическую и военную борьбу на своих южных границах (Кавказ, Закавказье, Поволжье). В частности, к вмешательству России может привести

развитие центробежных тенденций в Грузии, Молдавии, а в перспективе — и на Украине.

Не подлежит сомнению, что наши потенциальные противники также находятся в сложном положении, но для России ситуация обостряется тем, что страна не только очень велика, но и тяготеет к полистратегичности с расхождением операционных линий. Проще говоря, всегда есть вероятность, что Дальний Восток вовлечен в войну одного типа, Южный федеральный округ — другого, а европейский центр страны — третьего»⁵.

Подобная оценка логически предполагает и соответствующую стратегию, которую С. Переслегин описывает следующим образом: «В сложившихся условиях для России возможна лишь одна стратегическая концепция: стратегия неприемлемого ущерба. При борьбе с сильным противником (Соединенные Штаты, Европейский Союз, Япония, Китай) Россия должна не столько пытаться провести в жизнь какие-то собственные замыслы, сколько эффективно препятствовать замыслам неприятеля. Такую стратегию можно было бы назвать оборонительной, но в действительности, в условиях войны будущего никакая оборона слабейшего против сильнейшего не будет возможна — случай с Садамом Хусейном это ясно продемонстрировал. Следовательно, необходимо иметь возможность немедленно перенести войну на территорию врага. Это могут сделать (в порядке понижения вероятности) ракетные войска, аналитико-террористические группы, флот, авиация, армия.

В сложившейся ситуации России следует отказаться от обязательства не применять ядерное оружие первой. Напротив, следует внушить

Рис. 1.

мировому сообществу, что Россия готова к его контролируемому и ограниченному использованию. «Ядерный меч» в настоящее время более актуален, нежели «ядерный щит».

В еще меньшей степени будущая война (войны) и военные конфликты будут похожи на предыдущие и войны и конфликты, а тем более друг на друга. Более того, современные оценки прежних войн и конфликтов существенно, порой полярно, отличаются друг от друга. Иногда то, что считалось столетиями победой, становится поражением, а иногда и наоборот. Тем более малоэффективны попытки создать некую универсальную модель современной войны или конфликта. В лучшем случае это приводит к появлению очередной логической модели, которая может иллюстрировать ход рассуждений. Ее полная абстрактность не позволяет говорить не только об универсализации представлений, но и создании некой системы. Так, например, некоторые российские исследователи предлагают следующую логическую модель⁶ (рис. 1).

Между тем приоритеты целей войны к XXI веку уже изменились, что нашло лишь частично свое отражение в современном военном планировании. В частности, уже признается и учитывается необходимость глобальной реакции на сетевые войны. В частности, Р. Кошкин, например, пишет: «Таким образом, сетевая модель представляет собой разветвленную сеть хорошо информированных, но географически разнесенных сил. Главными характеристиками этих сил являются:

- высокоэффективная «информационная решетка»;
- доступ ко всей необходимой информации;
- высокоточное оружие;
- высокоэффективная система управления и связи;
- интегрированная «сенсорная решетка», соединенная в единую сеть с системой средств поражения и системой управления и связи.

Сетевая война может вестись на всех уровнях военных действий — тактическом, оперативном и стратегическом. Принципы ее ведения никоим образом не зависят от географического региона, боевых задач, состава и структуры применяемых войск. Частичную модель ведения сетевой войны США протестировали во время ведения войны в Ираке, а также в рамках специальных операций в Афганистане. Одним из основных элементов ведения

сетевых операций является система автоматизированного управления войсками и оружием, которая в зарубежных источниках рассматривается в рамках более общей структуры C5ISR (Command, Control, Communications, Computers, Combat Systems, Intelligence, Surveillance and Reconnaissance) «Боевые системы, системы управления, связи, компьютерного обеспечения, разведки и наблюдения»⁷.

«Исходя из технологической концепции перестройки ВС и опыта войны в Ираке весной 2003 года, США приступили к созданию Network — глобальной информационной решетки (Global Information Grid — GIG Centric Warfare — NCW), которая позволяет обеспечить командование вооруженных сил возможность управления войсками в боевых условиях на основе информационно-управляющих систем. Это гарантирует успешное ведение боевых действий против войск, у которых подобные системы отсутствуют. Значительную часть такой информации составляет космическая информация, являющаяся базовой для военных геоинформационных систем принятия решения в боевой и мирной обстановке.

В техническом плане перед МО США (в лице Агентства по перспективным военным разработкам — DARPA) поставлена задача к 2020 году в режиме реального времени совместить процессы: дешифрования объектов противника, их географической привязки, выдачи целеуказаний и уничтожения объектов. При этом для космической информации геометрический параметр объекта по привязке и размеру должен не превышать 1 метр.

Перспективная информационная концепция „западных“ ВС обозначает информационное обеспечение по реальной ситуации на театре военных действий (ТВД) — Space Situational Awareness⁸. Реализация нового информационного качества — Space Situational Awareness — невозможна без использования сетевой архитектуры информационного обеспечения на базе принципиально новых геопространственных технологий. Создание спутников, обеспечивающих как сбор данных дистанционного зондирования, так и децентрализованное распределение их абонентам сети, становится логичным и естественным.

Космический театр военных действий фактически замыкает в себе все остальные ТВД. Он отличается абсолютной глобальностью, целостностью, исключительной динамичностью и не-

Глобальная информационная решетка (Global Information Grid – GIG)

возможностью представления его стандартными методами визуализации, которые известны уже тысячелетия. Понятно, что информация уже в принципе не может адекватно восприниматься, будучи спроецированной на поверхность карты либо глобуса.

Командующий космическими войсками США генерал Роберт Келер сформулировал концепцию единого геоцентрического ТВД и подхода к обеспечению доминирования на нём — принципа Space Situational Awareness, SSA. При этом, по мнению генерала, глобальность театра военных действий будущего не означает стационарности, наоборот, ситуация на нём стремительно и непрерывно меняется, поскольку объекты перемещаются, причём со скоростями на 3–4 порядка превосходящими характерные для авиации скорости»⁹.

Наконец, существует традиционная для политики и ее анализа проблема — субъективность в оценках вопросов безопасности и характеристика наиболее острых конфликтов и войн также осложняет анализ, а тем более прогноз эволюции, характера будущих противоречий, войн и конфликтов. Не только среди политиков, но и даже среди экспертов в военно-политической области по этим вопросам наблюдаются существенные расхождения, которые следует обязательно учитывать.

Авторы справедливо полагают, что эта логика может отражать лишь одно из исправлений развития одного из вариантов военного

конфликта и поэтому говорить об этой модели можно только как об «одной из моделей». Тем не менее, можно и нужно не только анализировать, но и прогнозировать развитие будущего характера международных войн, конфликтов и стратегической обстановки, как минимум, для понимания развития общих закономерностей. Так, в начале XXI века сложилась де факто своего рода «лестница военной эскалации», которой предшествует достаточно длительная «цепочка» предварительных действий, которые по формальным признакам не относятся к военным, но, на мой взгляд, таковыми являются. Во всяком случае, опыт Украины, где 25 лет развивалась такая «цепочка», показывает, что ее последующие, прямые военные этапы могут происходить практически мгновенно, в течение нескольких недель.

Таким образом, говоря о современном и будущем характере международных войн и конфликтов, необходимо выделить некоторые особенности, которые известны уже сейчас. Широко используются и все больше специализируются на выполнении подрывных мероприятий Силы специальных операций, которые готовятся индивидуально, по отдельным программам, заранее, «для будущего» действия на чужих территориях. Эта подготовка личного состава предполагает высокую степень профессионализма и специализации, направленных на выполнение специальных задач.

Структура восстания или движения сопротивления

Рис. 2.¹⁰

Трудно, но также можно говорить о возможных и вероятных моделях войн и военных конфликтов в 30-е и 50-е годы нашего века. До этого периода можно исследовать современное состояние и эволюцию ВиВТ и способов их применения, если, конечно же, внимательно и многосторонне изучить все эти вопросы. К 30-м годам XXI века современный этап эволюции военного искусства еще может очертить основные тенденции и особенности (например, создание 6-го поколения ЛА), но к середине 50-х годов XXI века это прогнозировать уже очень трудно — слишком велики качественные

изменения. Во втором десятилетии XXI века пока что обозначились лишь некоторые будущие парадигмы, которые будут определять характер будущих международных войн и конфликтов. В самом общем виде это можно представить на следующем рисунке (рис. 3).

Таким образом, для того, чтобы дать оценку будущего характера войны и конфликта необходимо попытаться ответить на вопросы о том, как будут выглядеть конкретно основные известные факторы, формирующие характер войны, а также возможные новые факторы, степень их влияния и многое другое, вытека-

Рис. 3.

ющие из развития человеческой цивилизации и отношений между государствами. В частности, очевидно, что изменилась тактика ведения военных действий в связи с изменением приоритетности целей.

Сказанное означает, что теоретически ответить на эти вопросы можно, хотя точность таких ответов и вызывает сомнения. Существующие оценки даже частных примеров очень

сильно отличаются друг от друга. Так, несмотря на огромные усилия в этой области, предпринимаемые в НАТО в последние десятилетия, в июле 2014 года Комитет по обороне парламента Великобритании был вынужден признать, что «НАТО не готово отразить потенциальную угрозу со стороны России». При этом было подчеркнуто, что «самое страшное, что быстро меняются тактические методы России»¹¹.

2.2. Субъективность в анализе вероятного характера войн и вооруженных конфликтов

Неудача всех предшествующих попыток российско-американского сближения позволяет сделать два вывода. Первый: проблемы в двусторонних отношениях вызваны не злой волей лидеров России и США, а более глубинными причинами. Второй: высокий уровень конфликтности в российско-американском взаимодействии обусловлен не столько наследием холодной войны, сколько наличием системных противоречий. Возникают вопросы: что определяет конфликтность российско-американских отношений и можно ли прогнозировать, а в идеале и корректировать, циклы роста / снижения взаимной напряженности на среднесрочную перспективу до 2020 г.?

*А. Фененко,
эксперт РСМД*

Жизнь похожа на чашу весов: если в одном месте хвалят, то в другом считают последним негодяем
Монах Симеон Афонский

Не по Сеньке оказалась шапка государева,
не по Сеньке¹².
А. Громько (о М. Горбачеве)

Субъективность заложена в любом социально-политическом анализе. Причем эта субъективность лежит отнюдь не только в основе теоретического, но и прикладного анализа. Так, в России начала XXI века в правящей элите в отношении «возможных» и «вероятных» войн отчетливо сложилось два прямо противоположных направления, хотя подобное расхождение по ключевому вопросу безопасности выглядит по меньшей мере очень странно. Действительно, для части правящей элиты СССР и России еще со времен М. Горбачёва война почему-то стала «немыслимой», «нереальной», даже невозможной. Это объяснялось как ее возможными катастрофическими последствиями, экономической нецелесообразностью, невозможностью одержать военную победу и другими псевдо объективными обстоятельствами, которые стали модными в среде политиков и публицистов в 80-е годы XX века¹³.

Даже после того, как США полностью воспользовались такой наивностью (или глупостью?) правящей советско-российской элиты, которая позволила развалить ОВД и СССР, дезинтегрировав весь лагерь оппонентов США и НАТО, эта позиция в некоторых правящих кругах российской элиты сохранилась: потенциальная война с Западом по-прежнему считается не только невероятной, но и невозможной, хотя множество признаков говорит об обратном.

Мы воспитаны культурой, в которой истинность некоторых утверждений никогда не

подвергается сомнению, хотя должна бы. Мы, например, считаем, что чем больше у нас информации, тем более взвешенное решение мы примем. Эмпирические данные не подтверждают это расхожее мнение. В действительности увеличение объема информации просто усиливает нашу убежденность в своей правоте, никоим образом не влияя на правильность самого решения. Очень часто огромные массивы информации избыточны и не имеют ни малейшей ценности для процесса принятия решения¹⁴.

И дело тут, как представляется, не в объективном анализе, результаты которого достаточно однозначно говорят не только в пользу вывода о возможности, но и нарастающей вероятности войны. Дело тут в идеологии, точнее, даже в вере в невозможность такой войны, объясняемой будь то иррациональностью «ядерной зимы» либо бессмысленностью ядерного апокалипсиса, когда начинающий войну сам погибает от «удара возмездия», а то и «разумностью», «цивилизованностью» западной элиты и т. п. Эта вера, а не факты, анализ и расчеты, формирует политическое отношение значительной части правящей элиты к возможности войны России с Западом. Можно бесконечно перечислять конкретные фамилии и должности этих представителей политической и научной элиты. Проще сказать, что они составляли не только большинство, но и главный политический и научный тренд, во многом сохранившийся до сего дня, особенно в политологии и либеральных СМИ.

Поэтому нет смысла пытаться убедить различными аргументами эту часть элиты сегодня также, как это было бессмысленно делать в 1980-е годы в СССР. Именно безрезультатность таких моих попыток при М. Горбачеве и Б. Ельцине предоставила мне богатый опыт откровенного игнорирования политиками фактов, логики и анализа, то есть научного анализа. Вера, а не знания привела эту элиту к опасному логическому заблуждению. Смысл же веры заключается в простенькой «двуходовке»: сначала нужно убедить себя в невозможности войны, а затем — и правящую элиту Запада. Тот факт, что последняя так и «не дала убедить» себя за все последние десятилетия, не считается достаточным, чтобы отказаться от такой веры. Получилось, как в библейской притче, которая описывает «научность» такого глобального по своей глупости и опасности политического подхода¹⁵.

Ситуация стала постепенно меняться с приходом к власти В. Путина и вытеснением либералов из политики, но полное «отрезвление» произошло только с началом военных действий на Юго-Востоке Украины, которые стали политическим итогом наивно-преступной политики элит времен М. Горбачёва и Б. Ельцина. Только тогда шок, вызванный боевыми действиями

и массовыми убийствами в самом центре бывшей России–СССР, преодолел (и то не до конца) эту наивно-преступную веру и сделал возможным и востребованным объективный анализ. Хотя, надо признать в целях объективности, это «ротрезвление» для многих, в т. ч. и меня, произошло еще в середине 80-х годов XX века.

Усиление динамизма в развитии двусторонних и многосторонних отношений, превращение развития МО и ВПО фактически в революцию еще больше укрепило, с одной стороны, всеобщее убеждение в непредсказуемости основных черт характера эвентуальных войн и военных конфликтов ближайшего будущего. С другой стороны, это привело к усилению попыток осознания и прогноза развития представлений о существующем и будущем характере вооруженных конфликтов и войн, то есть к проявлению субъективного фактора. Причем первый вывод, который напрашивается из анализа будущего характера войны, это усиление значения субъективного фактора. Это усиление справедливо не только для анализа, оценки, прогноза и планирования, но и в определении роли субъективного фактора в будущем характере войны.

Вполне определенно просматриваются уже сегодня некоторые субъективные тенденции, которые влияют и будут в еще

«Если говорить о российской национальной безопасности в целом, на каком уровне в настоящее время она находится? Какой уровень тревоги Вы объявили бы?»

Рис. 4.

большей степени влиять на характер войн и конфликтов будущего, а именно:

- усиление роли субъективных оценок, трактовок и прогнозов в СМИ, которые фактически создают «новую политическую реальность». Так, в ходе конфликта на Украине основное внимание уделялось «ньюсмейкерам» — Д. Псаки, П. Порошенко, И. Стрелкову, С. Лаврову, — которые превратили медийную поддержку в процесс политического и даже военного руководства конфликтом;
- усиление роли «объективных» аналитиков и тех, кто анализирует ход конфликта, фактически формируя отношения не только к реалиям, но и будущему конфликта;
- усиление значения отдельных политических и военных руководителей, таких, например, как И. Стрелков в ходе войны на Украине 2014 года;
- приобретение средствами массовой информации функции оружия, наравне с кибероружием, а также превращение их в первоочередные объекты для вооруженной борьбы.

Эти и другие изменения отражают в целом системный процесс возрастающей роли человека и его творческих возможностей на все стороны материальной и духовной жизни, включая и характер войны и вооруженной борьбы¹⁶. Данные субъективные тенденции отчетливо проявляются сегодня в социологических опросах. Так, соцопрос, проведенный в 2010–2011 годах по вопросам национальной безопасности среди экспертов, показал, например, что существует очень большой разброс мнений. Причем, казалось бы, по вопросам, которые должны были бы отражать единую позицию. В частности на следующие вопросы были получены прямо противоположные ответы экспертов¹⁷.

Как видно из опроса экспертов 2010–2011 гг., (рис. 4) уже почти 60% с тревогой и опасением относились к состоянию национальной безопасности России. Есть все основания полагать, что эта доля к 2014 году существенно увеличилась после соответствующих демаршей в США и ЕС. Причем эта тревога была вызвана преимущественно не внешней угрозой, а внутренними причинами: приватизацией, неэффективностью экономики и т. д.¹⁸

Вместе с тем, как видно из опросов экспертов, есть и немалая доля тех, кто достаточно спокойно реагировал на состояние безопасности, причем на ее разные области. Причем это

беспокойство преимущественно относилось не к состоянию государственной и военной безопасности в 2010–2011 годах, а к социальным областям безопасности государства, что хорошо демонстрируют те же соцопросы. Ниже мы убедимся, что эта тревога имеет прямое отношение к анализу современного и будущего характера войн и военных конфликтов¹⁹.

В ходе теоретической проработки предметной области исследования были выделены 15 отдельных сфер, которые можно интерпретировать как отдельные составляющие национальной безопасности. На нижеследующем рисунке приведено распределение средних оценок состояния уровня безопасности по этим составляющим, что свидетельствует, на мой взгляд, о двух тенденциях, отчетливо набирающих силу.

Во-первых, тенденция превращения невоенных областей безопасности в доминирующие области, когда именно их состояние определяет в конечном счете состояние безопасности государства. Собственно военные аспекты безопасности постепенно вытесняются невоенными — экономическими, информационными, инфраструктурными и другими, — которые приобретают наиболее приоритетное значение.

Во-вторых, средства силового воздействия в этих невоенных областях — информационная война, кибератаки, экономические санкции и т. д., — также становятся постепенно ведущими средствами силовой борьбы, по сути превратившиеся в средства вооруженной борьбы.

Эти две тенденции в полной мере, хотя и по-разному, проявились в войнах второго десятилетия в Ливии, Сирии и на Украине. Так, основными объектами для нападения (еще со времен войны в Югославии) стали СМИ, теле- и радиовышки, объекты газо- и электроснабжения, водоканалы (Украина) и т. д.

С точки зрения силовых средств, как показала война на Украине, главными средствами воздействия стала психологическая война, идеологические диверсии, кибератаки, экономические санкции и т. п. Эта тенденция в полной мере отразилась и в соцопросах, которые были проведены еще до указанных выше конфликтов, т. е. эксперты уже предполагали такое развитие. В положительной части шкалы соцопросов, например (то есть, в той, куда относятся ответы о высоком уровне безопасности), оказались лишь две составляющие безопасности — энергетическая и государственная. В районе «0»

«Оцените, пожалуйста, уровень национальной безопасности России по перечисленным составляющим» [средние оценки по шкале от -3 до +3]

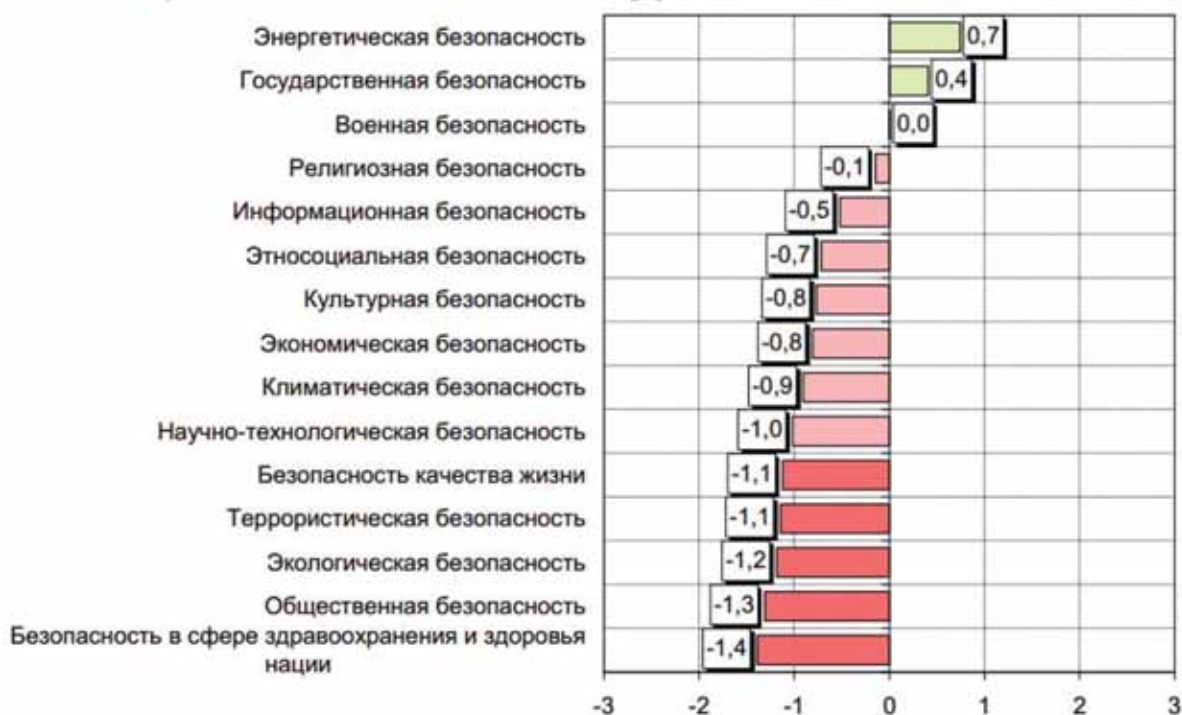

Рис. 5.

(состояние дел и не плохое, и не хорошее) находится средняя оценка военной безопасности (+0,01 балла по шкале от -3 до +3)²⁰, т.е. опрошенные эксперты, может быть неосознанно, предполагали наметившиеся кризисные области безопасности в будущих войнах и военных конфликтах 2011–2014 годов.

В этой связи целесообразно рассмотреть современный характер войн и военных конфликтов с точки зрения общепринятой (официальной) точки зрения российских экспертов. В целом можно соглашаться с современным описанием характера современных войн и вооруженных конфликтов, данным в последней редакции Военной доктрины России. Это описание можно охарактеризовать, вместе с тем, лишь как отправную точку не только для стратегического прогноза до 2030 и 2050 годов, но и современного анализа.

Причина достаточно проста: внешние и внутренние условия, определяющие характер (а он, напомним, коренным образом меняется, и то, что может быть справедливым для одной войны (в Ливии), абсолютно несправедливо для другой (на Украине), хотя военные действия происходят в одно и то же время. Так, например, в июне 2014 года повстанцы в Ливии и в ДНР

осадили два аэропорта — в Бенгази и Донецке, — однако характер военных действий был разным.

Поэтому необходимо проанализировать более детально общие определения характера войны, данные в Военной доктрине, прежде всего, с точки зрения влияния быстроменяющихся внешних факторов. В частности, когда говорится, что «характер современных войн (вооруженных конфликтов) определяется их военно-политическими целями, средствами достижения этих целей и масштабами военных действий»²¹, то необходимо еще добавить: такой характер вытекает из последствий развития МО и ВПО, а также главных особенностей развития ЧЦ, которые в итоге и формулируют основные военно-политические цели войны.

Военно-политические цели войны не существуют и не формулируются сами по себе (даже если это так и кажется правящим элитам). Они складываются под воздействием условий и факторов более общего характера — цивилизационных, мировых, национальных. Так, характер войны на Святой земле в XII–XIII веках между мамелюками, крестоносцами и монголо-татарской ордой невозможно понять без общего представления о развитии ведущих цивилизаций

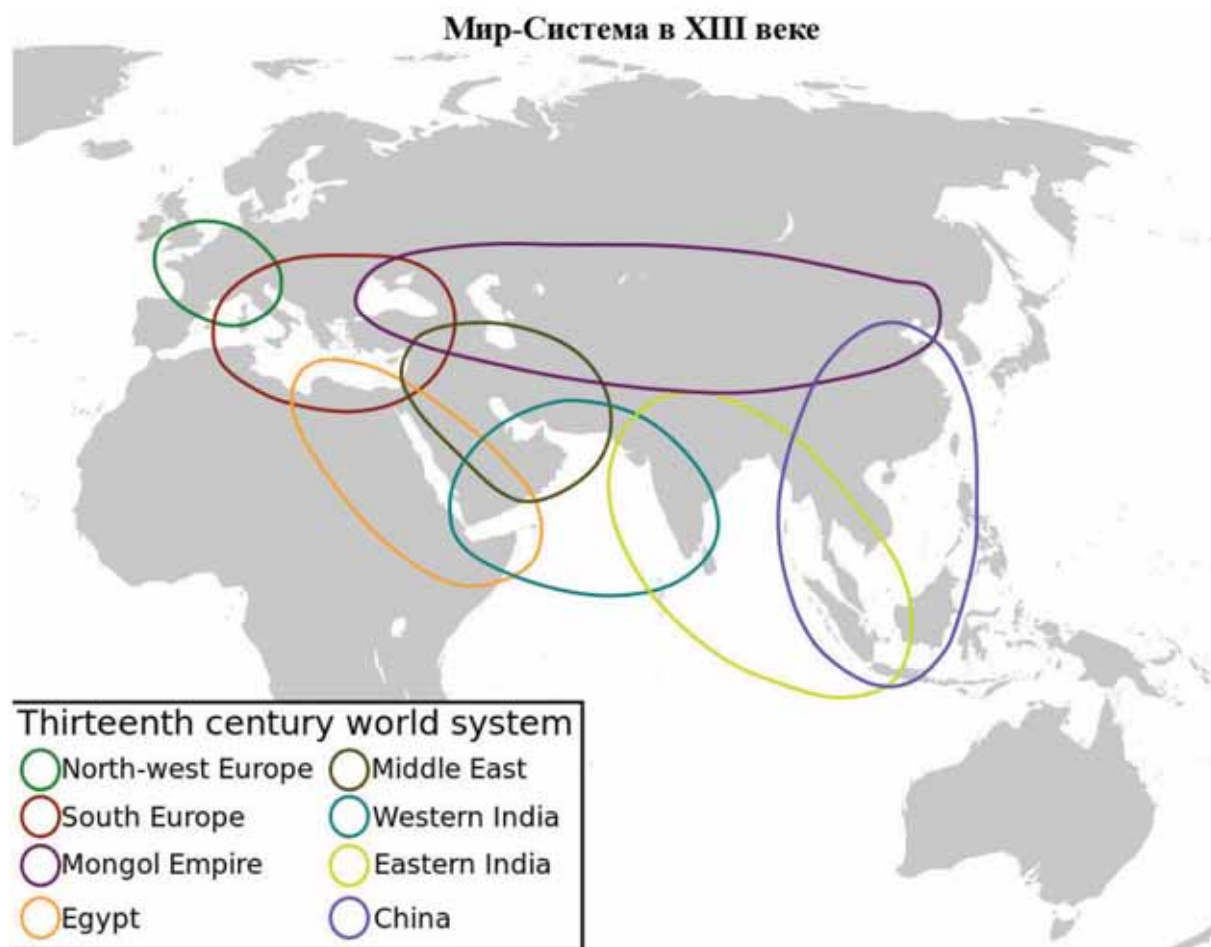

Рис. 6.²²

XIII века и границах, возникающих в результате их движения. Как видно из рисунка (рис. 6), эти три цивилизации «переплелись» в своем развитии именно в этом регионе, хотя косвенно к ним были причастны и другие цивилизации.

Так и в случае со стратегическим прогнозом будущей войны, — требуется рассмотреть те области, где сталкиваются непримиримые (т. е. антагонистические) интересы/потребности развития цивилизаций. Это — главный посыл для будущего анализа, из которого производными станут другие выводы, что можно представить в виде следующей последовательности (рис. 7).

Это уточнение позволит также более определенно говорить о «средствах достижения этих целей», а также и «масштабах военных дей-

ствий». И первые, и вторые вытекают не только (и уж не столько) из характера ВПО, сколько из противоречий в развитых ЧЦ и МО.

Военная доктрина России предполагает, что «... современная война (вооруженный конфликт) может быть:

- по военно-политическим целям — справедливой (не противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, ведущейся в порядке самообороны стороной, подвергшейся агрессии); несправедливой (противоречащей Уставу ООН, основополагающим нормам и принципам международного права, подпадающей под определение агрессии и ведущейся стороной, предпринявшей

Рис. 7.

вооруженное нападение)»²³. Подобное деление ни о чем не говорит, оно наивно, более того, вводит в заблуждение. Трактовка кем-либо понятия «справедливость» относительно войны невозможно, кроме как конкретной нации и в конкретных исторических условиях.

- «по применяемым средствам — с применением ядерного и других видов оружия массового уничтожения; с применением только обычных средств поражения»²⁴. В настоящее время уже есть неядерные ВиВТ, которые могут выполнять эти функции и т. д. и т. п.:
- «по масштабам — локальной, региональной, крупномасштабной».

Основные общие черты современной войны:

- влияние на все сферы жизнедеятельности человечества;
- коалиционный характер;
- широкое использование непрямых, неконтактных и других (в том числе нетрадиционных) форм и способов действий, дальнего огневого и электронного поражения;
- активное информационное противоборство, дезориентация общественного мнения в отдельных государствах и мирового сообщества в целом;
- стремление сторон к дезорганизации системы государственного и военного управления;
- применение новейших высокоэффективных (в том числе основанных на новых физических принципах) систем вооружения и военной техники;
- маневренные действия войск (сил) на разрозненных направлениях с широким применением аэромобильных сил, десантов и войск специального назначения;
- поражение войск (сил), объектов тыла, экономики, коммуникаций на всей территории каждой из противоборствующих сторон;
- проведение воздушных кампаний и операций;

- катастрофические последствия поражения (разрушения) предприятий энергетики (прежде всего атомной), химических и других опасных производств, инфраструктуры, коммуникаций, объектов жизнеобеспечения;
- высокая вероятность вовлечения в войну новых государств, эскалации вооруженной борьбы, расширения масштабов и спектра применяемых средств, включая оружие массового уничтожения;
- участие в войне наряду с регулярными, нерегулярными вооруженными формированиями.

Вооруженный конфликт может возникнуть в форме вооруженного инцидента, вооруженной акции и других вооруженных столкновений ограниченного масштаба и стать следствием попытки разрешить национальные, этнические, религиозные и иные противоречия с помощью средств вооруженной борьбы.

Особой формой вооруженного конфликта является приграничный конфликт.

Вооруженный конфликт может иметь международный характер (с участием двух или нескольких государств) или немеждународный, внутренний характер (с ведением вооруженного противоборства в пределах территории одного государства)»²⁵.

Таким образом, в 2014 году требуется конкретный анализ характера современных войн и конфликтов, который должен дать современную оценку самых разных представлений о прогнозе эволюции форм и способов военных действий, в частности, полезно возвратиться к существующей достаточно подробной типологизации. В настоящее время существует описание множества типов войн и военных конфликтов. Кроме известных и уже вышеперечисленных в самом начале работы, типов войн, российские исследователи выделяют, например, и следующие типы, которые мы попытаемся коротко характеризовать с точки зрения перспектив их вероятной эволюции²⁶.

2.3. Гипотетический субъективный характер сценария войны в 2014 году между Россией и США: новое качество и значение

Соединенные Штаты стремятся ослабить зависимость их гарантий союзникам от ЯО путем развития не только оборонительных, но и наступательных вооружений в обычном оснащении²⁷.

*А. Арбатов, В. Дворкин,
эксперты РАН*

Сегодня под теорией войны понимается некий перечень работ, изречений, выступлений, лекций и просто мнений авторов..., которые исторически, по привычке и по вполне субъективным причинам считаются правильными и аксиоматичными²⁸.

*А. Владимиров,
военный теоретик*

Субъективность в оценке политических явлений — общая норма, которая серьезно препятствует научному анализу и обоснованному принятию практических решений в военно-политической области. Один и тот же факт, событие, а тем более тенденция, могут восприниматься и толковаться политиками и военными совершенно по-разному. Даже если для этого существуют объективные критерии, которых в последнее десятилетие разработано немало²⁹. Причем такой субъективизм присутствует даже по отношению к самым общим, крупным и, казалось бы, очевидным проблемам. Например, эффективности военной политики и стратегии США.

Так, одна группа политиков и экспертов полагает, что последствия военного вмешательства США в Афганистан, Ирак, Ливию, Сирию и на Украину свидетельствуют о неэффективной военной политике и, наоборот, удачных действиях России, ссылаясь даже на доклад американских экспертов, опубликованный в октябре 2014 года. Эти эксперты и политики полагают, что результаты военной деятельности США последних десятилетий говорят о неприемлемой стратегии, опирающейся на воздушно-космические средства нападения, прежде всего ВТО.

Есть и другая, прямо противоположная точка зрения, к которой присоединяются и авторы этой работы, а именно: политическая цель («победа») США по отношению к странам Большого Ближнего Востока и постсоветскому пространству заключается в создании и поддержании хаоса, при котором США могут достаточно успешно влиять и контролировать происходящие процессы. С военной точки зрения такая цель достигается лучше всего при помощи широкого спектра военных и полувосвоенных операций — от подготовки групп вооруженного сопротивления

власти и дестабилизации до нанесения «бесконтактных» воздушно-космических ударов при помощи ВТО, как это было в Ираке, Афганистане, Сирии, Ливии и даже Пакистане.

Таким образом, изначально принципиально важно определить подлинные, а не декларируемые цели использования военной силы и подготовки нового характера будущей войны. Авторы доклада, в частности, пишут: «Россия развернула и сосредоточила дипломатические, информационные, военные и экономические усилия, чтобы провести то, что некоторые эксперты называют „нелинейными операциями“. ... Россия провела операцию, не перейдя грань, которая потребовала бы ответа со стороны НАТО... Она также использовала возможности киберпространства и социальные сети, чтобы оказывать влияние на восприятие событий в стране и за рубежом и обеспечивать прикрытие широкомасштабных военных операций»³⁰. Кроме того, в докладе делается вывод, что российское командование отдает приоритет сухопутным войскам, что в конечном счете является решающим фактором успешного решения поставленных перед ним военно-политических задач³¹.

С ними согласен и министр обороны США Чарльз Хейгел, который заявил, что армии США следует быть готовой к встрече с российской армией, которая, по его словам, является современной и боеспособной. При этом Хейгел с явной опаской говорил о новых, нетрадиционных способах решения боевых задач, которые применяются вероятным противником: «Призраки так называемой гибридной войны становятся все больше, когда наши противники применяют тактику повстанцев, используя при этом высоко оснащенные вооруженные силы и сложные технологии»³².

Табл. 1. Распределение основных средств на оборону по ГОЗ-2020 МО РФ³³

Allocation of funds in the MoD GPV-2020		
Programme	Key objectives and indicators	Funding; trillion RUR
Total MoD GPV 2020	The share of modern weapons and military equipment supplied to the Armed Forces should be 30% by 2016 and 70% by 2020.	19.0
of which:		
Strategic nuclear forces	The share of modern weapons of 75–80% in 2020. More than 400 land-based and sea-based intercontinental ballistic missiles. 8 missile strategic submarine cruises.	1.0
Military space forces and Aerospace defence (ASD)	The share of modern weapons in the ASD in 2020 shall be at least 70% – about 100 spacecraft and 28 S-400 regimental units.	4.0
Air Force	More than 600 aircraft and over 1 000 helicopters.	4.7
General purpose Navy forces	51 surface warships. 16 attack submarines. 90 support vessels.	4.4
Ground troops and Airborne troops	10 Iskander-M regimental units. 9 S-300V4 regimental units. About 2 000 self-propelled guns. More than 30 000 vehicles.	2.6
Main departments of the MoD	The share of modern rear and special equipment shall be at least 65% in 2020.	2.3

Source: Gaidar Institute (2013: 512).

Note: The MoD GPV is the part of the State Armament Programme that is for the MoD.

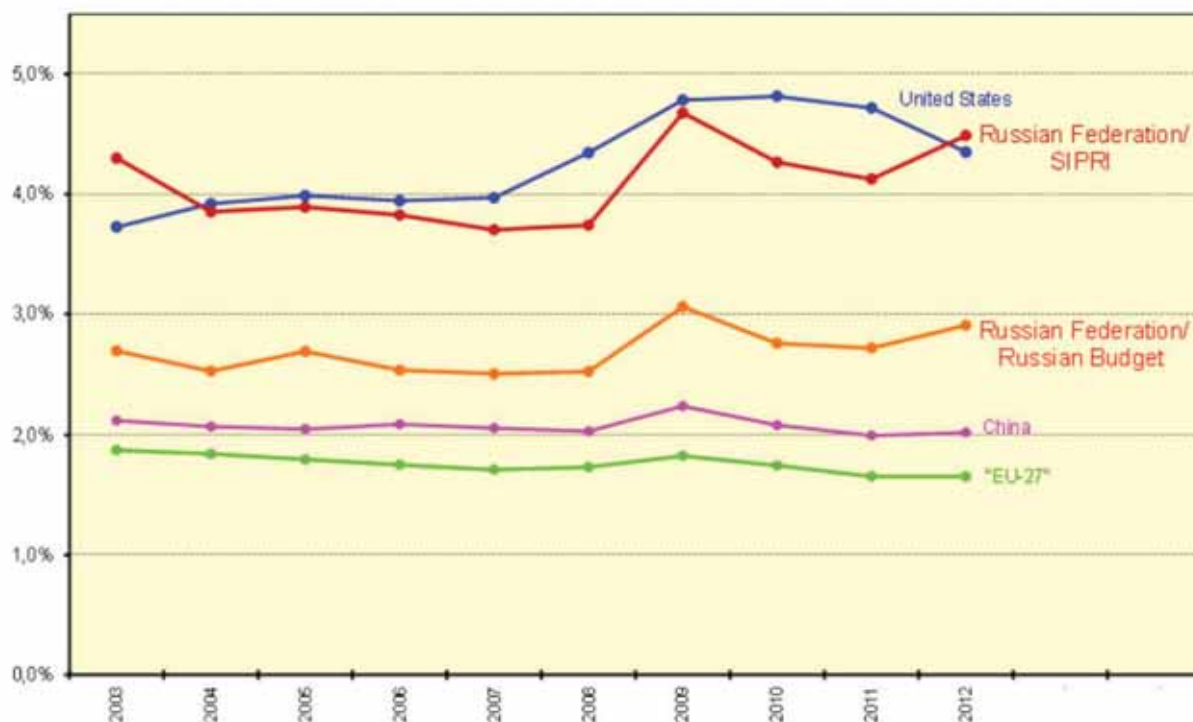
Так, приоритеты в оборонной политике России на долгосрочную перспективу очевидно выражены в абсолютных и относительных объемах финансирования ГОЗ-2020, которые никак не объясняются и никак не комментируются. Это вызывает вопросы не только за рубежом (в частности, в Швеции), но и в самой России, что видно из простой таблицы (табл. 1).

Субъективность характерна в политике и военной стратегии для всех и всегда. И мировая история многократно это подтверждала. Сегодня, однако, можно говорить о новом качестве и значении, которое определяется широким использованием различных методов прогнозирования и стратегического планирования. Можно сказать, что стратегический прогноз и планирование, разработка сценарных (вполне субъективных) планов стали нормой политической жизни. Однако мало кто из политиков и экспертов понимает, что в связи с распространением сценариев формируется и программируется определенная, иногда серьезная, зависимость от них. Так, амбициозный сценарий «Видение-2023», разработанный для выборов, стал финансово-политическим планом и стратегией правительства, предусматривающей уже плановое, «глубокое сценарирование» в том числе и военной политики страны³⁴.

И если первое, самое почетное место по финансированию, занимаемое ВВС, еще как-то можно аргументировать, то сопоставимые расходы на ВМФ РФ — 4,4 трлн рублей — вызывают сомнения. Тем более, что они почти равняются всем расходам на СНВ и ВКО, запланированным до 2020 года. Этот пример, иллюстрирующий количественные оценки и расхождения, будет еще более разительным, если речь пойдет о качественных оценках и характеристиках состояния современной ВПО и СО, отношений США и России. Так, если военные расходы обеих стран относительно ВВП до 2011 года снижались и были приблизительно одинаковы (4,2%–4,8% от ВВП), то к 2012 году их доля в российском бюджете несколько выросла, а в американском — сократилась.

И, вместе с тем, если судить по многим другим критериям, то можно констатировать состояние войны между США и Россией именно с 2014 года. Все зависит от того, какая субъективная точка зрения в данном случае будет присутствовать при характеристике войны и СО. Учитывая, что характер любой войны или вооруженного конфликта абсолютно конкретен, мы должны исходить из того, что можем анализировать и прогнозировать (только по отношению к конкретному историческому периоду) основные черты, присущие характеру войны или

Estimated military expenditure as a share of GDP for Russia and selected countries, 2003–2012; per cent

Sources: SIPRI (2013) and MoF.

Рис. 8.³⁵

военного конфликта. В частности, если говорить о двух конкретных противоборствующих сторонах — России и США в конкретный (а именно современный) период времени, в гипотетическом конфликте, то мы можем исходить из следующих положений о характере войны:

- по военно-политическим целям:
США: борьба за продвижение своих интересов и системы ценностей, в том числе силовое, включая военную силу;
Россия: защита своих национальных интересов и системы ценностей, готовность использования в этих целях военной силы;
- по применяемым средствам: любые средства внешнего насилия, включая вооруженные и ОМУ, по мере необходимости;
- по масштабам: на всех уровнях — локальном, региональном, глобальном, с выделением нового уровня воздушно-космического
- общие черты гипотетической современной войны России и США:
- влияние на все стороны жизнедеятельности человечества уже на ранних стадиях конфликта и т. д.

Биологическая война. Война с использованием биологического оружия против людей,

домашних животных, растений. После 1945 года биологическое оружие использовалось против лесов и посевов в антипартизанской борьбе (например, в Индокитае). На современном этапе отмечены попытки биологических атак не только со стороны террористов, но и сохраняется возможность использования биологического оружия государствами. Во-первых, потому, что контролировать такие исследования практически невозможно. Во-вторых, потому, что новые достижения науки и технологий объективно открывают еще не известные возможности. В-третьих, потому, что эти средства могут компенсировать некоторым государствам их технологическую и экономическую отсталость.

Воздушная война. Разделяется на войну за господство в воздухе (обычно является частью обычной войны) и воздушную войну, где воздушное наступление является основным средством поражения противника. В настоящее время воздушная война стремительно превращается в основную форму боевых действий, от которой зависит результат всей войны. Так, в ходе войны в Югославии, Ираке, Афганистане, Ливии основным средством поражения противника стали авиационные удары, применение КР и других

видов ВТО. Можно уверенно утверждать, что господство в воздухе в конце XX века стало главным условием достижения победы.

В этой связи резко возросла и роль ПВО и ПРО, которые быстро превращаются в войска ВКО и интегрируются с наступательными воздушно-космическими вооружениями. Таким образом, «воздушная война» превратилась к концу XX века в «воздушно-космическую войну» став главной формой ведения боевых действий. В конце XX — начале XXI века технологическое превосходство позволило, в ряде случаев, добиваться победы почти исключительно с помощью воздушной войны³⁶ — справедливо считают российские эксперты.

Диверсионная и террористическая война. Ведется отдельными группами против важных объектов, государственных структур или мирных жителей с целью дезорганизации власти и изменения общественного мнения в нужную для себя сторону. В случае диверсии речь идет о действия одного государства против другого. Террористы формируют негосударственные организации и могут действовать не строго против определенной территории, а, например, против граждан определенного государства. Террористическая война в XXI веке ведется уже сетевыми, всемирного охвата организациями и является глобальной.

Дистанционная война, бесконтактная война. Война, в которой противник поражается на расстоянии путем воздушных, ракетных, артиллерийских ударов, выведения из строя его систем связи, инфраструктуры. Такой вид войны возможен, когда стороны стремятся минимизировать потери среди личного состава во время непосредственных боевых столкновений и когда одна сторона имеет значительное техническое преимущество над другой.

Климатическая война, погодная война. Война с целью нанесения урона противника с помощью изменения климата. В настоящее время надежных способов вызвать на определенной территории, например, обильные дожди, снегопады, многодневный зной и так далее, не выявлено.

Континентальная война, сухопутная война. В ходе такой войны борьба разворачивается преимущественно в границах континента, на сухопутных фронтах. Флот в такой войне играет вспомогательную роль. Крупнейшая континентальная война — Великая Отечественная война 1941–1945 годов.

Малая война. Другое название партизанской, диверсионной войны. Еще одно название — иррегулярная война.

Маневренная война. Отличается высокоманевренными боевыми действиями, быстрыми и резкими изменениями обстановки. Имеет самые решительные цели, характерна массированным использованием танковых, воздушных, десантных сил. Вторая мировая война на ряде этапов была маневренной войной.

Морская война. Война за господство на море. Обычно велась между сильными морскими державами, часто сопровождалась действиями в колониях, действиями корсаров, блокадой побережья. Иногда морской войной называют такой конфликт, где основным содержанием боевых действий становятся действия на море. Например, англо-русская война 1807–1812 годов — морская война.

Наступательная война. Война, где одна или все воюющие стороны стремятся добиться победы путем решительного наступления. Наступательная война характерна для начального периода Первой мировой войны, для действий Германии в начале Второй мировой войны.

Оборонительная война. Война, где одна из сторон придерживается оборонительной стратегии по тем или иным причинам. Так, Финляндия в ходе войны с СССР 1939–1940 годов вела оборонительную войну.

Обычная война, конвенционная война. Война с применением обычных вооружений и, соответственно, без применения оружия массового поражения — ядерного, бактериологического, химического и других.

Океанская война. Война, где решающие военные действия происходят в акватории океана и морей, обычно характерна для столкновения значительных морских держав. Победа достигается разгромом вражеского флота, активными десантными операциями, морской блокадой. Крупнейшая океанская война — Война на Тихом океане между Японией и США с Великобританией в 1941–1945 годах.

Партизанская война, инсургентская война. Война в условиях оккупации или захвата территории врагом. Ведется в труднодоступной местности, как правило небольшими группами разнородно вооруженных людей, при поддержке местного населения. Может быть, как частью большой войны и вестись на временно оккупированной территории. Например,

партизанская война в Великой Отечественной войне. Так и длительной войной за освобождение или создание своего государства. Например, басмаческое движение в Средней Азии против советской власти в 1918–1930-х годах. Существует специфический вид партизанской войны — городская герилья, когда группы и отдельные бойцы действуют в городе. Такой вид борьбы возможен в современных, крупных городах и является сравнительно новым.

Пограничная война. Ограниченная война на границе, обычно связана с территориальными притязаниями одной из сторон. Пограничная война может быть вызвана общей напряженностью между сторонами, способом прощупывания противника, его готовности решительно пресечь агрессивные действия соперника. Пограничная война, как правило, не преследует решительных целей, но вполне может перерасти в крупномасштабный конфликт. Пограничные конфликты за спорную территорию могут длиться годами, периодически приводя к боевым столкновениям. СССР имел ряд пограничных конфликтов с Японской империей в 1930-е годы и с КНР в 1960–1970-х годах.

Позиционная война. Война ведется на позиционных фронтах, с низкими результатами наступательных действий, с истощением сторон. Позиционная война возникла благодаря новым формам борьбы и развитию военной техники во второй половине XIX века. Классический пример позиционной борьбы — Первая мировая война почти на всем своем протяжении. Длительные периоды Второй мировой войны также были позиционными. После 1945 года длительные фронты — редкость, но в ряде крупных региональных войн — Корейской войне, Ирано-Иракской войне, возникали позиционные фронты.

Превентивная война. Война с целью предотвращения неминуемого нападения противника. Предполагает первый удар, то есть фактически агрессию, по врагу, как правило, без объявления войны. Тезис о превентивной войне неоднократно использовался для оправдания агрессии, например, нападения Германии на СССР 22 июня 1941 года.

Тектоническая война. Война с использованием искусственных землетрясений, цунами, извержений вулканов. Теоретически подобные эффекты можно вызвать путем подрыва водородных зарядов над геологическими разломами, у побережья, в устьях рек.

Химическая война. Война с использованием химического оружия. Использование ядовитых газов наиболее массовым было в годы Первой мировой войны. После этого были предприняты усилия по запрещению этого вида оружия массового поражения. Но химическое оружие использовалось в межвоенный период, а подготовка к химической войне велась всеми державами в годы Второй мировой войны. Эпизодически химическое оружие применялось против партизан. Химическое оружие использовалось в нескольких локальных войнах, иногда довольно широко. На современном этапе существует опасность использования химического оружия террористами.

Холодная война. Период противостояния двух мировых систем, капиталистической и социалистической во главе с США и СССР соответственно, после Второй мировой войны и до развала СССР (1945–1992 годы). Обе сверхдержавы сформировали военно-политические блоки (НАТО и Варшавский договор) и стремились расширить сферу своего влияния в мире. Стороны активно готовились к ядерной войне, попутно вытесняя и ослабляя противника с помощью локальных войн: Корейской войны 1950–1953 годов, Вьетнамской войны 1965–1975 годов, Афганской войны 1979–1989 годов и других. До прямого военного столкновения сверхдержав не дошло, хотя в локальных конфликтах случались бои частей ВВС и ПВО СССР и США.

Экологическая война, геофизическая война. Война с целью подрыва экосистемы страны противника, поражения окружающей среды. К экологической войне можно отнести случаи использования оружия массового поражения (биологического, химического, ядерного), сознательного уничтожения лесов (поджогом), взрыва дамб, разлива нефти в акватории и так далее. К экологической войне можно отнести климатические и тектонические войны. Экологическая война себя не оправдывает, так как разрушение экосистемы в одном регионе косвенно влияет на всю планету, особенно при глобальном конфликте.

Ядерная война, термоядерная война, водородная война. Война с применением атомного, ядерного и термоядерного оружия. Глобальная ядерная война фактически будет означать мировую войну, ограниченная ядерная война возможна между «малыми» ядерными державами, например, Индией и Пакистаном. Пока

единственная война с применением атомного оружия — Вторая мировая война.

Уже упомянутые выше типы войн:

Колониальные войны. Войны с целью завоевания и удержания колоний.

Идеологические войны, в том числе:

Революционные войны. Войны, возникающие в результате революции и, часто гражданской войны в одной стране, затем имеют тенденцию перерасти во внешние войны

с государствами иного строя. Революционные войны могут сопровождаться экспортом революции со стороны революционного государства.

Религиозные войны. Войны между конфессиональными антагонистами. Нередки в древности и Средние века. В Новое и Новейшее время религиозные войны были почти вытеснены идеологическими (революционными) войнами, однако в XXI веке к религиозным войнам можно отнести исламский терроризм и борьбу с ним.

2.4. Основные тенденции в эволюции характера международных войн и вооруженных конфликтов в XXI веке

Для тех, кто верует, нет вопросов, а для тех, кто не верует, нет ответов.
Авва Исарий

Государство, находящееся под властью рабочего класса, ставит себе политическую цель в войне не сообразно со своими вооруженными силами и средствами, а, наоборот, должно создавать себе достаточные силы для завоевания буржуазных государств всего мира³⁷.

*М. Тухачевский,
зам. наркома обороны СССР*

В XXI веке произошли решительные изменения в характере международных войн и вооруженных конфликтов по сравнению с войнами XX века. Коренным образом изменились не только политические их цели, но и способы и средства их ведения даже по сравнению со второй половиной XX века. Колоссальный опыт Первой и Второй мировых войн и большинства послевоенных вооруженных конфликтов оказался к началу XXI века историей военного искусства, требующей серьезного пересмотра. Так, если говорить, например, о театре военных действий (ТВД), на котором ведется вооруженная борьба, то в XXI веке произошло размывание этого понятия: если прежде было понятно, где находятся границы вооруженной борьбы (фронт), дислокация ВС, сосредоточение ВиВТ, основные экономические объекты, транспортные коридоры, тыл, управление государством и войсками, то сегодня многие из этих вопросов остаются без ответа. В том числе и главные из них: какова истинная цель войны и кто является подлинным

противником. Вот почему в XXI веке появился даже специальный термин, «обозначающий противника». Эксперт М. Хамзатов в несколько упрощенном виде представил это следующим образом³⁸ (рис. 9).

На самом деле ситуация обстоит еще сложнее, а именно: в XXI веке практически все особенности характеристики войн и конфликтов изменились и требуют своего пересмотра, причем прежде всего начинать надо с определения главного противника и его целей в войне, которые зачастую остаются скрытыми и неизвестными. Так, кто был и является главным противником в вооруженном конфликте на Украине? Какие цели он преследует? Какие ресурсы готов использовать?

Исторически в России все сложилось таким образом, что анализ характера войн и вооруженных конфликтов и последующие рекомендации делались военными учеными в ведомственных военных учреждениях и институтах. Вполне оправданный и в XXI веке профессиональный

«Облачный противник» не имеет собственной территории, использует местные ресурсы, не проживает компактно, семьи не несут тягот и лишений войны.

Рис. 9.

подход неудачно попытались изменить в 1980-е годы некоторые специалисты АН СССР (прежде всего Института США и Канады и ИМЭМО РАН). Они подошли к анализу военно-политических проблем с иных, невоенных позиций — политических («новое мышление»), экономических («издержки ВПК для экономики»), социальных («милитаризация» общества) и т. д.

К сожалению, объективная потребность в новых подходах не смогла быть реализована из-за политической ангажированности и непрофессионализма их авторов, что в итоге привело к трагическим политическим ошибкам и даже преступлениям. Ситуация стала медленно меняться во втором десятилетии XXI века, когда была принята новая редакция Военной доктрины России и ряд других документов, а, главное, потому что появилась объективная потребность к долгосрочному планированию, в том числе в военной области. Об этом свидетельствует не только принятие в июне 2014 года ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» и других документов, но и объективно возросшая потребность разработки долгосрочных ответных мер, возникшая в условиях конфронтации с Западом по поводу Украины, введения санкций и других мер.

В России был дан мощный импульс военной мысли, который отсутствовал долгие годы. Не случайно в последние десятилетия практически исчезли масштабные военно-политические исследования, многие военно-научные школы и носители военных знаний. Отставание дискредитированной политологической школы и традиционной военной науки привело к тому, что по второму десятилетию XXI века мы оказались перед необходимостью практически начинать все с самого начала — и в политологии, и в военной теории.

Ошибки политологов и политиков в XX веке не означают, что современный системный анализ характера современных и будущих войн не нужен. Более того, он необходим во втором десятилетии XXI века еще больше, чем в 80-е годы XX века именно в силу тех опасных тенденций и процессов, которые получили свое развитие в последнее время. И сохранение только за военными экспертами исключительного права на такой анализ будет неизбежно вести к его искажению. Просто потому, что социально-групповые и корпоративные интересы военных будут влиять на объективность такого анализа и прогноза. И, к сожалению, влияют. Достаточ-

но сравнить ежедневные реалии с объективно существующими корпоративными интересами (потребностями) военных.

Корпоративные интересы военных³⁹

Позиционные интересы	Ресурсные интересы
Автономия военной организации	Военный бюджет
Иерархия военного руководства	Денежное довольствие
Сплоченность	Подготовка
Честь	Взаимоотношения внутри военной организации
Политическая позиция	Кадровые вопросы (назначение на должности, продвижение)

Политический анализ тенденций в развитии характера войн и конфликтов будет существенно отличаться от военного анализа. Так, важнейшими факторами влияния на эволюцию характера войн и военных конфликтов в XXI веке, на взгляд политолога, являются не собственно военные факторы, а:

- тенденции развития ЧЦ и вытекающие из них закономерности и особенности эволюции МО и ВПО в мире;
- эволюция политических, экономических и иных интересов и целей, формулируемых правящими элитами ведущих государств мира;
- изменения в соотношении сил в мире и отдельных регионах планеты.

В частности, если речь идет о главных политических целях войны, то они в XXI веке в еще большей степени политизируются: собственно военная составляющая войны уходит еще больше вглубь, затуманивая сам смысл понятия «военная победа». Так, если прежде главной целью войны было нанесение военного поражения и уничтожения (разгром) вооруженных сил противника, то сегодня (в зависимости от мощи противника) эти цели формулируются либо как организация хаоса, дезорганизации в государстве-противнике, либо как смена руководства и политического режима, либо как вообще развал государства. В любом случае

Рис. 10.

эти военно-политические цели могут варьироваться по разным принципам в зависимости от конкретного состояния ВПО и СО, а, главное, способности противника к сопротивлению. Так, И. Попов и М. Хамзатов считают целесообразным показать эту разницу в отношении к различным государствам-противникам следующим образом⁴⁰.

Как видно из рисунка (рис. 10), цели современной войны очевидно разные, но предмет, как правило, один — государство и его институты. В действительности это представление экспертов, хотя и справедливое, но слишком упрощенное. Представляется, что следует сделать две существенные поправки, а именно:

- конечной целью современной войны, ее финальным, а не промежуточным результатом является не государство, а нация, ее система ценностей и идентичность, которые следует изменить и подчинить. Государство и его институты — промежуточная цель войны;
- в зависимости от конкретной ВПО и СО, сценария развития войны и конфликта, может быть значительное число промежуточных политических целей — от втягивания страны в военный конфликт (как страны ЕС) до уничтожения государства и единой нации (как в Ливии).

Из этих уточнений следует (как увидим ниже), что конкретные сценарии СО, войн

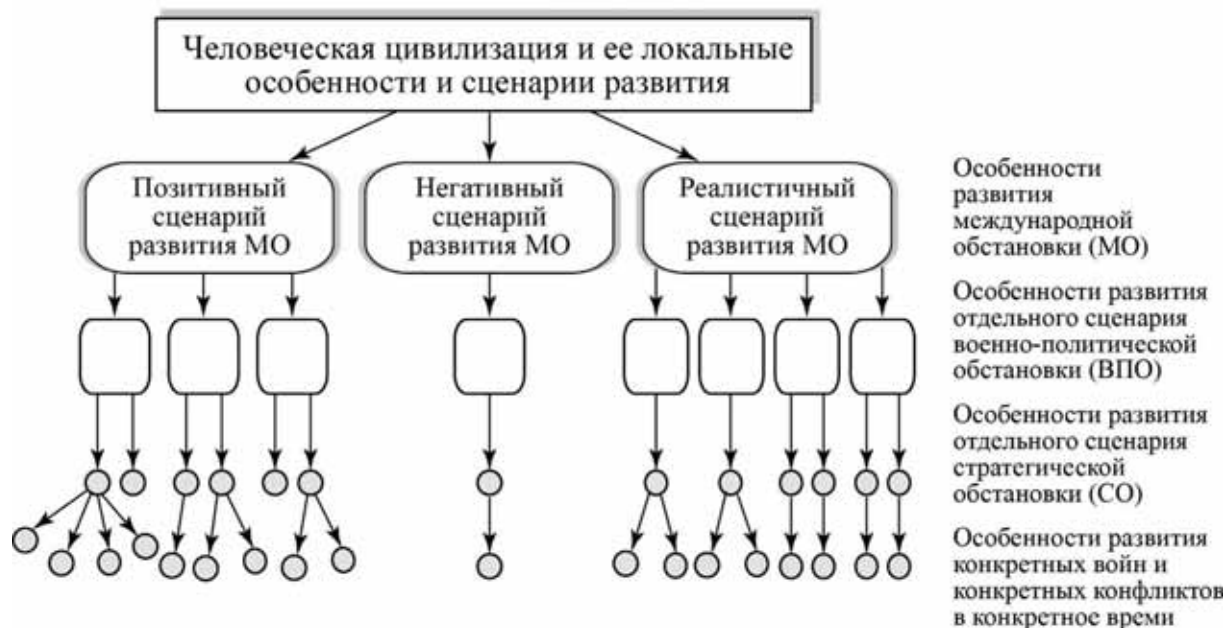
и конфликтов могут быть очень разнообразными и значительно превосходить любую имеющуюся сегодня систематизацию.

Естественно, что существуют и другие, в т. ч. военные и иные важные факторы, влияющие на эволюцию характера войн и военных конфликтов, перечисление которых займет много места, однако именно развитие этих трех указанных выше тенденций лежит, прежде всего, в основе будущих изменений основных черт характера войны и военных конфликтов.

В конкретный исторический отрезок времени развития человеческой цивилизации характеры войн и военных конфликтов во многом определяются особенностями этого исторического периода в развитии человечества, условиями (политическими, экономическими, пр.), в которых ведется война, социальным и политическим строем участников, уровнем развития экономики и технологий. Используемыми средствами вооруженной борьбы и другими факторами, которые в конкретный период времени являются общими для всех участников войны и военного конфликта.

Таким образом, для характеристики будущих международных войн и конфликтов справедлива та же иерархия, которая существует во взаимоотношениях между особенностями развития человеческой цивилизации (ЧЦ), международной обстановки (МО), военно-

Иерархия последовательности развития отдельных особенностей и конкретных сценариев, определяющих характер войн и военных конфликтов (на конкретном историческом отрезке времени)

политической обстановки (ВПО) и стратегической обстановки (СО).

Таким образом, особенности, характеризующие войны и конфликты современности и будущего историчны. Они меняются достаточно динамично как в результате изменения особенностей развития ЧЦ, МО, ВПО, так и СО. Поэтому важно попытаться рассмотреть эволюцию этих особенностей и их возможные последствия для будущего характера международных войн и конфликтов. Общеизвестно, в частности, что современные войны обычно характеризуются⁴¹:

- решительностью целей;
- огромным напряжением борьбы;
- истребительным и разрушительным характером военных действий;
- большим размахом;
- частой и резкой сменой форм и способов их ведения;
- распространением военных действий на все пространственные сферы;
- острой борьбой за захват и удержание стратегической инициативы;
- скоротечностью отдельных операций.

Эти общие характеристики современных войн требуют, безусловно, своей конкретизации, без чего их содержание существенно страдает. Прежде всего, необходимо сказать

о главных участниках современных войн и конфликтов — иррегулярных вооруженных формированиях, которые стали главными действующими лицами не только в войнах между развивающимися странами, но и с участием развитых государств.

До XXI века военная мощь определялась прежде всего количеством и качеством личного состава, вооружений и военной техники, имеющихся в ВС государства, либо потенциально готовых к мобилизации. В XXI веке это правило уступило другому опыту, а именно: негосударственные (во всяком случае, формально) вооруженные формирования стали играть ведущую роль в войнах и военных конфликтах. В конце 80-х — начале 90-х гг. XX века, когда эта тенденция еще только обозначалась, в СССР мы насчитали около 1 тыс. неформальных вооруженных формирований, ряд из которых играли роль государственных институтов.

Во втором десятилетии XXI века не только на Большом Ближнем Востоке, но и на Украине, как оказалось, эти иррегулярные формирования стали играть главную роль. В том числе со стороны государства, где они успешно заменяли ВС, как это было на Украине в 2014 году.

Рассматривая специфику войн и вооруженных конфликтов 1990-х гг. — начала XXI века

необходимо остановиться на следующих принципиальных моментах:

- *вооруженной борьбе в современной войне предшествует ожесточенная информационно-пропагандистская «артподготовка»* (информационные и психологические операции) для политической изоляции противника и ослабления его боевого духа, легитимизации собственных действий. При этом активное информационное противоборство, дезориентация общественного мнения в отдельных государствах и мирового сообщества в целом не прекращается и в ходе войны, что проявилось, к примеру, в ходе агрессии НАТО против Югославии в 1999 г.⁴²;
- *не выявилось обобщенного типа вооруженного конфликта.* Конфликты по формам и принципам ведения боевых действий были весьма различными⁴³;
- *значительная часть конфликтов имела асимметричный характер,* то есть происходила между противниками, стоящими на разных стадиях в техническом отношении, а также качественного состояния вооруженных сил. При этом большое внимание уделяется выбору тактических приемов уже на начальном, первом этапе войны. Опыт событий 90-х годов XX века в СССР, странах Восточной Европы и в XXI веке на Украине и в других государствах показывает, что набор этих тактических приемов достаточно универсален. Так, волнения осенью 2014 года в Гонконге были удивительно похожи на осенние манифестации 2013 года на Украине. Некоторые авторы сводят их к следующему универсальному набору⁴⁴:
- *все конфликты развивались на относительно ограниченной территории* в пределах одного театра военных действий, однако, с использованием сил и средств, размещенных за его пределами. Локальные, по сути, конфликты сопровождалась большой ожесточенностью и имели своим результатом в ряде случаев полное уничтожение государственной системы (если таковая была) одного из участ-

ников конфликта. При этом основной упор делался на уничтожении системы национальных ценностей, «внутренних национально-культурных» и духовных систем. Так, относительно России, например, отчетливо просматривается такая стратегия, которая включает следующие направления дестабилизации ситуации в стране:

- *существенно увеличилась роль начального периода* вооруженного конфликта или войны. Как показывает анализ исхода вооруженных конфликтов, именно захват инициативы на начальном этапе боевых действий предопределял исход;
- *в начальный период собственно войны ведущая роль отводилась дальнобойному высокоточному оружию,* действующему совместно с авиацией. Однако в дальнейшем основная тяжесть ведения боевых действий ложилась на Сухопутные войска. Главной особенностью собственно военных конфликтов нового исторического периода на их вооруженном этапе оказалось то, что произошло перераспределение роли различных сфер в вооруженном противоборстве. Ход и исход вооруженной борьбы в целом стали определяться главным образом противоборством в воздушно-космической сфере и на море, а сухопутные группировки — только закреплять достигнутый военный успех и непосредственно обеспечивать достижение политических целей⁴⁵.

На этом фоне выявилось усиление взаимозависимости и взаимовлияния действий стратегического, оперативного и тактического уровней в вооруженной борьбе. Фактически это говорит о том, что прежняя концепция обычных войн, как ограниченных, так и широкомасштабных, претерпевает значительные изменения. Даже локальные конфликты могут вестись на относительно больших площадях с самыми решительными целями. При этом основные задачи будут решаться не в ходе столкновения передовых частей, а путем огневого поражения с предельных дальностей.

2.5. Основные особенности современного «переходного периода» в характере международных войн и военных конфликтов

... Соединенные Штаты будут не в полной мере находиться в безопасности до тех пор, пока остается ядерное оружие⁴⁶.

*Б. Обама,
Президент США*

Сила эта (США) из года в год все больше подтачивается не только объективным снижением финансово-экономических возможностей государства, но и ... господством концепций бесконтактного, в идеале бескровного для самих американцев, применения вооруженных сил⁴⁷.

*В. Селиванов,
эксперт*

Основные особенности будущих международных войн и конфликтов будут вытекать из поиска наиболее эффективных способов использования силы в ее самых разных формах, включая военную, в качестве политического инструмента в ходе усиления межцивилизационных конфликтов. Их трудно избежать потому, что речь идет о многочисленных пересекающихся интересах локальных цивилизаций, хотя, вероятно, есть способы удержать эти конфликты в рамках политико-силового, но не вооруженного противоборства.

Борьба за контроль над мировыми процессами и стремление выйти из-под влияния этого контроля — основные тенденции в цивилизационном противоборстве, которое означает не только борьбу за свою идентичность, но и за свободу распоряжаться своей территорией, транспортными коридорами и природными ресурсами. Достаточно сказать, например, что, согласно зарубежным оценкам⁴⁸, наша страна занимает седьмое место в мире по запасам нефти (6% мировых запасов), первое место по объемам ежегодной добычи (13% мировой добычи) и обеспечивает свыше 15% мирового нефтяного экспорта. Россия занимает первое место в мире по доказанным запасам природного газа (23% мировых запасов), второе место после США по объемам ежегодной добычи (18% мировой добычи) и является безусловным мировым лидером по экспорту природного газа, обеспечивая более 20% мировой торговли «голубым топливом». Россия также занимает второе место в мире по запасам угля (18% мировых запасов)⁴⁹, шестое место по объемам ежегодной добычи (4%) и обеспечивает 13%

мировой торговли энергетическими и до 7% — коксующимися углями⁵⁰.

На евразийском пространстве значение российских энергоресурсов и энергетической инфраструктуры еще выше. Свыше четырех пятых российской нефти экспортируется в страны Европы, причем доля России на данном рынке составляет около 30%. Ведущими импортерами российской нефти являются Германия, Италия, Франция, Польша и Нидерланды. Происходит диверсификация направлений экспорта российской нефти преимущественно за счет развития экспортных поставок в Китай. Основное направление экспорта российских нефтепродуктов — европейский рынок.

Газовый экспорт России также почти исключительно замкнут на газовых рынках Европы и СНГ, на которые приходятся все трубопроводные российские поставки. Помимо них, благодаря началу в последние два года поставок СПГ, Россия представлена, хотя и незначительно, на рынке Северо-Восточной Азии (Япония, Республика Корея, в символических объемах Тайвань и КНР), где по итогам 2011 года заняла долю в 8,3%⁵¹.

На постсоветском пространстве Россия остается доминирующим внешним поставщиком природного газа (91,9%, по данным ВР). Следует отметить, что на рынке СНГ Россия традиционно играет и роль крупного импортера газа, хотя объемы закупок резко сократились из-за снижения импорта туркменского газа с весны 2009 года. По данным ВР, всего в 2011 г. Россия импортировала 30 млрд куб. м. природного газа из Казахстана, Узбекистана, Туркменистана и Азербайджана, что составило 2,9% от мировой

торговли, или 13,5% от собственного экспорта России. Вместе с тем поставки природного газа в Россию играют ключевую роль для Казахстана (почти 100% от общего объема экспорта), Узбекистана (78%) и Туркменистана (30%)⁵². На долю европейских стран (включая Турцию) приходится 70% экспортных поставок природного газа из России. При этом государства Европы (ЕС-27) зависят от российского газа только на 30%, хотя для ряда стран эта зависимость достигает 100%.

В настоящее время, наряду с качеством оружия, важнейшее влияние на характер войны, ее пространственный размах, избираемые средства, формы и способы борьбы все большее влияние оказывает содержание политических целей, которые необходимо достигнуть в результате войны. На протяжении веков политические цели войн достигались последовательным решением ряда стратегических задач. Главными из них считались:

- разгром военной силы неприятеля;
- лишение его других средств ведения войны посредством уничтожения предприятий военно-промышленного комплекса, оккупации территории (кратковременной или длительной) или же ее присоединения к своему государству на постоянной основе в форме колонии или протектората.

Анализ современных вооруженных конфликтов показывает, что технологически развитые страны практически полностью отказались от ведения массовых войн классического типа и предпочитают добиваться своих политических целей посредством «ограниченной войны». Это объясняется, прежде всего, тем, что чрезвычайно возросшая мощь оружия в войнах последнего столетия стала сопровождаться огромными потерями населения и экономического потенциала, а появление оружия массового поражения (ОМП) вообще поставило под сомнение возможность пользоваться плодами победы в силу негативных экологических и иных последствий.

Отсюда возникла и развивается идея управления международными кризисами и военными конфликтами. Цель этого управления — принудить противника или соперника к принятию навязываемых ему условий, но без существенных материальных, а главное — людских потерь (прежде всего, со своей стороны). Эта цель и определяет границы применения силы по следующим основным показателям:

- ограничение театра военных действий по пространству границами государства — жертвы агрессии;
- ограничение вооруженного противоборства по физическим сферам, борьба в воздухе и в космосе и воздействие из этих сфер по наземным объектам;
- ограничение вооруженной борьбы по средствам — недопущение применения ядерного и других видов ОМП.

В целом мы видим, что сущность управления военным конфликтом в военно-техническом плане заключается в *навязывании противнику тех способов и форм противоборства, использование тех сил и средств, в которых активная сторона имеет явное преимущество.*

Под влиянием этих и других факторов стратегические цели и задачи войны, формы и способы ее ведения, т. е. основные черты характера войны, стали изменяться. Какие же основные тенденции этого процесса наблюдаются?

Во-первых, стремление к тотальному физическому уничтожению противника трансформировалось в уничтожение его ключевых жизнеобеспечивающих объектов и лишение способности организованного функционирования основных институтов государства и группировок ВС.

Во-вторых, непосредственный контакт сражающихся войск стал заменяться огневым контактом на удаленных дистанциях. Дистанционное противоборство стало превалировать над контактным, повысился удельный вес «дальнего поражения», что в свою очередь приводит к исчезновению четкого разделения понятий «тыл» и «фронт».

В-третьих, наряду с физическим воздействием на население и войска исключительную роль стало приобретать информационное воздействие, в том числе информационно-техническое, направленное главным образом против систем управления войсками и оружием, и информационно-психологическое, направленное против личного состава вооруженных сил и населения.

В-четвертых, общая цель войны — принуждение политического руководства страны-жертвы принять навязываемые агрессором условия — все чаще достигается не только и не столько непосредственным применением военной силы. Гораздо активнее стала использоваться стратегия не прямых действий с присущими

ей политико-дипломатическим и финансово-экономическим давлением, информационным воздействием, международно-правовыми и экономическими санкциями, подрывными акциями сил специальных операций, подкрепленными демонстрацией военной силы и готовности к ее применению.

Когда этот комплекс средств не приносит желаемых результатов, военная сила применяется непосредственно. И тогда воля политического руководства жертвы агрессии к сопротивлению ломается за счет подрыва жизненных сил страны путем уничтожения ключевых объектов управления, энергетики и промышленности при параллельном внушении ее народу, равно как и мировому сообществу, мысли о неспособности действующего руководства эффективно управлять государством.

К чему ведет развитие названных тенденций? И что уже нельзя не учитывать в практике военного строительства?

Для реализации подобных вышеописанных сценариев ненужными становятся массовые армии, предназначенные для проведения классических крупномасштабных операций на континентальных ТВД. Их стали заменять армии, в которых приоритетное развитие получают виды вооруженных сил и рода войск, оснащенные дальнобойными средствами поражения, интегрированными с информационно-управляющими системами и обладающими способностью поражать объекты противника практически на всей его территории в реальном масштабе времени и с высокой точностью⁵³.

С определенной степенью условности можно выделить главные и иные особенности характера будущих международных войн и военных конфликтов:

1. Исчезают четкие *временные границы* между миром и войной. Нельзя, как это было в XX веке, сказать, что «война началась 1 августа 1914 года или 22 июня 1941 года» с массированного применения военной силы. Военные действия — этап вооруженной борьбы (а до этого информационной, экономической и дипломатической войн), а не сама война, как было прежде. Признаки этой особенности в характере войн проявлялись и прежде. Например, в войне в Афганистане фактически против СССР принимали участие США. И не только поставками ВиВТ и финансированием, но

и подготовкой, обучением и тренировкой специалистов. «Переход» от фактического состояния войны к формально-правовому может происходить медленно, либо не произойти совсем (как в случае с СССР и КНР во время войны США во Вьетнаме). Однако в XXI веке это уже не означает, что военные действия отсутствуют: разрушения, гибель тысяч граждан, уничтожение инфраструктуры и т. д. — эти признаки вооруженной борьбы явно присутствуют.

2. Расширение спектра средств силового воздействия. Кроме традиционных ВиВТ все большее значение приобретают такие силовые средства, как применение ударных БЛА, использование частных армий, провоцирование межнациональных конфликтов и другие. К новым средствам силового воздействия, используемым наравне с ВиВТ, следует отнести кибероружие. Оно в XXI веке становится решающим видом оружия в войне и конфликте, формирующим новую парадигму вооруженной борьбы. Такое расширение спектра ВиВТ вызвано изменениями в глобальных политических целях войны.
3. Учитывая перенос центра тяжести в международной войне на ее цивилизационные и культурно-исторические особенности, следует отметить, что главной целью силовой (и, нередко, вооруженной) борьбы становится система национальных ценностей, история, образование и культура наций. Их дезинтеграция и дискредитация становится первоочередной целью силового про-

тиводействия. Так, вооруженному конфликту на Украине (а до этого в Сирии, Ливии, Югославии) предшествовали кампании по переписыванию истории, изменению системы национальных ценностей и приоритетов, в результате которой значительная часть граждан была «перевоспитана» в русофобском ключе. Надо сказать, что относительно России такая целенаправленная кампания ведется давно и настойчиво, т. е. фактически мы уже находимся на одной из первых фаз войны. Так, даже в оценке уровня современного развития России мнения ее граждан делятся примерно поровну⁵⁴.

Таким образом, тремя главными особенностями будущих международных войн и конфликтов являются особенности, кардинально расширяющие представления о характере войны:

- *по времени* (стираются границы начала, окончания, перехода из одной фазы в другую и т. д.);
- *по средствам ведения войны*, представление о которых расширяется от исключительно вооруженных (ВиВТ) до силовых;
- *области применения сил и средств силовой борьбы*, переносу ее в информационно-психологическую, культурную и образовательную области.

2.6. Существующие представления в России о будущих войнах

Военные действия будущего будут вестись по правилам и с помощью средств вооруженной борьбы наиболее развитой в технологическом плане страны.

... любые военные действия представляют собой систему сложно-подчиненных, взаимосвязанных между собой по цели, задачам, месту и времени действий всех их участников⁵⁵.

Ю. Балувеский, М. Хамзатов

В основу долгосрочного прогноза может быть положен вывод российских экспертов о том, что «военные действия в возможных войнах и вооруженных конфликтах будут вестись по законам и правилам той страны, которая в наибольшей степени подготовлена к реализации на практике самых передовых достижений в военной и технологических областях»⁵⁶.

Действительно, опыт последних войн доказывает, что именно наиболее развитая сторона, обладающая самыми современными ВиВТ, навязывает противнику те способы вооруженной борьбы, которые ей наиболее выгодны. «Отсталая», как правило, «обороняющаяся» сторона, так или иначе вынуждена приспосабливаться к новейшим средствам и способам ведения вооруженной борьбы. Некоторые случаи игнорирования этого правила, ставшие известными из опыта Афганистана, Югославии, Ливии или Украины, не меняют в целом вывода, который постулирует, что самой главной особенностью современной войны является то, что *ее характер определяет наиболее развитое в технологическом отношении государство*.

Этот неприятный для России и ее Вооруженных Сил вывод. Придется признать его как неизбежное признание того, что никакие про-

шлые победы и заслуги не гарантируют будущих, как многочисленные блестящие победы Ганнибала не гарантировали ему в конечном счете окончательной победы.

«Анализ современной геостратегической и военно-политической обстановки, результатов достижений в различных областях науки (прежде всего, военной науки) и технологий, способствовавших созданию новейших средств вооруженной борьбы, дает основание предвидеть изменения в содержании и характере войн и вооруженных конфликтов будущего»⁵⁷, — считают военные эксперты. «Прошедшие только в XXI веке войны и вооруженные конфликты являются разнообразными, отличаются по содержанию, составу участвующих государств, их продолжительности, формам и способам их ведения, т. е. имеют уникальные и неповторимые черты.

Авторы доклада убеждены: используя методы экстраполяции, экспертно-эвристических подходов, прогнозирования и моделирования возможных вариантов военных действий, а также учитывая закономерности развития средств вооруженной борьбы, их коррекцию новейшими открытиями военной науки и практики применения группировок войск (сил), можно представить

общие тенденции развития характера вооруженной борьбы в современных войнах. При этом необходимо помнить, что каждая война, порождая много нового, неизбежно сохраняет и что-то из того, что было в прежних военных столкновениях. Ни одна сверхсовременная война не может перечеркнуть весь прежний опыт»⁵⁸.

Очень точно и системно описал характер будущей войны С. Переслегин: «Сразу же отметим, что сегодня нельзя предсказать, будем ли мы иметь дело с одной большой „официальной“ войной или серией яростных коротких конфликтов, переходящих один в другой, затухающих и вновь вспыхивающих, причем все это происходит без объявления войны, без прекращения дипломатических, торговых и даже туристских отношений. Вторая версия более вероятна, но и десятилетнюю „Троянскую войну“ тоже со счетов сбрасывать нельзя.

Анализируя характер будущей войны, мы должны исходить, прежде всего, из задач, которые война должна решать. Война, как регулятор агрессивности, должна быть достаточно массовой, зрелищной, сюжетной и „человеческой“ в том смысле, что основную роль в ней должны играть люди, а не техника. И очень существенно, что война должна сопровождаться значительными, но не чрезмерными потерями. В этой связи приходится предположить, что оружие массового поражения *будет использоваться, но контролируется и ограничено*. Активно будет использоваться и пехота: характерные сцены предыдущих войн, включая штыковые атаки и уничтожение гранатами прорвавшихся танков, при всей их архаичности, будут воспроизводиться снова и снова.

Связь войны с глобальным проектированием обусловит размах войны (опять-таки, не будем пока гадать, будет ли этот размах „последовательным“ или же „параллельным“, то есть столкнемся ли мы с цепочкой взаимоувязанных конфликтов или с одной большой войной). Военные действия будут вестись на суше, в океанах, в воздухе, в околоземном космическом пространстве. Но, может быть, более важным является то, что война захватит символичный мир, пространства знаков, смыслов и брендов»⁵⁹.

«Нужно иметь в виду, что борьба глобальных проектов будет сопровождаться такой необычной, ранее встречающейся как редкое исключение, формой войны, как уничтожение господствующей онтологии противника, *самой*

основы его государственной, этнической, конфессиональной и личной идентификации. Сегодня мы не можем представить, к каким последствиям приведет такая война, но, во всяком случае, война онтологий будет гораздо более жестокой, нежели война идеологий.

Характер войны как *формы фазового кризиса* приведет к тому, что одним из значимых результатов войны будет разрушение *мировой транспортной инфраструктуры, включая структуру морских перевозок*. Поскольку связь также относится к современным инфраструктурам, можно ожидать использования сторонами электромагнитного оружия и иных средств разрушения связи противника. При этом, навигационные спутники и спутники связи, располагающиеся на геостационарных орбитах, по-видимому, не будут затронуты. Совершенно невозможно предсказать, насколько сильное воздействие будет оказано на интернет»⁶⁰.

«Следует также упомянуть широкое распространение террористических форм войны, в том числе — использование аналитико-террористических групп, состоящих из одноразовых легко заменяемых групп террористов-смертников и аналитического штаба, обеспечивающего стратегическое содержание террора. В примитивной форме, АТ-группы были, вероятно, применены в Беслане и „Норд-Осте“, есть все основания связывать с деятельностью подобных структур теракт 11 сентября 2001 года.

Современный этноцентрический характер мира (право народов на самоопределение значит больше, нежели право государства на обеспечение своей целостности) и нарастающее этническое перемешивание мира приведет к назойливому повторению случаев геноцида — вплоть до использования этнически избирательного оружия»⁶¹.

«Содержание войны, как формы этнической, экономической и популяционной деструкции, приведет к разрушению отдельных городов, причем, как это ни странно выглядит, наибольшие шансы подвергнуться уничтожению имеют перенаселенные города Третьего мира, такие как Дакка, Джакарта, Янгун (Рангун), затем городские промышленные центры. Нужно иметь в виду, что при достаточном уровне разрушения коммуникаций уничтожение городов может и „не понадобиться“.

Важной особенностью предстоящих войн станет эффект фазовой доминанции: вооружен-

ные силы, использующие постиндустриальные технологии (в организации войны, в подготовке войск, в управлении частями и соединениями, в создании новой боевой техники), получают абсолютное превосходство над классическими „индустриальными“ вооруженными силами. При этом нужно учитывать, что фазовая доминация требует наличия системно связанной совокупности постиндустриальных технологий — инсталляции в вооруженные силы соответствующего технологического пакета»⁶².

Новейшие технологические разработки США, которые планируется реализовать к 2020 году, прежде всего в военной космической области, получили свое развитие и финансирование с 1996 года, когда президент Билл Клинтон ввел в действие директиву PDD-NSC-49/NSTC-8. К основным целям военно-космической политики США можно отнести:

- расширение знаний о Земле, солнечной системе и Вселенной;
- поддержание и укрепление национальной безопасности Соединенных Штатов;
- повышение конкурентоспособности национальной экономики, расширение научных и технических возможностей;
- поощрение инвестиций отдельных штатов, направленных на использование ими космических средств и технологий;
- расширение международного сотрудничества для продвижения интересов США в сфере внутренней и внешней политики и обеспечения национальной безопасности.

Основное содержание космической стратегии США было изложено в концепции «Joint Vision-2020» — планом развития вооруженных сил США до 2020 года, разработанным Объединенным комитетом начальников штабов. Главная цель США — всеобъемлющее господство. В соответствии с этим они готовятся к проведению военных операций, в том числе крупномасштабных, во всех областях оперативной деятельности: в космосе, на море, на суше, в воздухе, а также в информационном пространстве, — подчеркивает Р. Кошкин. — Тем самым американское военное руководство констатирует свое намерение добиваться не абстрактного «лидерства в сфере космической деятельности», а вполне конкретного военного господства и в космосе».

«Американцами предполагается задействовать значительные гражданские (НАСА, НОАА,

ФАА) и коммерческие космические компоненты в военной области. Для того, чтобы добиться необходимых преимуществ в космосе, еще в 2002 году был разработан план Космического командования США на период до 2020 года, в котором были названы четыре ключевые цели:

1. Обеспечить контроль над космосом. В интересах этого предполагается создать сеть, обеспечивающую возможность контролировать запуски, осуществлять предупреждение об атаках на спутники, собирать информацию научного и разведывательного характера.
2. Создать глобальную защиту. Предполагает: всеобъемлющее наблюдение за космическим пространством; создание системы противоракетной обороны; обеспечение поддержки из космоса наземных сил.
3. Объединить все силы. Существующая система спутников и наземных станций должна обеспечивать в любое время суток и при любых погодных условиях трехмерную информацию о позиционировании объектов и целей, а также временные характеристики для наземных сил, сил воздушного и морского базирования. Кроме того, эта информация может быть использована как в гражданских, так и в коммерческих целях.
4. Обеспечить глобальное партнерство. США предусматривает обмен информацией космических служб союзнических государств, в целях обеспечения максимальной согласованности действий и достижения наилучшего результата по противодействию общим вызовам и угрозам»⁶³.

Военное положение России

«Россия обладает огромной территорией и значительными запасами ресурсов, в том числе энергетических, при низком потенциале использования этих ресурсов и недостаточностью их охраны. Положение страны дополнительно осложняет демографическая проблема — нехватка населения для контроля территории и ресурсов (причем численность титульного населения неуклонно снижается). После распада СССР Россия не имеет союзников. Бывшие державы социалистического лагеря в массе своей враждебны РФ, то же самое относится и к значительной части бывших союзных республик. Попытки найти военное и политическое взаимопонимание с Китаем, Индией и странами ислама пока

не вылились в создание сколько-нибудь устойчивого военно-политического блока»⁶⁴.

«В условиях, например, когда господствовали идеи кровопролитных сражений, прямых военных столкновений, насилие сводилось к одной его форме — вооруженной борьбе. Считалось, что именно она является признаком, главной формой войны, что война начинается и заканчивается военными действиями. Характер войны всегда рассматривался и рассматривается как совокупность характерных черт, свойств и особенностей, подробно раскрывающих ее социально-политическую и стратегическую стороны, а характер же вооруженной борьбы — как совокупность определяющих черт, свойств и особенностей, подробно раскрывающих содержание вооруженной борьбы как основной составляющей войны.

Социально-политическая сущность:

- отношение международных органов (систем) коллективной безопасности, государств к войне и использование ими форм вооруженной борьбы (политической, экономической, дипломатической, информационной, психологической и др.) в целях предотвращения войны;
- социально-политические и экономические противоречия, которые могут привести к возникновению войны;
- расстановка (состав) политических сил сторон (противники, союзники, нейтралы), условия превращения нейтральных государств в союзников;
- политические цели войны;
- возможность создания коалиционных группировок войск (сил).

Стратегическое содержание:

- стратегические цели и задачи вооруженных сил в войне;
- возможные условия и способы развязывания военных действий;
- применяемое оружие (обычное, высокоточное, ядерное);
- размах военных действий (масштаб, напряженность, интенсивность, продолжительность);
- способы и формы военных действий;
- возможная периодизация войны и содержание основных ее периодов;
- особенности военных действий;
- последствия военных действий, в том числе применения ядерного оружия;
- порядок прекращения войны.

Любую войну отличает не форма насилия, а основные ее признаки: бескомпромиссная борьба с применением средств насилия в течение определенного времени, победа одной из сторон и поражение другой. Что касается форм насилия, то на войне применяются не обязательно все известные формы применения вооруженных сил. Выиграть войну, добиться конечных целей, желаемых результатов можно и лучше всего, не применяя военных действий. Еще в пятом веке до н. э. китайский военный теоретик Сунь-Цзы утверждал, что самая лучшая война — разбить замыслы противника, затем — разбить его союзы и только потом — разбить его армию. Поскольку цель войны — получение выгоды, то ради этого надо сделать все, чтобы овладеть страной и армией противника, не разрушая их.

В наступившем XXI веке, наряду с войнами и вооруженными конфликтами в традиционном понимании их сути, появятся новые формы противоборства сторон — так называемые нетрадиционные войны (невоенные формы вооруженной борьбы), в которых силовые действия либо не будут вестись вообще, либо не будут иметь определяющего значения»⁶⁵.

Нетрадиционные войны

«Во многих экономически подготовленных странах значение и удельный вес невоенных форм борьбы, организационные и технические возможности их эффективного осуществления резко возросли. Еще Клаузевиц считал, что основным системообразующим фактором всякой войны является ее цель — вынудить противника к подписанию любого мира на условиях победителя. К этой цели ведут два пути (способа): политическое уничтожение противника и лишение его возможности сопротивляться. Следовательно, достижение основной цели войны, по мнению Клаузевица, вооруженным путем приемлемо, но лишь в случае политического уничтожения или предварительного ослабления противника до состояния, когда он не сможет оказать сколько-нибудь заметного сопротивления.

Ослабление страны объекта современной агрессии (да и на длительную перспективу) возможно всесторонним внутренним ослаблением государства, в том числе информационным, психологическим, морально-нравственным, климатическим, организационным воздействием, созданием и стимулированием оппозиции де-

структивной направленности, тайным разжиганием и подогреванием национальной розни и межнациональных конфликтов.

Кроме того, ослабление страны-объекта агрессии возможно ослаблением его внешних позиций как субъекта международных отношений в политическом, экономическом, правовом, информационном и др. отношениях (например, опутывание государства финансовыми долгами, высасывающими все ресурсы, что блокирует возможность его развития; окружение государства своими странами-сателлитами для манипулирования его внешними связями, создания плацдармов для нападения и исключения какой-либо помощи ему извне в случае агрессии (это было выполнено непосредственно перед агрессией в Югославию); военным и экономическим шпионажем, разведывательно-подрывными действиями).

Опыт проведенных в последнее десятилетие вооруженных конфликтов дает основание утверждать, что в процессе противоборства враждующих сторон наблюдается все более широкое применение оружия, созданного на основе „искусственного интеллекта“, нанотехнологий, а также роботизированных комплексов оружия на новых физических принципах. Видимо, следует ожидать, что возможности такого оружия в XXI веке будут неуклонно повышаться, и, в перспективе, их массированное применение (2020–2030 гг.) позволит добиваться результатов, сопоставимых с показателями боевой эффективности ядерного оружия»⁶⁶.

Появление и достаточно широкое распространение новых средств борьбы: информационного и психотропного, биологического и генетического, климатического и других несиловых средств вооруженной борьбы (нетрадиционное оружие) вызвало к жизни и новые формы борьбы. Некоторые несиловые виды нетрадиционного оружия стали настолько эффективными, что с успехом применялись в современных военных конфликтах (операция «Буря в пустыне» 1990–1991 гг. в ходе войны в зоне Персидского залива).

Диалектическое развитие происходящих современных процессов вооруженной борьбы позволяет утверждать, что все большее значение в войнах XXI века будет придаваться информационной составляющей противоборства. Это связано с оснащением войск системами вооружения, основанными на широком использовании информационных технологий, а также

быстродействующими системами разведки, связи, автоматизированного управления войсками и оружием, радиоэлектронной борьбы и др.

Перспективы развития этих средств таковы, что они будут использоваться самостоятельно и в перспективе. Неслучайно американцы занялись разработкой стратегии их применения в XXI веке, отработывают сценарии ведения информационных и психологических войн, осуществляют создание соответствующих организационных структур и подготовку кадров для их применения. К числу несиловых видов нетрадиционного оружия относится и климатическое оружие, которое будет в перспективе применяться для провоцирования ливней, образования наводнений и затоплений территории противника, затрудняющих передвижения войск, их тяжелой техники и местного населения, рассеивание облаков в районе бомбометания для обеспечения прицеливания по точечным целям. В перспективе данное оружие станет ведущим при осуществлении широкомасштабных войн за плодородные территории.

Невоенные формы борьбы, особенно информационное, психологическое и климатическое воздействие, в перспективе будут существенно влиять и на характер вооруженной борьбы. Однако главную специфику войны будущего будут составлять применение вооруженной силы, насильственные действия. А политико-дипломатические, экономические и другие средства и способы воздействия на противоборствующую сторону решающее значение будут иметь в деле предотвращения войн и вооруженных конфликтов будущего.

Будущие войны в решающей мере будут зависеть от того, как и в каком направлении в XXI веке будут развиваться события мирного времени (политические, экономические, военно-технические, научные и другие) в данной стране, геополитическом регионе. Без глубоких представлений о характере взаимосвязи между миром и войной конкретно в XXI веке обоснованный прогноз будущих войн невозможен.

О характере, видах и формах ведения войн и конфликтах будущего

Опыт войн и вооруженных конфликтов, проведенных США и их союзниками в последние годы, дает основание предвидеть, базируясь на выше изложенный методологический подход, изменения в содержании классификации войн

будущего. В перспективе в XXI веке возможны различные по масштабам и содержанию войны. По типам их можно подразделить на традиционные (с применением силовых действий вооруженных сил) и нетрадиционные (без применения силовых действий), по видам — на вооруженные конфликты, локальные и региональные войны.

Исторический опыт свидетельствует, что формы и способы вооруженной борьбы периодически изменяются. Выяснение причин и основных тенденций этих изменений имеет большое значение, так как позволяет предвидеть противостоящих противников, масштаб и размах войны, формы и способы ведения вооруженной борьбы в будущей войне, ее возможную продолжительность и ожидаемые последствия. Формы применения вооруженных сил, способы стратегических и оперативно-тактических действий будут зависеть от масштаба войн и вооруженных конфликтов.

При прогнозировании содержания и характера войн будущего необходимо, прежде всего, выяснить — к какой войне надо готовиться, ибо только на основе правильного прогнозирования характера вооруженной борьбы, ее масштаба и способа ведения можно обоснованно определить, какие вооруженные силы и другие войска для этого нужны. Чтобы разобраться с характером и содержанием вооруженной борьбы будущего, видимо, целесообразно рассматривать ее в вооруженных конфликтах, локальных и региональных войнах отдельно.

В обозримой перспективе становятся маловероятными не только мировая война, но и крупномасштабная агрессия против России. Однако следует ожидать, что в ближайшей перспективе останется лишь одна разновидность войн — обычные войны на театре военных действий (ТВД). Не будет перспектив и у всеобщей обычной войны. Крупномасштабные (на нескольких ТВД) войны не предвидятся:

- с одной стороны, из-за сдерживающего фактора ядерного оружия (катастрофических последствий его применения);
- с другой стороны, уже найдены новые формы и способы достижения политических и стратегических целей агрессивных намерений — развязывание локальных войн и вооруженных конфликтов, политического, экономического, информационного и психологического давления и специальных операций (диверсионных подрывных действий)⁶⁷.

Несмотря на наличие в ряде стран ядерных вооружений, уйдет в прошлое и всеобщая ядерная война (опыт Хиросимы и Нагасаки достаточно впечатляющий). На катастрофические последствия применения ядерного оружия в современных условиях вряд ли кто-либо решится. При этом следует особо подчеркнуть, что войны и вооруженные конфликты будущего с большой долей вероятности будут вестись только с применением обычного, главным образом высокоточного, оружия, но при постоянной угрозе применения ядерного оружия.

Для России, при крайне неблагоприятном соотношении сил и средств на всех стратегических направлениях, ядерное оружие на долгосрочную перспективу (до 2020–2030 гг.) останется важнейшим, наиболее надежным средством стратегического сдерживания любой агрессии и обеспечения своей оборонной безопасности. В условиях глобализации мировых процессов, огромного экономического превосходства ведущих держав и сильной экономической финансовой зависимости от них большинства других государств возникает объективная возможность с непокорными странами расправляться с помощью локальных войн и вооруженных конфликтов, а также с применением несиловых мероприятий (политического, экономического, информационного и психологического давления и специальных операций)⁶⁸.

В перспективе, учитывая прогноз содержания войн и вооруженных конфликтов будущего, следует ожидать, что важнейшей формой стратегического применения вооруженных сил будет стратегическое сдерживание. Понятие «стратегическое сдерживание» предполагает согласованное и целеустремленное осуществление всех мероприятий (разведка, контрразведка, наращивание при необходимости степеней боевой готовности стратегических и обычных сил, развитие вооружений, подготовка ТВД и населения и многих других мер) таким образом, чтобы они:

- надежно сдерживали угрозы при минимально необходимой оборонной достаточности;
 - не провоцировали их.
- Видимо, для решения этих задач органам военного управления стратегического масштаба целесообразно заблаговременно планировать и осуществлять комплекс мер по стратегическому сдерживанию. Опыт современных локальных войн и вооруженных конфликтов, проведенных в XXI веке, показывает, что, независимо от их

масштаба и характера, всем им предшествовали угрожаемые периоды. Вне всякого сомнения, и в войнах, и в вооруженных конфликтах будущего они будут присутствовать. Именно современные войны и вооруженные конфликты дают основание утверждать, что только в угрожаемый период будет осуществляться стратегическое развертывание вооруженных сил и других войск — частичное или крупномасштабное в зависимости от масштабов и характера предстоящего военного столкновения.

Особенность стратегического развертывания в войнах будущего будет состоять в том, что все мероприятия по перегруппировке и мобилизационному развертыванию войск (сил) должны осуществляться до начала силовой акции военной агрессии нападавшей стороны. Кроме того, эти мероприятия должны будут проводиться во многом по-новому. Прежде всего, значительно возрастет аэромобильность войск, появятся более совершенные морские, авиационные средства переброски, во многом увеличатся скорости передвижения войск и возможности их более скрытого осуществления даже при наличии у противника космической разведки⁶⁹.

С большой долей вероятности можно предполагать, что в целях достижения внезапности действий стратегическое развертывание может осуществляться под прикрытием упреждающих воздушных операций. С этой целью могут привлекаться некоторые дальнобойные комплексы высокоточного оружия, имеющие возможности без перегруппировки и приближения к району боевых действий наносить удары по противнику непосредственно из мест базирования.

Анализируя содержание и характер вооруженной борьбы в локальных войнах и вооруженных конфликтах последнего десятилетия, можно с большой долей вероятности предположить, что содержание конкретных военных событий вооруженной борьбы будущего будет тесно взаимосвязано с другими, подчиненными ей видами противоборства: экономическими, информационными, психологическими, климатическими, научно-техническими, дипломатическими и идеологическими. Скорее всего, войны будущего будут состоять из начальных и заключительных периодов⁷⁰.

Предполагаемый сценарий войны будущего

Начальный период войны будущего будет основным и решающим периодом. Его особен-

ность будет состоять в том, что именно в ходе этого периода развернется основная борьба за достижения военно-политических целей противоборствующих сторон в военной кампании. Особое значение в этот период приобретет борьба за господство в воздушно-космическом и информационном пространстве, противодействие дальнобойным высокоточным средствам противника.

Основное содержание этой борьбы составит воздушно-космическая операция и систематические действия авиации со всех направлений и практически на всю глубину страны, подвергшейся нападению. Прежде всего, особенностью начального периода войны будущего будет являться то, что нападающая сторона ракетно-авиационными ударами исключит возможность обороняющейся стороне проводить такие мероприятия, как мобилизацию, перегруппировку и развертывание войск на театрах военных действий для создания стратегических группировок войск, их выдвижения на исходные рубежи для выполнения важнейших боевых задач по отражению агрессии⁷¹.

В ходе начального периода этой войны должны быть уничтожены основные военно-государственные пункты управления, большинство объектов военно-промышленного комплекса и нарушена вся система управления страной и ее вооруженными силами. Неуправляемость государственной системы, деморализация населения подвергшейся нападению страны, разрушение и вывод из строя основных ее объектов военно-промышленного комплекса не предоставит возможности провести мероприятия по коренной перестройке экономики на обеспечение нужд войны. Все эти факторы будут способствовать достижению нападавшей стороне военно-политических целей войны в кратчайшие сроки.

На начальной фазе военных действий, как правило, будут наноситься массированные удары авиации и военно-морских сил с целью вывести из строя основные экономические объекты, энергетику и сломить волю противника к сопротивлению. Вслед за огневыми и радиоэлектронными ударами, наносимыми по всей глубине расположения противника, будут высаживаться воздушные десанты, развернут свои действия спецподразделения. Сухопутная группировка войск будет вводиться в сражения только на заключительном этапе войны (конфликта) после надежного подавления (уничтожения) основных

огневых средств и важнейших объектов противника с тем, чтобы максимально ограничить потери в людях и технике. Эта группировка будет осуществлять широкие рейдовые действия, избегая фронтальных атак, стремясь выйти во фланги и в тыл неприятеля для завершения разгрома противника, закрепления достигнутого военного успеха и непосредственного обеспечения достижения политических целей⁷².

В перспективе в содержании и характере войн и конфликтов будущего следует ожидать, что усилятся взаимозависимость и взаимовлияние действий стратегического, оперативного и тактического уровней. Основные задачи будут решаться путем огневого поражения с предельных дальностей. Большую роль будет иметь фактор ядерного сдерживания, особенно применительно к сдерживанию угроз, связанных с применением противником обычных вооружений. Надо будет учитывать и то, что оно в перспективе может быть осуществлено эффективно только при наличии высокооснащенных и боеготовых сил общего назначения. В этих условиях угроза применения ядерного оружия в ответ на нападение с использованием обычных вооружений будет выглядеть убедительно.

Особенность вооруженной борьбы будущего будет состоять в том, что в ходе войны или вооруженного конфликта под ударами противника окажутся не только военные объекты и войска, но одновременно и экономика страны со всей ее инфраструктурой, гражданское население и территория. Особенно следует ожидать значительных жертв среди мирного населения.

Для России особенность войны будущего будет состоять в том, что военные действия не будут ограничиваться воздушно-космическими операциями. Следует ожидать возможного сохранения своего значения совместных как наступательных, так и оборонительных операций Сухопутных войск во взаимодействии с ВВС и ВМФ.

В связи с этим можно уверенно утверждать, что военная сила в обозримой перспективе сохранит за собой весомую роль в достижении политических целей наиболее развитых в экономическом отношении государств и блоков. При этом диапазон условий применения данными странами военной силы будет существенно расширяться⁷³.

Современная действительность доказывает безотлагательную необходимость заблаговре-

менной готовности государства к войне. Начало XXI века знаменуется изменением характера и направленности военных угроз для России, способов их парирования, систем обороны и вооружений. Россия все еще недостаточно сильна, чтобы прямо и непосредственно противостоять США или НАТО, возможности ее ядерных сил со временем только сокращаются, потенциал обычных средств борьбы, в сравнении с аналогичными возможностями США, несравнимо низок, тенденции к сокращению этого разрыва не очевидны.

В связи с этим целесообразно вспомнить, что еще в 80-х годах XIX века, вскоре после окончания русско-турецкой войны (1877–1878 гг.), начальник Главного штаба генерал Н. Н. Обручев писал в служебной записке императору: «Если Россия бедна и слаба, если она намного отстала от Европы, то это прежде всего потому, что очень часто она неправильно решала самые коренные политические вопросы: где следует и где не следует ей жертвовать своим достоинством. Если идти прежним путем, можно вконец погибнуть и быстро завершить свой цикл великой Державы: с застоём внутри и непомерным внешним развитием».

Несомненно, с учетом изменений в геополитической обстановке, произошедших за последние более чем 100 лет, слова генерала Н. Н. Обручева не потеряли своей актуальности и в наши дни.

В последние годы военно-политическое руководство Российской Федерации стало серьезно заниматься проблемами военной безопасности страны. Однако цена, которой удалось утихомирить грузинских агрессоров, весьма настораживает. С российской стороны явно просматривались недостатки, касающиеся оснащения группировки войск (сил), действующей в районе боевых действий, новыми средствами разведки, вооружения и военной техники, ее боеготовности и боеспособности в целом.

Не случайно на совещании (в октябре 2008 г.) с руководящим составом ВС РФ в Оренбурге обсуждались вопросы перевооружения армии и боевого состава ВС РФ до 2020 года. При этом Президент России Д. Медведев особо подчеркнул: «...Мы должны добиваться превосходства в воздухе, в нанесении высокоточных ударов по наземным и морским целям, в оперативной переброске войск. Запланировано серийное строительство боевых кораблей,

в первую очередь атомных подводных крейсеров с крылатыми ракетами и многоцелевых подводных лодок».

Безусловно, события на Кавказе подтолкнули к более быстрой модернизации Вооруженных Сил. Однако и без российско-грузинского конфликта движение в этом направлении было бы продолжено, хотя и более медленными темпами. Обострившиеся межгосударственные отношения России целесообразно будет решать с использованием всех мер силового сдерживания. Авторы в своих публикациях неоднократно высказывались о необходимости их использования. В будущем силовое сдерживание в войнах и вооруженных конфликтах будет осуществляться методом демонстрации силы в самых различных

формах, чтобы потенциальный агрессор понял, что его издержки в случае нападения будут выше ожидаемых результатов.

Таким образом, главная особенность содержания вооруженной борьбы в войнах и вооруженных конфликтах XXI века состоит в том, что новые формы военных действий можно охарактеризовать как объемные, охватывающие все сферы вооруженной борьбы (суша, море, воздух, космос), где электронное, экономическое, психологическое, информационное и силовое воздействия будут осуществляться с нарастающей интенсивностью во времени и пространстве, что позволит добиться решительных результатов в кратчайшие сроки лишая противника инициативы и свободы маневра⁷⁴.

2.7. Возможные особенности будущего характера международных войн и внешних конфликтов

Центральным звеном в системе стратегического управления на государственном и корпоративном уровнях являются долгосрочные прогнозы⁷⁵.

*Б. Кузык, В. Кушлин, Ю. Яковец,
эксперты*

Основная ошибка многих современных отечественных и зарубежных авторов заключается в том, что война ими не рассматривается как сложное социальное явление, затрагивающее все сферы деятельности людей, вовлеченных в вооруженный конфликт. В зависимости от того, в какой области военного (порой и не военного) искусства специализируется автор, решающим фактором, влияющим на ход и исход всей войны, признаются действия «родного» ему вида (рода) войск, военных или невоенных формирований⁷⁶.

*Ю. Балувеский, М. Хамзатов,
военные эксперты*

Определение даже самых общих особенностей будущего характера международных войн и конфликтов не только крайне трудная, практически нерешаемая задача, но, одновременно, и проблема, требующая, так или иначе своего решения. Более того, попытки ее решения всегда были и, конечно же, будут просто потому, что, принимая решения о разработке и создании новых ВиВТ, мы неизбежно программируем свою деятельность на десятилетия вперед и так или иначе предполагаем, на какие угрозы и вызовы она направлена. Иными словами, субъективно, интуитивно, но решения о разработке и создании ВиВТ, рассчитанные на 30–40 лет, неизбежно учитывают основные особенности будущих международных войн и конфликтов.

В этой связи обращают на себя внимание некоторые оценки российских ученых, сделан-

ные в последние годы. Военные специалисты столкнулись при решении задач управления войсками и оружием в новых условиях оперативной обстановки с целым рядом проблем и противоречий, основными из которых являются:

- наличие неполной, а иногда и неточной информации о противнике и зачастую о своих войсках и необходимость немедленного принятия решения, которое бы обеспечивало выполнение поставленной задачи в кратчайшие сроки и с минимально допустимыми потерями;
- большие объемы получаемой и передаваемой информации на всех уровнях управления и низкая пропускная способность иерархических «стволовых» систем автоматизации управления и связи;

- необходимость жесткой централизации управления войсками и оружием (особенно ВТО большой дальности и разрушительной силы) и потребность, в то же время, предоставления подчинённым командирам наибольшей инициативы на местах (концепция «власть на край»);
- краткость формы приказа (боевого распоряжения) для его оперативного доведения до подчинённых сил и его содержание, которое должно точно отражать всю сложность обстановки и ясность боевых задач;
- определение приоритетности в выборе целей, а также средств и способов их поражения.

Таким образом, качественные и количественные изменения вооружения и военной техники для ведения обычной войны, средств разведки и наблюдения за противником, совершенствование средств автоматизации управления, связи и передачи данных, бурное развитие информационных технологий, в конце концов, привели на рубеже веков к осознанию необходимости изменения форм и методов управления вооружённой борьбой.

При этом в ходе войн малой интенсивности и вооружённых конфликтов возникла необходимость рационального использования боевой мощи разного типа боевых платформ с обычным оружием, раскрытия всех их потенциальных возможностей. Наличие большого количества разнообразной информации о противнике и своих силах и средствах на разных уровнях также потребовало дальнейшего развития систем и средств сбора и хранения информации, её анализа, оценки и моделирования развития обстановки, подготовки руководству вариантов решений. Кроме того, для эффективного управления имеющимися силами и средствами потребовалась интеграция имеющихся разнородных АСУ войсками и оружием в единую систему управления и связи.

Успех в сражении уже должен был решаться не одним видом оружия: победа достигалась при слаженном взаимодействии всех видов и родов войск — флота, авиации, ракет средней и меньшей дальности, артиллерии, танков и пехоты. Тем самым, от действия различных боевых платформ на поле боя достигался своеобразный синергетический эффект. Впервые идеи об объединении усилий средств разведки, автоматизации управления и огневого поражения для достижения поставленной цели были высказаны

Маршалом Советского Союза Н. В. Огарковым в середине 80-х годов XX века. Однако лишь в конце 1990-х годов идея объединения всех трех компонент — средств разведки и наблюдения, боевых платформ, средств автоматизации управления и связи в единую систему начала обретать свои очертания в вооружённых силах США. Ядром такой системы, новым «центром силы» стала телекоммуникационная сеть обмена данными, фактически образующая для потребителей единое информационное пространство, доступ к информации в котором регламентируется соответствующими полномочиями.

Необходимость максимального использования возможностей всех имеющихся средств разведки и боевых платформ привела к переходу от «платформенной» модели управления войсками и оружием к «сетевой», в итоге получившей наименование Network Centric Warfare (NCW) — то есть «сетевой способ ведения войны»⁷⁷. «Сетевая» война может охватывать все уровни управления, а принципы ее ведения не зависят от географического региона, боевых задач, состава и структуры вооружённых сил. Сами же вооружённые силы в этом случае представляют собой разветвлённую сеть хорошо информированных, но географически распределённых сил.

При применении концепции «сетевой войны» информация будет поступать не от отдельных «платформ» (боевой техники, средств разведки, наблюдательных постов, групп разведки, вертолетов, авиации, космических аппаратов и др.), а из информационной сферы, тесно связанной с двумя другими сферами (физической и когнитивной), создающими вместе сферой «сетевой войны». При этом физическая сфера — это «место развития ситуации, на которую оказывается военное влияние». В ней (на суше, воде, в воздухе и космосе) разворачиваются военные действия и действуют «физические платформы», соединённые «коммуникационными» сетями.

Когнитивная (рационально-ментальная) сфера складывается в умах участников конфликта и характеризуется такими понятиями, как представление, осознание, понимание, убеждение, ценности, а также процесс принятия решений. К этой же сфере относятся: лидерство, моральное состояние, сплоченность, уровень подготовки и боевого опыта, общественное мнение

ние, мыслительные процессы командиров, способности принятия решений, интеллект и эрудиция.

Под информационной сферой понимается сфера, в которой происходит обмен информацией, передача решений командира, осуществляется контроль и управление войсками. В ней формируются и накапливаются знания, представления о физической сфере; она отражает ее в виртуальной реальности. В борьбе за информационное превосходство она является „основополагающим плацдармом“. „Скорость командования является процессом, при котором позиция информационного превосходства превращается в конкурентное преимущество“. При этом разработчики этой теории считают, что информационное превосходство характеризует состояние информационной сферы, когда одна из сторон получает „превосходящие информационные позиции“.

В качестве модели боевых действий, иллюстрирующей процесс достижения в ходе „сетцентрической войны“ информационного превосходства над противником, за рубежом широко используют понятие „цикл управления“. В последнее время в качестве такого цикла используется основной элемент теории, разработанной полковником ВВС США Джоном Бойдом и его последователями — так называемая петля OODA (Observe (наблюдай) — Orient (ориентируйся) — Decide (решай) — Act (действуй)).

В русском переводе петля OODA или цикл Бойда соответственно имеет аббревиатуру НОРД (наблюдение — ориентация — решение — действие). Указанная модель предполагает многократное повторение петли НОРД в процессе боевых действий, которые, как правило, развиваются по спирали и на каждом этапе этой спирали осуществляется взаимодействие с внешней средой и воздействие на противника.

Модель обычно относят к разряду кибернетических, так как в ней реализуется принцип „обратной связи“, в соответствии с которым часть выхода из системы снова подаётся на её вход, чтобы уточнить, а если потребуется, и скорректировать развитие системы на последующих этапах»⁷⁸.

В самом общем виде «сетцентрическая» война предусматривает следующие четыре основные фазы ведения боевых действий⁷⁹:

1. Достижение информационного превосходства посредством опережающего уничтожения (вывода из строя, подавления) системы разведывательно-информационного обес-

печения противника (сенсоров, сетевых узлов, центров обработки информации и управления).

2. Завоевание превосходства (господства) в воздухе за счет подавления (уничтожения) системы ПВО противника на ТВД.
3. Последовательное уничтожение (в англоязычных источниках — так называемая «цепь убийств» (kill chain) оставшихся без управления и информации средств поражения противника, в первую очередь ракетных комплексов, авиации, реактивной и ствольной артиллерии, бронетехники.
4. Окончательное подавление или уничтожение очагов сопротивления противника.

На основании анализа наиболее общих черт конфликтов конца XX — начала XXI веков можно сделать также следующие выводы относительно других будущих международных военно-политических особенностей вооруженной борьбы на современном этапе и в обозримой перспективе:

- *во-первых*, вооруженные силы подтверждают свою центральную роль в осуществлении силовых операций, однако эта (центральная) роль еще больше смещается от военной формы к политической — обеспечению эффективности применения полувоенных, военизированных формирований, ополчений, подразделений сил внутренней безопасности. Пока, к сожалению, это положение нередко не признается. Считается по-прежнему, что роль нерегулярных вооруженных формирований «оказывается существенно меньше, чем предполагалось до начала вооруженных конфликтов». Очевидно (особенно после событий в Ливии, Сирии и на Украине), что от этого положения необходимо отказываться;
- *во-вторых*, по-прежнему считается, что решающим моментом для достижения военно-политического успеха является захват стратегической инициативы в ходе вооруженного конфликта. «Пассивное ведение боевых действий в расчете на «выдыхание» наступательного порыва противника приведет к утрате управляемости собственной группировки и впоследствии — к проигрышу конфликта». Это положение военной науки также стремительно меняется. Стратегическая инициатива перестала иметь свое решающее значение потому, что в большей

степени воюют не государства, а нации, цивилизации и общества;

— *в-третьих*, важной особенностью становится участие в войне уж не только государств и армий, но и всех наций, обществ, социальных слоев. Это принципиально меняет приоритетность наиболее важных объектов и целей, когда собственно ВС теряют свою высшую приоритетность, уступая ее:

- а) центрам политического и административного руководства;
- б) СМИ;
- в) объектам инфраструктуры.

Особенность вооруженной борьбы будущего будет состоять в том, что в ходе войны под ударами противника окажутся не только военные объекты и войска, но одновременно и экономика страны со всей ее инфраструктурой, гражданское население и территория. Несмотря на развитие точности средств поражения, все исследованные вооруженные конфликты последнего времени были в той или иной степени гуманитарно «грязными» и повлекли за собой значительные жертвы среди мирного населения. В связи с этим возникает не только необходимость в высокоорганизованной и эффективной системе гражданской обороны страны⁸⁰, но и в способах организации вооруженной борьбы со стороны этого населения;

— *в-четвертых*, коренным образом меняются представления о победе в войне или конфликте. Если прежде под победой подразумевалось не только военное, но и политическое поражение в войне, то сегодня это, прежде всего навязывание своей воли, системы ценностей, норм поведения. Если поверженное правительство выполняет чужую волю, то тогда не требуется ни оккупаций, ни разгрома ВС, ни даже смены политической, социальной или экономической систем. Критерии военной победы в вооруженных конфликтах, таким образом, будут различными, однако, в целом, очевидно, что главное значение имеет решение цивилизационно-политических задач в вооруженном конфликте, тогда как военно-политические и оперативно-тактические задачи носят преимущественно вспомогательный характер. Ни в одном из рассмотренных конфликтов победившая сторона не смогла нанести противнику запланированный военный ущерб. Но, тем не менее, смогла достичь политических целей

конфликта. Несмотря на повышение роли развернутых к моменту угрожаемого периода группировок сил и средств, значительную роль в исходе вооруженного конфликта будет играть наличие боеготового резерва и системы его отмобилизования и развертывания. Это даст возможность сохранять стратегический ресурс силового реагирования при любом развитии ситуации в ходе вооруженного конфликта;

— *в-пятых*, боевые действия будут характеризоваться сочетанием особенно высокоманевренных операций. Разведывательно-диверсионные действия и партизанская война рассматриваются как составная часть «обычной» войны. Это подтверждает необходимость сбалансированного состава сил и средств вооруженных сил, а также комплексной боевой подготовки⁸¹. Ключевым условием победы практически во всех конфликтах стал подрыв морального духа войск и стимулирование брожений в офицерском корпусе. Существенную роль в вооруженных конфликтах конца XX — начала XXI века будет играть соотношение уровней морально-психологической устойчивости сторон и в особенности, — высшего командного состава. Это означает необходимость укрепления воинской дисциплины, законности, создания подлинно эффективной системы морально-психологической подготовки вооруженных сил от солдата до генерала, а также повышения эффективности деятельности органов военной контрразведки. Большое значение для исхода вооруженных конфликтов будет иметь наличие инструментов ведения информационной и пропагандистской работы среди войск и населения противника⁸².

По справедливому мнению П. Колесниченко, «военные конфликты обусловлены объективными противоречиями в жизненно важных интересах различных государств или различных социально-политических группировок внутри этих государств, стремлением некоторых из них к доминированию над другими и неспособностью или нежеланием их политических лидеров разрешить эти противоречия невоенными средствами. К характерным особенностям современных войн сегодня можно отнести:

— применение различных форм и методов боевых действий, в том числе и нетрадиционных;

Наиболее значимые войны и вооруженные конфликты

Годы	Противники	Численность войск враждующих сторон
1973	Египет, Сирия — Израиль	400000–245000
1982	Великобритания — Аргентина	8000–11000
1991	Ирак — США, силы коалиции	545000–410000
1996	Индия — Пакистан	1175000–590000
1999	Югославия — США, НАТО	110000–40000
2002	Афганистан — США, силы коалиции	12000–40000
2003	Ирак — США, силы коалиции	450000–400000

- сочетание военных действий (проводимых в соответствии с правилами военной науки) с партизанскими и террористическими действиями;
- широкое использование криминальных формирований;
- скоротечность военных действий (30–60 суток);
- избирательность поражения объектов;
- повышение роли дальних дистанционных боев с применением высокоточных радиоуправляемых средств;
- нанесение точечных ударов по ключевым объектам (критическим элементам объектов экономики);
- сочетание мощного политико-дипломатического, информационного, психологического и экономического воздействия.

Говоря о факторе ядерного сдерживания, особенно применительно к сдерживанию угроз связанных с применением противником обычных вооружений, нужно учитывать и то, что оно в современных условиях может быть осуществлено эффективно только при наличии высокооснащенных и боеготовых сил общего назначения. Только в этом случае угроза применения ядерного оружия в ответ на нападение с использованием обычных вооружений будет выглядеть убедительно.

Огромное, решающее значение будет иметь количество и качество накопленного человеческого капитала и его институтов. Следует отметить, что войны и вооруженные конфликты будущего будут порождаться не одним каким-либо даже очень весомым фактором, а сложным переплетением различных социально-политических, экономических, национальных и религиозных противоречий и причин, которые следует учи-

тывать при раскрытии стратегического содержания вооруженной борьбы будущего.

Главной особенностью конфликтов нового исторического периода оказалось то, что произошло перераспределение роли различных сфер в вооруженном противоборстве: ход и исход вооруженной борьбы в целом будет определяться главным образом противоборством в воздушно-космической сфере и на море, а сухопутные группировки закрепят достигнутый военный успех и непосредственно обеспечат достижение политических целей.

На этом фоне выявилось усиление взаимозависимости и взаимовлияния действий стратегического, оперативного и тактического уровней в вооруженной борьбе. Фактически это говорит о том, что прежняя концепция обычных войн, как ограниченных, так и широкомасштабных, претерпевает значительные изменения. Даже локальные конфликты могут вестись на относительно больших площадях с самыми решительными целями. При этом основные задачи будут решаться не в ходе столкновения передовых частей, а путем огневого поражения с предельных дальностей.

П. Колесниченко полагает, что виды вооруженных конфликтов и их основные характеристики в современный период следующие:

Локальная военная опасность в настоящее время имеет более подвижный характер, более выраженные и конкретные симптомы противоречий и менее короткий процесс по времени перехода к непосредственной военной угрозе или вооруженному конфликту. При этом все большую роль играют тенденции нарастания военной опасности внутри СНГ и России, которые могут перерасти в вооруженные конфликты различного масштаба и интенсивности.

Первая из них — несовпадение этнических и административных границ ряда государств СНГ и России. Эта же проблема имеет место и внутри РФ и между ее субъектами.

Вторая опасность — политические и экономические противоречия как внутри России, так и с государствами СНГ, могут спровоцировать вооруженные конфликты.

Третья угроза — стремление властных националистических структур некоторых автономий к полному суверенитету и созданию своих национальных государств.

Таким образом, для России в настоящее время существуют источники военной опасности в европейском, центрально-азиатском, азиатско-тихоокеанском регионах.

Краткий анализ тенденций развития военно-политических отношений между государствами и источников военной опасности показывает, что при неблагоприятном развитии возможно резкое обострение существующих противоречий между Россией и государствами ближнего и дальнего зарубежья. Это может привести к возникновению вооруженных конфликтов (войн), различных по своим целям и масштабам.

Исходя из военных угроз, опасностей и мер по обеспечению безопасности России, расстановки военных и политических сил в мире и сопредельных с Россией государствах, а также возможных геополитических целей агрессора, военные конфликты начала XXI века могут развиваться по схеме *вооруженный конфликт*.

Одна из форм разрешения политических, национально-этнических, религиозных, территориальных и других противоречий с применением средств вооруженной борьбы, при которой государство (государства), участвующие в военных действиях не переходят в особое состояние, называемое войной. В вооруженном конфликте стороны, как правило, преследуют частные военно-политические цели. Вооруженный конфликт может стать следствием разрастания вооруженного инцидента, приграничного конфликта, вооруженной акции и других вооруженных столкновений ограниченного масштаба, в ходе которых для разрешения противоречий используются средства вооруженной борьбы. Вооруженный конфликт может иметь международный характер (с участием двух и более государств) или внутренний характер (с ведением вооруженного противоборства в пределах

территории одного государства). Военные конфликты могут характеризоваться как:

- *приграничные войны* — где агрессором будут преследоваться цели: прорыв государственной границы для пропуска контрабандистов, террористов или потока беженцев; реализация территориальных претензий к России; поддержка сепаратистских движений на сопредельной территории; провоцирование вступления в конфликт НАТО на стороне агрессора; получение доступа к ресурсам экономической зоны России;
- *локальная война*. Война между двумя и более государствами, ограниченная по политическим целям, в которой военные действия будут вестись, как правило, в границах противоборствующих государств и затрагиваются преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие). Локальная война может вестись группировками войск (сил), развернутыми в районе конфликта, с их возможным усилением за счет переброски дополнительных сил и средств с других направлений и проведения частичного стратегического развертывания вооруженных сил. При определенных условиях локальные войны могут перерасти в региональную или крупномасштабную войну;
- *региональная война*. Война с участием двух и более государств (групп государств) региона национальными или коалиционными вооруженными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения на территории, ограниченной пределами одного региона с прилегающими к нему акваторией океанов, морей, воздушным и космическим пространством, в ходе которой стороны будут преследовать важные военно-политические цели. Для ведения региональной войны потребуется полное развертывание вооруженных сил и экономики, высокое напряжение всех сил государств. В случае участия в ней государств, обладающих ядерным оружием, либо их союзников, региональная война будет характеризоваться угрозой перехода к применению ядерного оружия;
- *крупномасштабная война*. Война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества. Она может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной

войны путем вовлечения в них значительного количества государств различных регионов мира. В крупномасштабной войне стороны будут преследовать радикальные военно-политические цели. Она потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников.

Современное российское военное планирование, основанное на реалистичном понимании современных ресурсов и возможностей РФ, исходит из того, что Вооруженные Силы Российской Федерации, совместно с другими войсками, должны быть готовы к:

- отражению нападения и нанесению поражения агрессору;
- ведению активных действий (как оборонительных, так и наступательных) при любом

варианте развязывания и ведения войн и вооруженных конфликтов, в условиях массированного применения противником современных и перспективных боевых средств поражения, в том числе оружия массового уничтожения всех разновидностей.

Характер международных войн и военных конфликтов к началу XXI века уже изменился. Есть основания полагать, что эти новые тенденции окончательно окрепнут к 2030 годам и превратятся в доминирующие тенденции развития ВПО и СО. Исследованию этих проблем в последние годы посвящено немало работ, которые, судя по оценкам, высказываниям, докладам и выступлениям Министра обороны, Начальника генштаба ВС России и других представителей высшего военного руководства, находят полное понимание⁸³.

2.8. Возможная военная специфика характера международных войн и конфликтов к 2030-м годам XXI века

После десятилетия, которое характеризовалось событиями 11 сентября, двумя войнами и финансовым кризисом (2008–2010 гг. — А. П.), президент Обама пришел к власти с намерением восстановить основы глобального лидерства США⁸⁴.

*Том Донилен
советник Б. Обамы*

Создаваемый Национальный центр (управления обороной России) охватит все звенья руководства ВС, а также позволит скорректировать усилия 49 министерств и ведомств, участвующих в реализации плана обороны страны⁸⁵.

*В. Герасимов,
Начальник Генерального штаба ВС России*

Возможный характер международных войн и конфликтов к 2030 году неизбежно будет конкретно привязан как ко времени каждого конфликта, так и конкретной ВПО и СО в мире, регионе и субрегионе. Эта сугубая «конкретность» каждой войны и военного конфликта требует анализа и прогноза каждой конкретной современной ситуации и прогноза развития возможного сценария ВПО–СО. Таким образом, для прогноза каждого возможного (а, тем более, вероятного военного конфликта, в каждом конкретном случае требуется конкретный анализ и конкретный прогноз. При этом надо отчетливо понимать, что расхождение между сценариями даже в несколько лет (например, прогноз войны между Россией и США в 2030 или 2035 году) может радикально отличаться друг от друга из-за качественно

различных параметров (в т. ч. внутривнутриполитических) ВПО и, тем более, СО.

Вместе с тем уже сегодня можно определить не только основные тенденции и особенности в развитии международных войн и конфликтов, но и собственно их военную специфику, которая имеет достаточно универсальный характер. Так, например, происходит централизация всех военных усилий, которая выражается не только в объединении функций видов и родов войск, а также командований, но и высшего тематического и государственного руководства, что прежде было характерно только в случаях «большой» войны. Государственный Комитет Обороны (ГКО) и Ставка Верховного Главнокомандующего, созданные в СССР в первые недели войны, — типичный пример. В настоящее время наблюдается

ГЛОБАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ДОХОДОВ

Как будет расти экономическая мощь наиболее привилегированных и широких слоев населения в сравнении с прошлым?

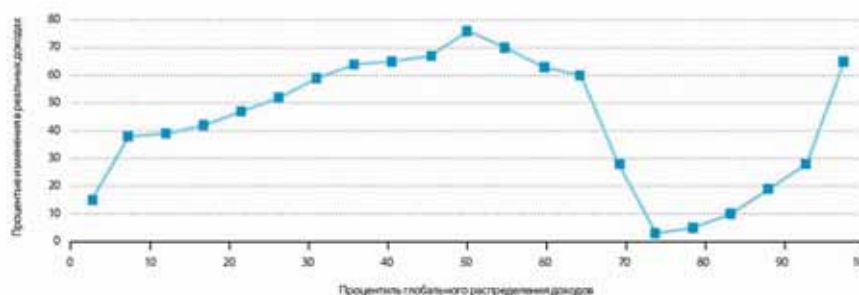

Рис. 11.⁸⁶

дальнейшая централизация функций управления, но уже в мирное время. Это объясняется тремя основными причинами:

- *во-первых*, тем, что война приобретает характер общенациональной задачи, а не только стоящей перед ее ВС. Требуется объединение функций управления ВС, экономикой, административных и пр. Но не только. Требуется внутривнутриполитическая стабильность и доверие политическому руководству, которые во многом гарантируются социальной политикой правящей элиты;
- *во-вторых*, происходит интеграция отдельных видов и родов ВС как в пространственном, так и функциональном масштабе, типичным и ярким примером становится формирование в странах единой системы воздушно-космической обороны (ВКО). Но не только. Фактически интеграция происходит во всех звеньях ВС — от стратегических до отдельного военнослужащего;
- *в-третьих*, происходит интеграция систем управления на национальном уровне, в т. ч. боевого управления ВС, видов и родов войск, что хорошо видно на интеграции управления ПРО.

План обороны, таким образом, стал *общегосударственным*, а не министерским планом. Существующие тенденции, которые явственно обозначились в начале XXI века в использовании военной силы, превратятся в официальную политику государств и военно-политических коалиций. В частности, к 2030 годам следует ожидать:

1. Дальнейшего усиления роли силовых (военных) средств и сил, не относящихся традиционно к вооруженным средствам: кибернетическим, «нелегальным», инфор-

мационным и т. д. В XXI веке произошло очевидное усиление невооруженных средств насилия, прежде всего разного рода санкций (экономических, финансовых, политических, дипломатических и пр.), которые обладают существенными преимуществами перед вооруженными средствами насилия:

- а) Эти средства менее *рискованны* и могут *просчитываться*, а их последствия — прогнозироваться. В отличие от вооруженных средств, их эскалация происходит не автоматически;
 - б) Эти средства, как правило, *существенно дешевле*, экономичнее, чем средства вооруженного насилия. Так, по некоторым оценкам, война в Ираке стоила США более 1 трлн долларов. Возникает естественный вопрос: могли ли США получить такой же политический результат, потратив 1 трлн долларов, не посылая свои войска?;
 - в) В конечном счете, такие средства более *эффективны*, т. е. достигается искомый результат в более короткие сроки за менее дорогую плату.
2. Окончательно произойдет пока еще сохраняющееся разделение между внешними и внутренними военными угрозами и их приоритетность. Деление на внешние и внутренние военные опасности и угрозы, принятое не только в Военной доктрине России, но и среди большинства последователей уже, мало что дает для практического анализа⁸⁷.

Это достаточно, простая, даже упрощенная схема (рис. 12) не позволяет, например, отслеживать главного, а именно — эволюции объективных международных факторов в факторы

Рис. 12.

внешнего влияния и их постепенного превращения во внешние и военные угрозы. Предложенный в Военной доктрине подход, кроме того, является слишком общим, а значит недостаточно конкретным. Он не дает возможности:

- а). Определить приоритетность угроз, а значит и значение опасностей и угроз.
- б). Выделить технологические и географические направления таких опасностей и угроз, распространяя их определения только в глобальном масштабе.
- с). Обозначить возможность и вероятность возникновения новых угроз.
- д). Увидеть системность опасностей и угроз, которые нередко не имеют четких границ между собой.

В этой связи при определении военно-политического и стратегического характера современных внешних и внутренних опасностей и угроз и вероятной их эволюции в будущем предложить ответить на поставленные выше вопросы следующим образом:

- к середине 2020-х годов у США и их союзников будет создан оборонительный потенциал, который резко расширит возможности использования военной силы, прежде всего ВТО.
- изменится радикально политика размещения ВС и ВиВТ, когда значение наличия собственно военного присутствия будет существенно уменьшено в результате:
 - (1) появления на вооружении новых видов и систем ВиВТ, с помощью которых можно будет контролировать любой район мира на расстоянии;
 - (2) изменении в подходах использования масс ВС и ВиВТ в различных войнах и конфликтах в пользу небольших по численности ВС, оснащенных качественно новыми ВиВТ.

- (3) учитывая, что во всех областях человеческой деятельности резко увеличится роль человеческого капитала, прежде всего его профессиональных и нравственных качеств. Новое значение для определения будущего характера войны и военных конфликтов приобретают качества человеческой личности, их способности формулировать и достигать поставленных целей на любом уровне — от высшего управленческого уровня до уровня рядового военнослужащего. Соответственно наивысшую боевую эффективность будут иметь те вооруженные силы, руководство которых и рядовые военнослужащие будут в полной мере соответствовать этим критериям.

Западный характер доминирования мировых структур, таких как Совет безопасности ООН, Мировой Банк и МВФ, вероятно, изменится к 2030 году, чтобы больше соответствовать возрастающему влиянию новых экономических игроков. Кроме крупных развивающихся держав, таких как Бразилия, Индия (которые не являются постоянными членами Совета безопасности ООН) и Китая (который имеет право вето в Совете безопасности ООН, но не имеет права голоса в МВФ, сопоставимого с его экономической мощью) на арену выходят многие развивающиеся государства второго эшелона. Они будут «захватывать место под солнцем», по крайней мере, как развивающиеся региональные лидеры. Появление «большой двадцатки» — в отличие от «большой семерки/восьмерки» — было вызвано необходимостью справиться с финансовым кризисом 2008 года, и мы ожидаем, что другие организации также будут обновлены — наиболее вероятно, в ответ на кризис⁸⁸.

Даже если международные организации к 2030 году смогут лучше отражать изменяющуюся расстановку сил, тем не менее, остаются неясными сами их возможности разрешить растущие общемировые проблемы. Существует сложный компромисс между авторитетом и эффективностью. С одной стороны при принятии решения надо гарантировать представительство

и права всех стран. С другой стороны только небольшое количество голосующих может способствовать быстрому принятию решений. Растущая многополярность и расширение влияния многих игроков делает процесс обновления мировых организаций весьма сложным. Однако реформы не будут означать потерю их авторитета в глазах общественности развивающегося мира.

2.9. Возможный характер международных войн и военных конфликтов после 2050-х годов XXI века

... природа войны очень многогранна, отсюда постоянно должны являться уклонения от правила, но принцип из-за этого не теряет своей силы⁸⁹.

*А. Фон-Богуславский,
военный теоретик*

Прогнозирование — это предвидение основных факторов и тенденций ... развития в перспективном периоде для выбора приоритетов и обоснования стратегических и тактических решений...⁹⁰.

*Б. Кузык, В. Кушлин, Ю. Яковец,
эксперты*

Стратегическое прогнозирование в военно-политической области, как обязательный этап в государственном управлении, — наиболее трудная задача, если говорить о горизонтах прогноза, уходящих во вторую половину XXI века, т. е. через 30–40 и даже 50 лет. Вместе с тем эта задача не только неизбежно должна быть решена, но и отчасти вполне решаемая потому, что в действительности в 60-е и 70-е годы XXI века будут развернуты те системы и виды ВиВТ, которые уже создаются, находятся на стадиях НИР и даже ОКР.

Другими словами, долгосрочное прогнозирование характера войн во второй половине XXI века не только теоретическая, но и очень актуальная практическая проблема, если исходить из того, что задача на НИР, формулируемая в середине второго десятилетия, может привести к созданию опытного образца к 2035–2040 года, испытаниям в 2040-е гг. и запуску в серию в 2050-е годы, а находиться и модернизироваться эти ВиВТ (как показывает, например, опыт с вертолетом МИ-8) могут еще 30–40 лет.

Наиболее трудная задача долгосрочного стратегического прогноза на 50 и более лет заключается в прогнозировании возможного характера развития стратегической обстановки, международных войн и военных конфликтов. Прежде всего по следующим принципиальным причинам:

- в эти сроки (более 20–25 лет) изменяются, как правило, все основные парадигмы развития человеческой цивилизации в политике; экономике, социальной сфере, военной области и т. д.;
- происходит коренное изменение в соотношении сил в мире и регионах, в т. ч. в военной области;
- качественно изменяется роль тех или иных государств в мире и в регионах и т. д.

Проиллюстрируем эти тезисы некоторыми примерами. Так, известно, что динамика и неравномерность демографического развития приведут к изменению в соотношении сил, однако мало кто подсчитывал, что если численность европейско-американской цивилизации к 2050 году ненамного превысит 1 млрд чел. (из возможных 11–12 млрд чел.), то африканская цивилизация превзойдет показатель в 2 млрд, а китайская — вплотную приблизится к этому уровню.

Как видно из рисунка (рис. 13), мы теоретически сможем прогнозировать существующие наиболее важные черты и реалии, определяющие сегодня характер войны.

Естественно, что эти факторы, реалии и черты требуют анализа и преломления на прогноз конкретного сценария развития ЧЦ, конкретной МО и ВПО. Без этого анализа простая экстра-

Рис. 13.

поляция основных черт характера современной войны и конфликта на будущее будет бесполезна.

Другая, может быть еще более важная часть прогноза, будет заключаться в предвидении появления и новой роли тех черт, которых сегодня вообще не существует, т. е. новых парадигм развития. Этот процесс тесно связан с более общими тенденциями, либо принципиально новыми. О том, как качественно может измениться ситуация в мире — экономическая и социальная —

свидетельствуют, например, следующие данные (рис. 14–15).

Давайте посмотрим на душевое потребление, которое определяет качество жизни. Тут впереди североамериканская, японская, западноевропейская цивилизации, Океания. Видно, как эти страны набрали колоссальный потенциал, и перегнать их по качеству жизни невозможно даже при том росте, который будет испытывать экономика Китая, буддийских стран.

Корреляция между основными фондами и ВВП США, 1993–2003 гг.

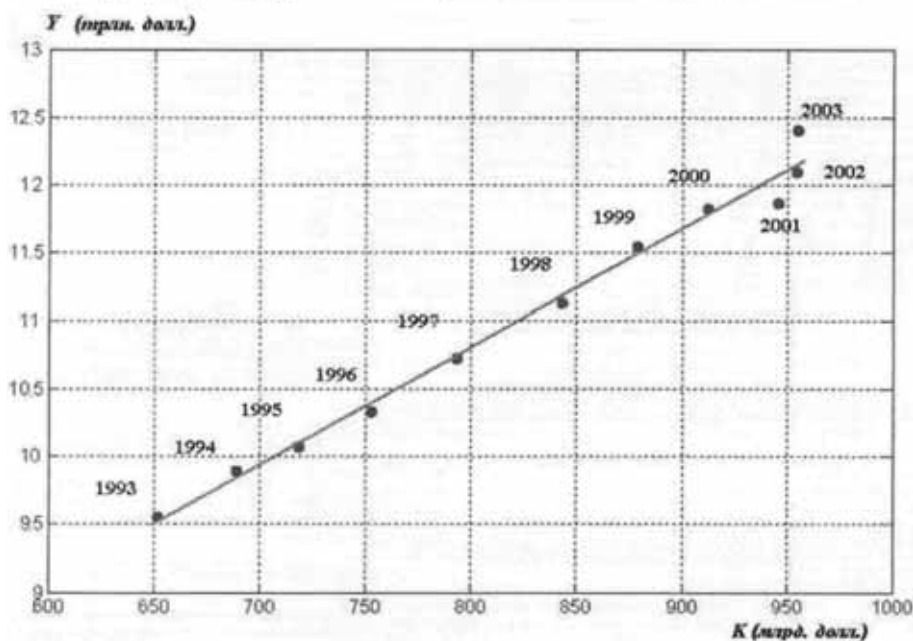

Рис. 14.⁹¹

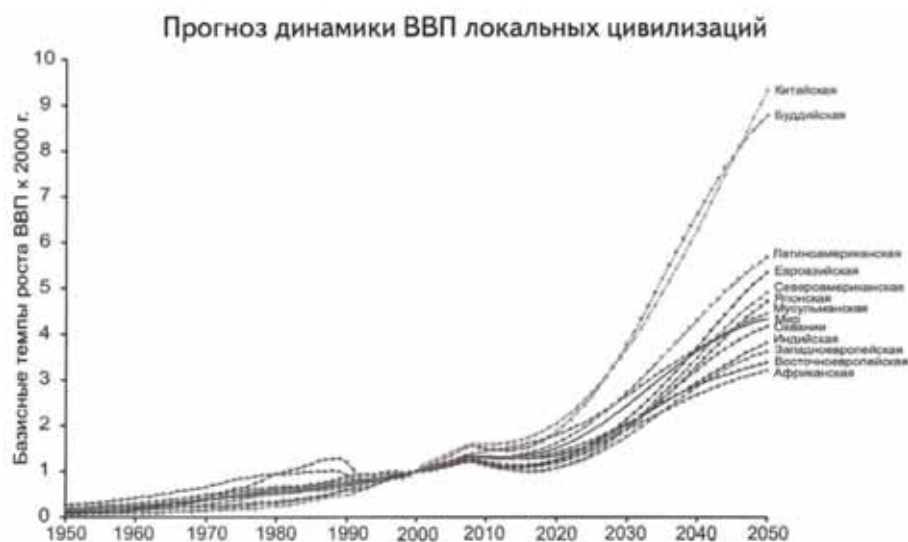
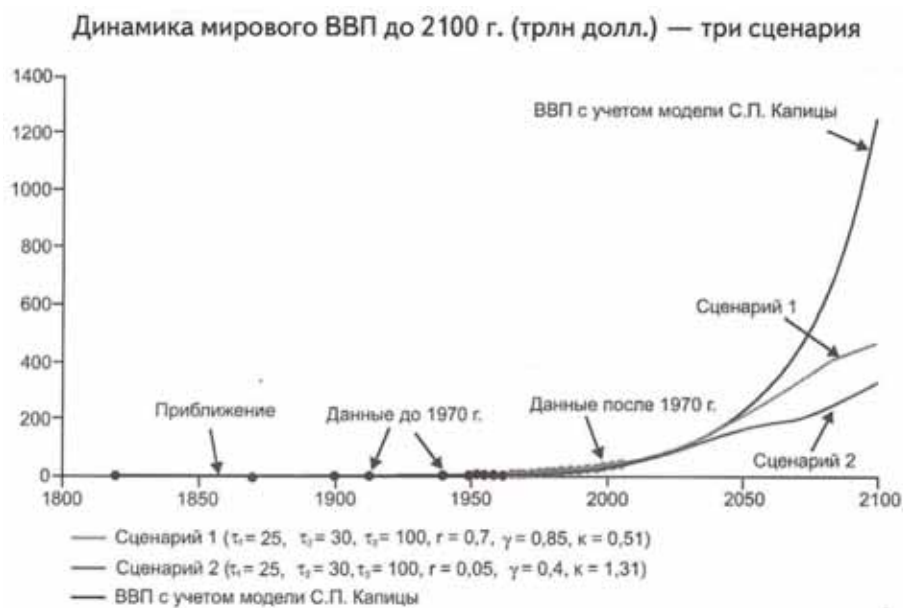

Рис. 15.⁹²

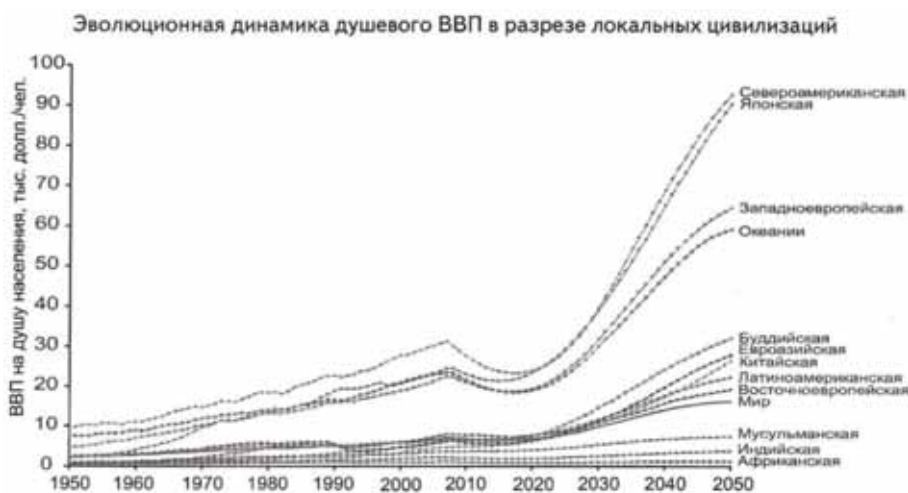

Рис. 16.⁹³

Динамика численности населения в некоторых странах и регионах мира⁹⁴

№ п/п	Страны и регионы мира	Численность населения в 2011 году	Прогноз ООН на 2050 год	Динамика численности населения
1	Африка	1,24 млрд	2 млрд	+ 760 млн
2	Индия	1,227 млрд	1,75 млрд	+ 523 млн
3	Китай	1,335 млрд	1,43 млрд	+ 99,5 млн
4	Европа	725 млн	700 млн	– 25 млн
5	США	314,7 млн	440 млн	+ 125,3 млн
6	Россия	143,2 млн	100 млн	– 43,2 млн
7	Мир в целом	7 млрд	10,6 млрд	+ 3,6 млрд

Наконец, третья часть прогноза будет зависеть от результатов развития как противоборствующих субъектов ВПО, так и, прежде всего, нашего государства в 2050 году, его способности повысить эффективность своей экономики, ОПК, качество ВиВТ, общества, государственного управления и т. д. Это, в конечном счете, является следствием качества политического и государственного руководства страны, его способности в том числе и к стратегическому прогнозу и планированию. Некоторое представление об этом может дать следующий пример из одной из самой актуальных областей.

В частности, если речь идет об информационных технологиях, определяющих сегодня уровень развития воздушно-космической обороны (ВКО), то сам вопрос о создании такой эффективной системы теряет смысл, если нет соответствующей технологической базы. Достаточно посмотреть на структуру ВКО в представлении Генерального конструктора. Сказанное может означать, например, что китайская экспансия в Африку может привести к появлению некоего союза с численностью в 4 млрд чел., объединенного общими интересами. Такая новая парадигма сегодня даже не рассматривается, хотя ее военно-политические последствия могут быть радикальными для всех других цивилизаций и государств.

Выше уже говорилось о трудностях в стратегическом прогнозе будущего характера войны и военных конфликтов, который будет зависеть от стратегического прогноза многочисленных существующих (известных) факторов. Однако к 2050 году могут появиться и даже стать решающими качественно новые факторы, о которых мы сегодня можем только догадываться.

Мы знаем не только множество неудачных попыток предвидения будущего характера войн, но и талантливых, даже гениальных. Так, талантливый военный теоретик А. Свечин, например, прогнозировал долговременный характер будущих войн, предостерегал от того, чтобы продолжалась концентрация военной промышленности в Ленинграде и т. д.⁹⁵ Есть и известный классический пример Ф. Энгельса, предсказавшего за 30 лет до Первой мировой войны ее глобальный характер.

Таким образом, попытки, в т. ч. успешные, характеризовать будущие войны предпринимались и, естественно, еще будут предприниматься. И они, безусловно, полезны, хотя и требуют особого к себе отношения. Применительно к современности это означает, что помня наказ А. Фон-Богуславского об исключениях, нельзя забывать и вторую часть его мысли — «о принципах», формирующих закономерности в характере, войн и конфликтов. В этой связи полезны обсуждения этих базовых «принципов» и закономерностей, которые в будущем будут определять характер войн и конфликтов. На наш взгляд, они могут быть объединены в две группы.

Первая группа. Через несколько десятилетий качественно меняется не только вся международная обстановка, но и военно-политическая обстановка в мире, регионах и отдельных странах. Формируются принципиально новые парадигмы развития человеческой цивилизации, которые сегодня трудно, если вообще возможно прогнозировать. Без них, однако, даже общие тенденции будущего характера войн (которые должны быть в итоге конкретными) представить нельзя. Для того, чтобы лучше представить

себе эту качественную разницу, можно сравнить МО начала XX века, середины XX века и конца XX века и вытекающую из нее ВПО в мире и в Европе. В первом случае мы видим всего несколько десятков государств, из которых только Великобритания, Германия, Австро-Венгрия, США, Япония, Франция и Россия могут быть отнесены к вполне полноправным субъектам, формирующим МО и ВПО в мире. На этот период приходится две мировые войны, которые происходили из противоречий одной цивилизации (хотя Вторая мировая война вовлекла в борьбу и другие цивилизации).

Холодная война рассматривается, как правило, как война политико-идеологическая. Ее цивилизационную составляющую (противоречия между православной и иудейско-либеральной цивилизациями, как правило, не привлекают внимания). Между тем с исчезновением ОВД, СЭВ, СССР и коммунистического интернационала это противоречие отнюдь не исчезло. Просто его цивилизационная форма стала иной.

В середине XX века, после двух мировых войн и падения Австро-Венгрии, Германии, Японии и Италии, мы видим по сути дела только два мировых политико-идеологических лидера, вокруг которых формируются военно-политические коалиции, — СССР и США, а затем Россия и США. В конце XX века мы наблюдаем, как все бывшие центры силы и предыдущие коалиции оказались дезинтегрированными, за исключением США и возглавляемого ими Североатлантического союза, превратившихся в самый мощный центр силы в мире. Это была действительно не только политико-идеологическая, но и цивилизационная победа Запада.

Наконец, во втором десятилетии XXI века мы наблюдаем возрождение старых и нарож-

дение новых центров силы, которые к середине XXI века станут соперничать с оставшимся единственным центром силы — США. Причем центров силы не только политических, экономических и военных, но и цивилизационных; Россия, Китай, Индия и Бразилия — это страны-цивилизации, которым очевидно угрожают не только США и возглавляемая ими коалиция, но и вся евроатлантическая цивилизация.

Таким образом, всего лишь за 100 лет мировая обстановка (МО) и военно-политическая обстановка (ВПО) менялись радикально, качественно четыре раза. Причем свидетельств того, что такие перемены произойдут, было очень мало и они не стали побудительными мотивами для стратегических прогнозов и стратегического планирования. Сказанное означает, что к 2050 году возможно, вероятно и даже неизбежно произойдет новое «переформатирование» МО и, как следствие, ВПО в мире, которое может иметь разные контуры, но точно не будет таким же, как во втором десятилетии XXI века. Это означает, что надо максимально внимательно следить за качественными процессами, происходящими в человеческой цивилизации, избегать простой экстраполяции существующих в МО и ВПО тенденций на долгосрочную перспективу.

Вторая группа. Международные войны и конфликты, как крайние средства политики, сохранятся, ибо сохранятся различия в интересах локальных цивилизаций, наций и государств. Это означает, что та нация и то государство, которые сегодня, во втором десятилетии XXI века, формируют новые технологии, программы НИОКР ВиВТ, предусмотрительно полагают, что результаты этих усилий скажутся через 20–30 лет, сохранят свою идентичность и суверенитет.

¹ Towards the Next Defense and Security Review: Part Two — НАТО, HC 358. 2014. 31 July.

² *Погодин Ю. И., Иванов П. Е.* Мобилизационная подготовка и здравоохранение. М. 2006.

³ *Сулакшин С. С.* О существовании и познаваемости будущего / Фурурологический конгресс: будущее России и мира: материалы научной конференции 4 июня 2010 г. М.: Научный эксперт, 2010. С. 33.

⁴ *Балуевский Ю. Н., Хамзатов М. М.* Глобализация и военное дело // Независимое военное обозрение. 2014. 12 августа.

⁵ *Переслегин С. Б.* Оборона страны как пакет технологий / <http://future-designing.org/statyi/oboronastranikakpakettehnologiy.html>

⁶ Амурская государственная медицинская академия Кафедра мобилизационной подготовки здравоохранения и медицины катастроф / Основы мобилизационной подготовки здравоохранения Благовещенск 2010 / http://www.amursma.ru/downloads/Zakr/2/Osnovy_mobilizatsionnoy_podgotovki_zdravookhraneniya_.pdf. С. 43.

⁷ *Кошкин Р. П.* Современные угрозы для национальной безопасности России и космические информационные системы / Аналитические материалы. Вып. 3. М.: Изд-во «Стратегические приоритеты», 2014. С. 8.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же. С. 10.

- ¹⁰ Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. № 18-01. ТС 18-01. 2010. 30 ноября. С. 25.
- ¹¹ Ukraine must be a wake-up call for NATO. 2014. 31 July / <http://www.parliament.uk/>
- ¹² Рыбас С. Громыко: война, мир, дипломатия. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 471.
- ¹³ См.: Подберезкин А. И. Стратегия для будущего президента России: Русский Путь. М.: РАУ-Университет, 2000.
- ¹⁴ Когнитивная школа: построение стратегии как ментальный процесс / Эл. ресурс: «Менеджмент». 2004. 18 июня / <http://www.management.com.ua/strategy/str088.html>
- ¹⁵ Подберезкин А. И. Идеология опережающего развития человеческого капитала. Национальный человеческий капитал. Т. I. М.: Европа, 2007.
- ¹⁶ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. ТТ. I–III. М.: МГИМО(У), 2011–2013 гг.
- ¹⁷ Национальная безопасность России / ЦИРКОН. Пресс-релиз. 2011. 28 февраля.
- ¹⁸ См. подробнее: Подберезкин А. И., Стреляев С. А., Хохлов О. Е. Секреты российской приватизации. М. 2004.
- ¹⁹ Национальная безопасность России / ЦИРКОН. Пресс-релиз. 2011. 28 февраля.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Военная доктрина Российской Федерации / <http://www.femida.info/14/4007.htm>
- ²² Википедия. Мир-системный анализ / https://ru.wikipedia.org/wiki/Мир-системный_подход
- ²³ Военная доктрина Российской Федерации / <http://www.femida.info/14/4007.htm>
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Военная доктрина Российской Федерации / <http://www.femida.info/14/4007.htm>
- ²⁶ Погодин Ю. И., Иванов П. Е. Мобилизационная подготовка и здравоохранение. М. 2006.
- ²⁷ Арбатов А. Г., Дворкин В. Н. Большой стратегический треугольник. М.: Центр Карнеги, 2011. С. 33.
- ²⁸ Владимиров А. И. Основы общей теории войны в 2 ч. Часть I. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013. С. 148.
- ²⁹ См. например: Капица Л. М. Индикаторы мирового развития. Второе издание. М.: МГИМО(У), 2008.
- ³⁰ <http://www.tradoc.army.mil/tpubs/pams/TP525-3-1.pdf>
- ³¹ Селиванов Ю. Стратегический цугцванг США / Эл. ресурс: «Регнум». 2014. 16 октября / <http://www.regnum.ru/news/polit/1857395.html>
- ³² Там же.
- ³³ Russian Military Capability in a Ten-Year Perspective — 2013 / Jakob Hedenskog and Carolina Vendil Pallin (eds) FOI-R--3474--SE December 2013 / http://www.foi.se/ReportFiles/foir_3474.pdf. P. 114.
- ³⁴ Аватков В. Турецкое «Видение-2023»: от слов к делу / Эл. ресурс: «Портал МГИМО». 2014. 14 октября / <http://www.mgimo.ru/>
- ³⁵ Russian Military Capability in a Ten-Year Perspective — 2013 / Jakob Hedenskog and Carolina Vendil Pallin (eds) FOI-R--3474--SE December 2013 / http://www.foi.se/ReportFiles/foir_3474.pdf. P. 111.
- ³⁶ Национальная безопасность России / ЦИРКОН. Пресс-релиз. 2011. 28 февраля.
- ³⁷ Тухачевский М. Н. Война классов: статьи 1919–1920 гг. М.: Госиздат. 1921. С. 139.
- ³⁸ Хамзатов М. М. Новый характер войны: «облачный противник» Vs государства / Экспертно-аналитический центр «Эпоха».
- ³⁹ Колесниченко К. Ю. Армия и политика: теория и практика прикладного политического анализа : монография / К. Ю. Колесниченко. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. С. 72 / http://www.ojkum.ru/res/kolesnichenko_2014.htm
- ⁴⁰ Хамзатов М. М. Новый характер войны: «облачный противник» Vs государства / Экспертно-аналитический центр «Эпоха».
- ⁴¹ Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д. О. Рогозина. М. 2004 / <http://www.voina-i-mir.ru/>
- ⁴² Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д. О. Рогозина. М. 2004 / <http://med-books.info/terapiya-anesteziologiya-intensivnaya/harakter-sovremennyih-voyn-voorujennyih.html>
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Попов И. М., Хамзатов М. М. Новый характер войны: «облачный противник» Vs государства / Экспертно-аналитический центр «Эпоха» / <http://maximus67.livejournal.com/1203032.html>
- ⁴⁵ Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д. О. Рогозина. М. 2004 / <http://med-books.info/terapiya-anesteziologiya-intensivnaya/harakter-sovremennyih-voyn-voorujennyih.html>
- ⁴⁶ Цит. по: Козин В. «Новая» ядерная стратегия США и ее последствия для России // Международная жизнь. 2013. Сентябрь. С. 61.
- ⁴⁷ Селиванов Ю. Стратегический цугцванг США / Эл. ресурс: «Регнум». 2014. 16 октября / <http://www.regnum.ru/news/polit/1857395.html>
- ⁴⁸ Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 30.04.2014 / <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/30-04-2014-1.aspx>

- ⁴⁹ Мехдиев Э. Т. Сотрудничество стран-участниц ТС и ЕЭП в энергетической сфере. Аналитическая записка. М.: ИМИ МГИМО(У), 2014. Август. С. 2–3.
- ⁵⁰ Поданным BP Statistical Review of World Energy, June 2012.
- ⁵¹ См. подробнее: В. В. Бушуева, А. М. Мастепанова, А. И. Громова (ред.) (2012) Топливо-энергетический комплекс России. 2000–2011 годы (справочно-аналитический обзор).
- ⁵² По данным BP Statistical Review of World Energy, June 2012.
- ⁵³ «Ограниченная война»: концепция современных и будущих военных конфликтов / Эл. ресурс: Портал «Современная армия». 2012. 14 июня / <http://www.modernarmy.ru/article/175>
- ⁵⁴ Кутлалиев А. Принцип двоеверия // Независимая газета. 2013. 17 декабря. С. 15.
- ⁵⁵ Балуевский Ю. Н., Хамзатов М. М. Глобализация и военное дело // Независимое военное обозрение. 2014. 12 августа.
- ⁵⁶ Горбунов В., Богданов С. Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания / Российское военное обозрение № 1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/voorujennaja-borba-buduschego.php>
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Переслегин С. Б. Оборона страны как пакет технологий / <http://future-designing.org/statyi/oboronastranikakpakettehnologiy.html>
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Кошкин Р. П. Современные угрозы для национальной безопасности России и космические информационные системы / Аналитические материалы. Вып. 3. М.: Изд-во «Стратегические приоритеты», 2014. С. 6.
- ⁶⁴ Переслегин С. Б. Оборона страны как пакет технологий / <http://future-designing.org/statyi/oboronastranikakpakettehnologiy.html>
- ⁶⁵ Горбунов В., Богданов С. Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания / Российское военное обозрение № 1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/voorujennaja-borba-buduschego.php>
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 43.
- ⁷⁶ Балуевский Ю. Н., Хамзатов М. М. Глобализация и военное дело // Независимое военное обозрение. 2014. 12 августа.
- ⁷⁷ Матвиенко Ю. А., Ковалёв В. И., Малинецкий Г. Г. Концепция «сетевцентрической» войны для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка? / <http://www.csef.ru/index.php/ru/oborona-i-bezopasnost/project/348-novoe-v-voennom-dele/1-stati/4277-kontseptsiya-setetsentricheskoj-vojny-dlya-armii-rossii-mnozhitel-sily-ili-mentalnaya-lovushka>
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д. О. Рогозина. М. 2004 / <http://med-books.info/terapiya-anesteziologiya-intensivnaya/harakter-sovremennyih-voyn-voorujennyih.html>
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д. О. Рогозина. М. 2004 / <http://med-books.info/terapiya-anesteziologiya-intensivnaya/harakter-sovremennyih-voyn-voorujennyih.html>
- ⁸³ Речь идет, в частности, о выступлении НГШ ВС РФ В. В. Герасимова на III-й международной конференции по безопасности в мае 2014 года, а также выступлении руководителей МО, ГОУ родов и видов войск, командующих военными округами.
- ⁸⁴ Domlioni T. The United States and the Asia-Pacific in 2013 // The Asia Society. N-Y., 2013, March, 11.
- ⁸⁵ Литовкин В. Без Генштаба нет армии / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2014. 26 января / <http://topwar.ru>
- ⁸⁶ Сценарии «Новый взгляд на будущее». Новый взгляд на быстро меняющийся мир «Шелл Интернэшнл БВ», 2013 / <http://www.shell.com.ru/scenarios>. С. 12.
- ⁸⁷ Подберезкин А. И. Военно-политический и стратегический характер современных внешних и внутренних военных угроз и возможный прогноз до 2020 и 2030 годов / <http://www.nasled.ru/?q=node/3226>

⁸⁸ Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры / Публикация национального Совета по разведке США. Вашингтон, 2013. Декабрь. С. 55.

⁸⁹ Фон-Богуславский А. Размышления о стратегии / В кн.: Стратегия в трудах военных классиков. М.: Изд-во «Финансовый контроль». 2003. С. 507.

⁹⁰ Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. С. 43.

⁹¹ Футурологический конгресс: будущее России и мира. М.: Научный эксперт. 2010. 4 июня. С. 27.

⁹² Там же. С. 31.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Колин К. К. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке / Аналитический центр стратегических исследований «Сокол». Стратегические приоритеты международный научно-аналитический журнал. Вып. 1. М. 2014. С. 22 / <http://acsi.bos.ru/blok.pdf>

⁹⁵ Кокошин А. А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. М.: Изд-во МГУ. 2013. С. 240.

ГЛАВА 3

ВОЗМОЖНЫЙ ХАРАКТЕР ВНУТРЕННИХ ВОЙН И ВНУТРЕННИХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В 2030-х и 2050-х годах XXI века

Американские экономические санкции против России — новый вид наступательного оружия¹.
С. Рябков,
заместитель министра иностранных дел России

Внутренний вооруженный конфликт является одной из форм силового разрешения социально-политических противоречий².
А. Герасимов,
профессор

Главная особенность нового характера внутренних войн и военных конфликтов в XXI веке — это их превращение из средства внутренней в средство внешней политики. Подобная эволюция стремительно происходила с конца XX века, когда международные войны приобрели особенно опасный характер, а цели внешней политики стали пытаться решать с помощью инструментов, характерных для внутренней политики³.

Подобная «сценарная заданность» внутренних войн и конфликтов от внешних факторов не случайна. В ней видны сложившиеся

закономерности, заданности, которые нельзя игнорировать. Российские футурологи справедливо описывают такого рода сценарные зависимости, имея в виду конкретное событие: «10 апреля 2010 года под Смоленском разбился польский Ту-154 с президентом Л. Качиньским на борту. Официальные причины катастрофы названы в официальном отчете МАК: ошибки пилотирования, погодные условия, вмешательство высокопоставленных лиц в работу экипажа. Сценарные факторы упоминать не принято. Тем не менее, при анализе случившегося не покидает

ощущение, что Лех Качиньский всей своей жизнью и политической деятельностью прописал такой финал. Он настолько ненавидел Россию, причинил ей столько зла, что просто должен был разбиться на русском самолете при посадке на русский аэродром для участия в мероприятиях, носящих достаточно антирусский характер. Он, по крайней мере, был последователен: своевременно убрал из экипажа людей, способных иметь свое мнение, настоял на посадке при погоде ниже минимума пилотов, самолета и аэродрома, отправил в кабину командующего ВВС на тот случай, если летчики все-таки решат уходить на запасный аэродром»⁴.

Применительно к долгосрочному прогнозу характера внутренних военных конфликтов и войн через 30 или даже 50 лет трудно говорить в категориях «вероятный», если вообще это возможно. Речь, наверное, может идти в лучшем случае о попытках анализировать и прогнозировать возможный характер внутренних войн и военных конфликтов в долгосрочной перспективе. Разница между понятиями «вероятный» и «возможный» в данном случае принципиальная. Если говорить о будущих сценариях развития ВПО как о «вероятных» можно и нужно, то о характере будущих войн и конфликтов можно говорить и писать только как о «возможных» из-за решающего влияния на них субъективных факторов.

Наличие огромного числа влиятельных субъективных факторов, которые могут формировать характер будущих войн и конфликтов (от погодных условий и состояния здоровья до социальных, экономических, финансовых и иных кризисов), а также трудно прогнозируемые последствия развития объективных процессов в мире, делают анализ и прогноз войн и конфликтов на долгосрочную перспективу малореальным. Мир слишком быстро меняется для этого даже в краткосрочной перспективе. Так, превращение западных экономических санкций против России в новый вид наступательного оружия, — то о чем сказал С. Рябков летом 2014 года, — новое явление не только не

свойственное прежде для характера международных войн, но и не использовавшееся прежде во внутренних войнах и вооруженных конфликтах. В данном конкретном случае — для внутреннего военного конфликта на Украине. Санкции, которые прежде являлись лишь вспомогательным инструментом политики, заменившими другие политические инструменты, превратились в острое наступательное средство, которое уже можно отнести к средствам вооруженной борьбы.

Но не только экономические санкции. Средства войны, характерные для международных войн и конфликтов XX века, стали в XXI веке уже нормой и для внутренних войн и конфликтов: использование авиации, тяжелой артиллерии, систем залпового огня — все это было характерно для гражданской войны в Ливии, Сирии и на Украине. Апофеозом такой эволюции в средствах, применяемых во внутренних войнах, стало использование Киевом против ополченцев баллистических ракет «Точка У».

Подобная быстрая трансформация характера внутренних войн и конфликтов означает, что грань между ними и международными войнами в XXI веке, по сути, исчезла. Даже внешние признаки: формирование военно-политических коалиций, использование регулярной армии, а не полицейских формирований, стало нормой для внутренних конфликтов, которые приобрели массовые масштабы. В отличие от крупных внутренних конфликтов и гражданских войн XIX–XX веков, внутренние конфликты в XXI веке превратились в продолжение внешней политики враждебных государств, которые смогли создать искусственные предпосылки, условия и силы для внутреннего военного конфликта. В этом случае, перефразируя слова, данные в эпитафии А. Герасимовым, можно сказать, что внутренние войны и конфликты стали не только одной из форм силового разрешения социально-экономических противоречий, но и в ряде случаев средством внешней и военной политики других государств.

3.1. Анализ и стратегический прогноз внутренних войн и военных конфликтов

Реальная аналитика не имеет права на личные симпатии и субъективные оценки: ее удел говорить правду, которую так не хотят слышать властные элиты⁵.

*И. Попов,
военный эксперт*

... с каждым годом можно ожидать появления все более и более продвинутых средств, технологий и стратегий ведения войн, дающих, в свою очередь, возможности все новых и новых подходов к анализу их типологий⁶.

*А. Владимиров,
военный ученый, генерал-майор*

Проблема возможности объективного научного анализа, а тем более стратегического прогноза военных конфликтов и войн остается одной из самых дискуссионных. С одной стороны, субъективность оценок, хорошо известная из военной истории, уникальность этих явлений, неповторимость событийных рядов делает такие попытки очень условными, даже безуспешными, но, с другой стороны, существует объективная и все нарастающая потребность в таких анализах и прогнозах, необходимых в интересах стратегического планирования.

Действительно, планируя создание и производство тех или иных ВиВТ, необходимо хотя бы в общих чертах представлять себе как и кем они будут использоваться, а главное, — в каких целях, т. е. описать (хотя бы в общих чертах) характер будущей войны. Эта практическая потребность наконец-то официально признана на политическом уровне и даже зафиксирована в Федеральном Законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28 июня 2014 года. Для нации и государства изначально важно понимать, кто может быть их противником и каким образом ему противостоять в будущем, хотя изначально важно и то, почему кто-то будет противостоять. Эти вопросы можно отнести к процессу национальной самоидентификации и формированию у нации своей, только ей присущей политической философии и системы ценностей, о чем я неоднократно писал в 1990-е годы⁷.

Именно на базовом, ценностном уровне в XXI веке происходит большинство международных конфликтов и войн и все известные внутренние войны и военные конфликты. Без понимания и признания этой характерной черты войн в XXI веке невозможно начинать анализ,

а тем более долгосрочный прогноз. Так, военный конфликт и война на Украине в 2014 году в основе своей имеют конфликт разных, искусственно и сознательно противопоставленных систем ценностей Европы и России. Это противостояние сознательно культивировалось и готовилось, в том числе при поддержке США и других стран Запада.

Таким образом, в основе анализа и прогноза возможного будущего характера внутренних войн и конфликтов лежит анализ систем ценностей локальных цивилизаций, возможность их развития и противопоставления ценностям других локальных цивилизаций. В этом смысле «вертикаль» и «иерархичность» развития различных сценариев развития СО, войн и конфликтов сохраняется и является одной из основ для политического анализа и прогноза будущего характера войн и конфликтов.

Как видно из рисунка (рис. 1), возможный характер будущих войн и конфликтов вытекает из логики развития сценариев более высокого уровня и является одним из очень многих вариантов их реализации. Так, если допустить, что сценариев развития локальных цивилизаций до 2050 годов будет три, то сценариев развития МО уже, как минимум, — 9, а ВПО — 27. Соответственно, минимальное число вариантов войн и конфликтов будет 81, хотя этот минимум не отражает реального числа возможных сценариев конфликтов и войн, которые можно смело увеличить на порядок, даже два порядка, т. е. в 100 раз (до 800–1000 вариантов сценариев).

Естественно, трудно просчитать все такие сценарии и их варианты (хотя пытаться надо обязательно, а современные модели позволяют приблизиться к решению этой задачи), поэтому в интересах практических потребностей, прежде

Рис. 1.

всего подготовки ВиВТ и ВС, необходимо выделить наиболее общие и вероятные сценарии из всех теоретически возможных. Помочь этому могут различные научные методы, в частности, метод анализа интересов (национальных, государственных, социальных, групповых, личных) того или иного потенциального оппонента (или коалиции).

Известно, что внутренний военный конфликт, как самая острая форма внутригосударственного конфликта, может иметь множество причин: экономических, социальных, нравственных, религиозных и других, развитие которых трудно (если вообще возможно) прогнозировать. Но прогнозировать можно достаточно точно не причины, а интересы и продвижение определенных интересов, которые оформляются в конечном счете в виде конкретных полити-

ческих целей и задач как внутри страны, так и за рубежом. Эти же объективные интересы тождественны объективным потребностям и являются «точкой отсчета», отправным моментом любого политического анализа, как правило, иногда единственно адекватного. Поэтому для прогноза возможных сценариев развития внутренних вооруженных конфликтов необходимо использовать несколько методик, в основе которых лежит анализ и прогноз интересов (потребностей) — внешних и внутренних — различных социальных групп и элит. Это означает, что именно исследование этих групп интересов и их последующая трансформация в политические цели и задачи может служить теоретической и методологической основой анализа и прогноза. В частности, если возвращаться к логической схеме политического процесса, не раз уже опи-

Рис. 2.

Табл. 1. Матрица основных интересов, лежащих в основе политики страны применительно к развитию сценариев внутренних войн и конфликтов (на примере Украины)

Приоритетное обозначение интересов (потребностей)	Содержание интересов (потребностей)	Текущие (краткосрочные)	Будущие (долгосрочные)
1. Биологические (общечеловеческие)			
2. Национальные			
3. Государственные			
4. Социальные (классовые)	Ассоциация ЕС с целью реализации активов		
– экономические;			
– политические;			
– социально-культурные;			
– финансовые и др.			
5. Групповые	Развитие ФПГ и т. д.		
– экономические;			
– политические;			
– социально-культурные;			
– финансовые и др.			
6. Личные	Упрочнение личного благосостояния	Сохранение (изменение) результатов приватизации	

сываемой выше, то можно адаптировать ее для анализа и долгосрочного прогноза внутренних вооруженных конфликтов следующим образом (рис. 2).

Как видно из рисунка, наиболее важный первый блок «А», объединяющий базовые представления о системе ценностей и интересах нации. Именно с него и должен начинаться анализ, который позволит выйти на последующие анализы сценариев развития (МО, ВПО, СО, войн и конфликтов). К сожалению, на научном уровне основы такого анализа не разработаны, хотя многократно описаны и используются в политике, идеологии и пропаганде. Без такого анализа все последующие операции по анализу и прогнозу войны во многом теряют свое практическое значение.

В интересах прогноза развития сценариев внутренних войн и конфликтов необходимо кроме того тщательно анализировать текущие

и возможные будущие интересы (преимущественно национальные), акцентируя в то же время внимание на классовых интересах и интересах отдельных групп, которые можно в упрощенной форме представить в виде матрицы (табл. 1).

Как видно из рисунка, эти интересы (потребности) трансформируются элитой из вполне объективных интересов и потребностей в субъективные цели и задачи, которые, как правило, оформляются так или иначе в политико-идеологической доктрине, иногда в очень простой, а зачастую даже в вульгарной форме («Мы — европейцы», например, на Украине в 2013–2014 гг.), которая идентифицируется в противопоставлении другим системам ценностей и доктринам («коммунистической», «православной», «имперской» и т. д.)⁸.

Для анализа характера внутренних войн и конфликтов важное значение имеет анализ социальных интересов и противоречий, а также

интересов отдельных групп и личностей. Для России и Украины огромное значение имеет отношение к приватизации и захвату государственной собственности, которые являются потенциально острым очагом внутреннего конфликта⁹.

XXI век — период острой национальной и социальной самоидентификации, который неизбежно ведет к военным конфликтам и войнам — как внешним так и внутренним. Причем нередко эти «внутренние» процессы сопряжены с интересами влиятельных сил за рубежом, которые в той или иной степени в них участвуют.

Таким образом, национальная и социальная самоидентификация соотносится и ассоциируется с внешними системами ценностей и интересами. На Украине в 2013–2014 годах, например, это была система ценностей ЕС и США, которая открыто признавала приоритет западных интересов по отношению не только к российским, но и национальным. Конфликт ценностных систем на Украине, можно сделать вывод, был во многом инспирирован из-за рубежа.

Прогноз эволюции развития таких сценариев МО и ВПО уже становится возможным и вполне научным с помощью различных количественных и качественных инструментов (роста и структуры торговли, социологических предпочтений и т. д.). Ряд этих сценариев изначально предполагает использование насилия и даже вооруженного насилия для достижения политических целей. И это обнаруживается на ранних стадиях.

Так, еще в самом начале украинских событий, на рубеже 2013–2014 годов, российский эксперт И. Попов писал: «Даже для неспециалиста, далекого от тонкостей большой политики, вполне очевидно, что события, разразившиеся в сегодняшней Украине, чем-то очень напоминают события „арабской весны“ и многочисленных „цветных революций“ последних лет. Более того, определенные аналогии всплывают при непредвзятом анализе ситуации в Украине с событиями лета 1991 года в Москве. А была еще когда-то единая Югославия, развалившаяся как карточный домик, похоронив под своими обломками жизни и судьбы тысяч и тысяч людей.

Это поразительное сходство имеет много разнообразных объяснений, но нестандартно мыслящим военным аналитикам, отслеживающим новые моменты в развитии военно-политической обстановки в мире, вполне очевидно:

во всех этих случаях имеет место асимметричный конфликт, имеющий свои специфические закономерности зарождения, развития, хода и исхода.

Ситуация в Украине развивается по определенному сценарию, и совершенно не важно, где и когда этот сценарий написан и кем утвержден. Каждое новое сообщение из Киева для специалистов не является чем-то неожиданным. Типичная тактика и стратегия действий политической оппозиции, перешедшей от слов к делу — к стадии активного внутригосударственного конфликта¹⁰. Результат этой атаки оппозиции также был предсказуем: переход конфликта в стадию военного конфликта и вооруженный захват власти.

Вряд ли авторы этого сценария на Украине прогнозировали дальнейшее развитие военного конфликта в юго-восточных регионах страны. И не потому, что это было трудно сделать, а потому, что им это было по большому счету не нужно. Их не интересовал масштаб и характер будущего конфликта — не это было целью их действий. Им важен был, во-первых, захват власти враждебными по отношению к России силами на Украине (не суть важно, кто они были — националисты, коммунисты, пацифисты, «демократы» и т. д.), а также создание очага напряженности на 2000 километровой границе с Россией.

Таким образом, можно сделать общий вывод: научный анализ и стратегический прогноз внутренних военных конфликтов и войн возможен и практически необходим, если в его основу положен анализ систем ценностей локальных цивилизаций и интересов (потребностей), прежде всего социальных слоев и групп, формирующих внутривнутриполитическую ситуацию в стране и реагирующих на неизбежное внешнее влияние.

Его следующей стадией будет анализ политических целей, возможностей (в т. ч. военных) и стратегии того или иного участника конфликта или войны, а также неизбежны рекомендации ответных действий. Этот анализ и рекомендации будут плотно взаимосвязаны с прогнозом (текущим и долгосрочным) развития стратегии участника и того или иного сценария развития СО. В частности, если речь идет о войне в Сирии, то возможен самый общий прогноз развития СО, вытекающий из сопоставления в соотношении сил.

Вряд ли целесообразно пытаться прогнозировать конкретные последствия, в т. ч. во-

Корреляция между максимальными за 1960–2005 гг. темпами прироста численности городской молодежи (% за пятилетие) и интенсивностью внутренних насильственных конфликтов

		Интенсивность внутренних насильственных конфликтов (1960–2005 гг.)		
		1 (низкая, <500 погибших)	2 (средняя и высокая, 500–100 000)	3 (очень высокая, >100 000)
Максимальные за 1960–2005 гг. темпы прироста численности городской молодежи (% за пятилетие)	0 (Очень низкие, <15%)	8 88,9%	1 11,1%	0
	1 (Низкие, 15–20%)	3 60,0%	2 40,0%	0
	2 (Средние, 20–30%)	14 53,8%	12 46,2%	0
	3 (Высокие, 30–45%)	14 26,4%	26 49,1%	13 24,5%
	4 (Очень высокие, >45%)	0	18 52,9%	17 47,1%

Примечания: $\rho = 0,59$ ($\alpha < 0,0001$); $\gamma = 0,74$ ($\alpha < 0,0001$). Оценка темпов прироста численности городской молодежи была произведена нами на основе базы данных ООН (UN Population Division 2010); данные здесь приводятся с разрывом в пять лет; это обстоятельство обусловило выбор нами пятилетних отрезков истории соответствующих стран в качестве единицы сравнения.

енные, развития той или иной стратегической или внутривойсковой ситуации: это сделать не только трудно, но и вряд ли вообще нужно. Так, результаты использования ВС, как показывает история, всегда трудно предсказуемы. Даже если известно заранее соотношение сил и других возможностей противоборствующих сторон. Слишком много переменных, которые могут решительно повлиять на исход войны или конфликта.

Другое дело, что необходим стратегический прогноз развития ВПО и СО в самых общих тенденциях и последствиях. Такие прогнозы обязательны: зачем начинать войну, не будучи уверенным в ее победе и не зная заранее, что от нее получишь в политическом и экономическом плане? Так, после освобождения крестьян от крепостной зависимости в 60-е и 70-е годы XIX века произошли тысячи бунтов и восстаний, которые пытались предотвратить реформаторы своими реформами, однако прогноз их развития по отдельности был бы невозможным, а в целом ожидаем.

Кроме фундаментальных причин — ценностных противоречий и противоборства интересов — существует в последнее время немало глобальных, общечивилизационных причин, способных привести к обострению внутренних конфликтов и даже войнам. Эти новые вызовы и угрозы в конечном счете связаны с растущим влиянием человека на природу, в т. ч. процессами глобализации, идущими в мире.

Очевидно, что необходим постоянный мониторинг и анализ влияния этих процессов на внутренние конфликты в мире. Так, например, стремительно нарастающая нехватка пресной воды и рост ее потребления неизбежно ведут не только к обострению международных отношений, но и усилению борьбы за водные ресурсы внутри самих государств. Или попыткам внешних сил активизировать эту борьбу, переводя ее в вооруженную фазу.

Таким образом, неизбежен вывод, что в XXI веке нередко причинами вооруженных внутренних конфликтов последних десятилетий становились явления, вызванные глобализацией,

демографией и другими вполне объективными реалиями. Так, российские исследователи, например, обнаружили корреляцию между ростом численности молодежи и интенсивностью конфликтов.

На сегодняшний день достаточно статистических данных для анализа внутренних вооруженных конфликтов XX века, которые могут дать определенный материал для построения стратегических прогнозов. При этом принципиально важно, чтобы в основе таких прогнозов лежали качественные оценки, а не «голая» статистика. Необходимо также ясно понимать, что долгосрочное государственное и оборонное

планирование невозможно без сколько-нибудь серьезных усилий в области стратегического прогнозирования сценариев возможного развития внутренних военных конфликтов и войн. Напомним, что в 1980-е годы такие внутренние конфликты и войны не только не прогнозировались, но даже усомниться во внутривнутриполитической стабильности или будущем ОВД и СЭВ считалось преступлением. Поэтому когда в конце 1980-х годов начался бурный рост конфликтов и численности незаконных вооруженных формирований, страна и ее руководство оказались абсолютно не готовыми к такому развитию событий.

3.2. Некоторые методики анализа и стратегического прогноза внутренних войн и военных конфликтов

Смысл военной реформы в рамках «новой теории войны» информационной эпохи состоит в одном: создании мощной и всеобъемлющей сети, которая концептуально заменяет собой ранее существовавшие модели и концепции военной стратегии, интегрирует их в единую систему¹¹.

К. Мямлин

Существует немало методик, использование которых позволяло анализировать состояние ВПО, вооруженных сил и даже делать прогноз возможных будущих военных угроз. К их числу прежде всего следует отнести анализ развития ВС, ВиВТ, основанный на информации, полученной легальными и нелегальными средствами. По сути дела, этот способ оставался долгие годы единственной возможностью прогнозировать будущее состояние ВС, ВиВТ потенциального противника.

В настоящее время он также доминирует и остается главным методом для анализа и подготовки ответных действий, даже с учетом тех революционных изменений, которые произошли в области информатики в последние десятилетия. «Анализ опыта войн и вооруженных конфликтов современности убедительно свидетельствует, что в последние годы парадигма ведения военных действий по своему содержанию подверглась кардинальным, поистине революционным, изменениям. И связаны эти изменения, прежде всего, с бурным развитием электроники, появлением принципиально новых информационных технологий и созданием на их основе новых средств разведки, управления и ведения вооруженного противоборства.

В совокупности все это привело к существенной трансформации в технологии управления войсками.

В связи с этим в конце XX — начале XXI веков практически во всех армиях мира стали появляться новые стратегические концепции и доктрины, определяющие общую идеологию вооруженного противоборства в новую, «информационную эпоху». Одной из наиболее известных таких концепций является концепция «сетевидной войны». Ее суть заключается в предоставлении каждому участнику боевых действий актуальной боевой информации, позволяющей более глубоко понимать обстановку, принимать адекватные ей упреждающие противника решения и организовывать их незамедлительное исполнение. Другими словами, сегодня с противником необходима «игра на опережение»: опережение в разведке, в принятии решений, в действиях войск, то есть во всем, что составляет суть вооруженной борьбы¹².

Все это выдвинуло новые требования не только к личному составу войск, но и к их вооружению и техническому оснащению. На этом фоне военные специалисты многих стран стали проектировать и создавать принципиально новые инновационные средства разведки, уп-

Структура информационно-технического комплекса «Солдат – боевые системы»

Рис. 3.¹³

правления, поражения и обеспечения, интегрированные в единую, основанную на новых технологических решениях, информационно-управляющую среду. Одним из таких проектов стала реализуемая с середины 90-х годов XX века американская государственная целевая программа Future Combat System, направленная на создание новых перспективных образцов вооружения и военной техники, способных удовлетворить требованиям, выдвинутому новой «сетевцентрической» идеологией организации вооруженного противоборства.

Помимо США, аналогичными разработками занимаются и в армиях других зарубежных государств. Активную позицию в данной области занимают и вооруженные силы России, Украины, Казахстана, Азербайджана и ряда других стран. Все эти проекты неоднократно рассматривались в различных военно-теоретических изданиях, обсуждались на военно-научных конференциях и демонстрировались на многочисленных выставках вооружения и военной техники. Поэтому в рамках доклада останавливаться на них мы не будем, отметив лишь то, что все они по своему функциональному предназначению направлены на повышение боевой ситуационной осведомленности, ускорение получения, обработки и передачи информации, придание каж-

дому военнослужащему новых боевых качеств и предоставление тактических преимуществ.

Следует отметить, что не остались в стороне от мировых тенденций и мы. Сегодня по инициативе Государственного военно-промышленного комитета Республики Беларусь ОАО «Агат — системы управления» управляющая компания холдинга «Геоинформационные системы управления» совместно с другими предприятиями военно-промышленного комплекса реализует целевую ОКР по созданию нового отечественного перспективного информационно-технического комплекса «Солдат — боевые системы» (далее — комплекс).

По замыслу заказчиков, данный комплекс должен представлять собой интегрированную совокупность средств разведки, управления, прицеливания, поражения, энергоснабжения и жизнеобеспечения, позволяющих существенно повысить боевые возможности военнослужащих, их живучесть, взаимодействие и координацию действий в бою. Структура комплекса представлена на рисунке (рис. 3).

В настоящее время, в соответствии с замыслом проведения ОКР, определен состав базового комплекта комплекса, планируемого к оснащению каждого военнослужащего отделения и сопрягаемого с ним дополнительного оборудования (рис. 4).

Состав базового комплекта информационно-технического комплекса «Солдат – боевые системы» и сопрягаемого с ним оборудования

Рис. 4.¹⁴

Для повышения эффективности боевого применения тактических подразделений большое значение имеет система управления. Чтобы ее усовершенствовать, в первую очередь было необходимо создать портативный многофункциональный прибор, обеспечивающий прием и передачу данных, ориентирование и топогеодезическую привязку, соединение с внешними оконечными устройствами и работу в локальной сети системы управления своего подразделения и в сети системы управления тактического звена в целом. По мнению разработчиков, общая боевая эффективность солдата при оснащении его

средствами управления с учетом сбалансированного развития остальных компонентов информационно-технического комплекса «Солдат — боевые системы» может возрасти до 1,5 раз¹⁵.

Реализуемые в настоящее время в России многочисленные попытки долгосрочного прогноза — от инновационного и социально-экономического до отраслевого и регионального — должны учитывать, безусловно, прогноз возможного развития различных внутривнутриполитических сценариев. В том числе внутренних военных конфликтов и войн, навязываемых извне. В Федеральном законе «О стратегическом пла-

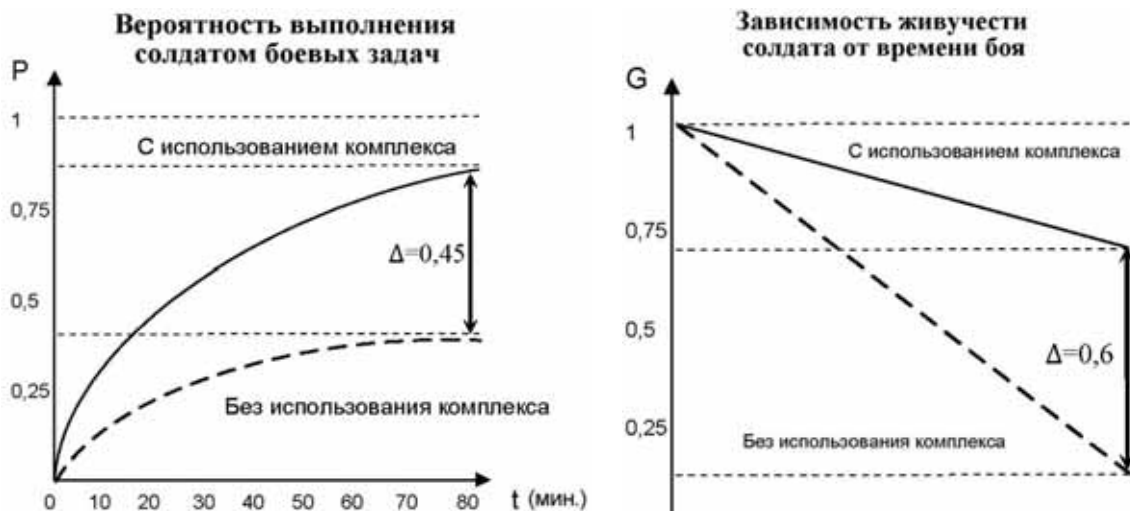

Рис. 5.¹⁶

нировании в Российской Федерации», принятом в июне 2014 года (№ 172-ФЗ), в частности, говорится: «Стратегия национальной безопасности» «содержит оценку текущего состояния и оценку угроз национальной безопасности Российской Федерации на долгосрочный период»¹⁷. Поэтому оценка, анализ и прогноз внутренних и внешних военных угроз, войн и конфликтов справедливо относится не к «Военной доктрине РФ», а к «Стратегии национальной безопасности».

В этой связи полезен опыт Евросоюза, который специально занимается оценкой рисков и угроз, их прогнозированием и подготовкой адекватных ответных мер по их нейтрализации. В такой работе специальное внимание уделяется, например, матрице рисков, мерам по управлению рисками, координации общих усилий по предотвращению и снижению рисков. Как справедливо отмечается в специальном докладе ЕС, посвященного этой проблеме, «когда риски будут проанализированы с некоторой степенью детализации, будет возможно нарисовать карты рисков в качестве одного из результатов их оценок. Карты рисков позволяют достичь такого уровня прозрачности, который может помочь привлечь к участию все заинтересованные действующие лица в обществе».

Оценка и картирование рисков помогают обеспечить распределение приоритетов при принятии политических решений таким образом, чтобы учесть самые тяжелые риски в плане выбора наиболее подходящих мер по их предотвращению и подготовке к ним, что может также стать инструментом укрепления общественной солидарности.

Оценки рисков имеют дело с неопределенностью и вероятностями, становятся объектами рациональных дискуссий об уровнях риска, которые страны-члены и даже весь Евросоюз могут посчитать приемлемыми при рассмотрении затрат, связанных с мерами по предотвращению и предупреждению рисков и их последствий¹⁸. В частности, в докладе описывается методика, в которой риски, конфликты и их последствия оцениваются с точки зрения их экономического значения (кстати, это нередко наблюдалось и при оценке последствий войны на Украине не только западными и украинскими, но и российскими экспертами). «Воздействия следует рассматривать в краткосрочной и среднесрочной перспективе — считают авторы доклада. — При наличии количественного определения воздей-

ствия можно выразить в сегодняшнем значении (таком, как чистая текущая стоимость).

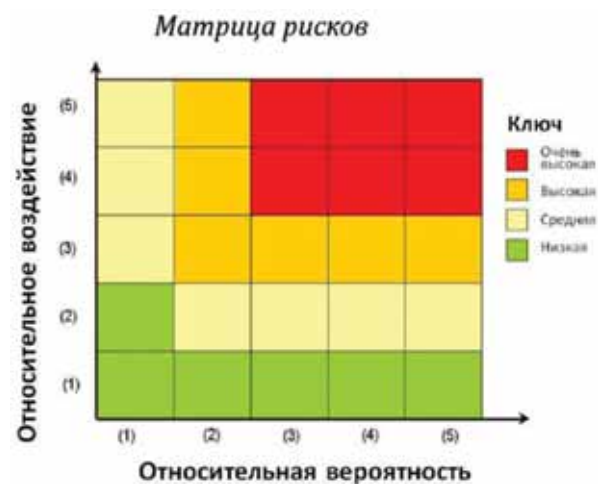

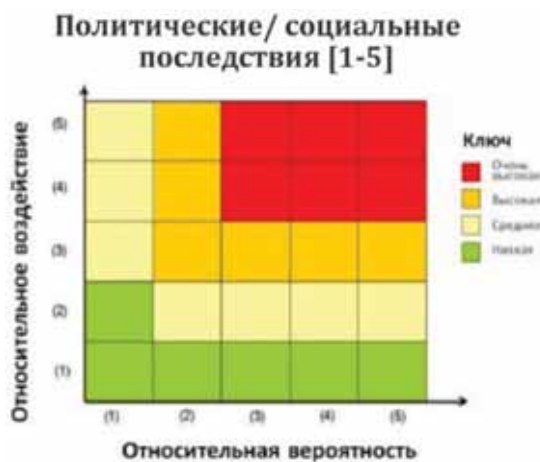
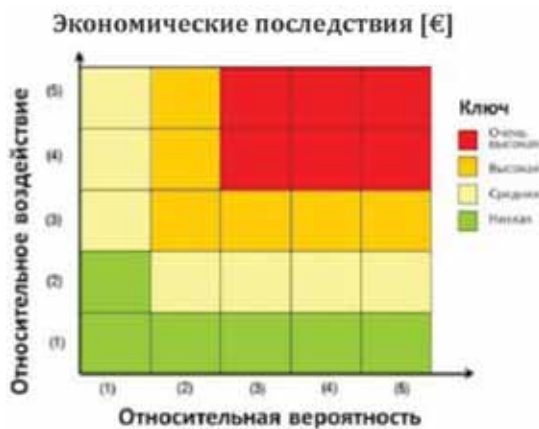
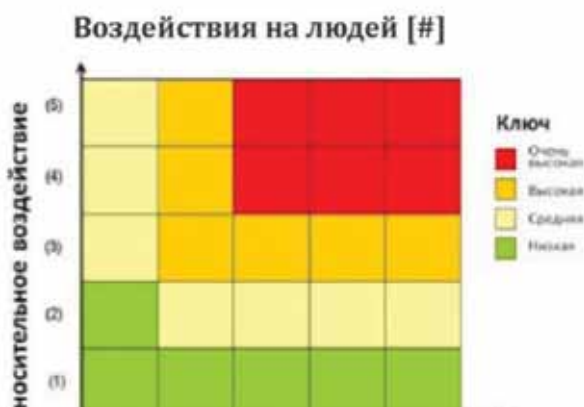
Рис. 6.¹⁹

Матрица рисков связывает в двух измерениях вероятность и воздействие и является сравнительным графическим представлением различных рисков. Она используется как инструмент наглядного представления при определении множественных рисков для облегчения сравнения различных рисков. Матрицы рисков также используются для того, чтобы помочь определить, какие риски нуждаются в дальнейшем или более детальном анализе, или какие из них считаются широко приемлемыми или неприемлемыми, в зависимости от зоны матрицы, на которой они находятся. Используемая для этого шкала может иметь пять и более пунктов. Матрицу можно представить так, чтобы придать большее значение или воздействию, или вероятности. Матрица может быть также и симметричной.

Внутри каждой категории воздействия (на людей, на экономику/окружающую среду, политического/социального воздействия) следует оценить по шкале относительную важность используя единый набор критериев для оценки по шкале относительной вероятности и относительного воздействия, применимых к различным угрозам или сценариям рисков. В частности, воздействие на людей должно измеряться в числе пострадавших, а воздействие на экономику и окружающую среду следует измерять в евро. Политическое/социальное воздействие можно измерять по качественной шкале, состоящей из пяти классов, например: (1) ограниченное/незначительное, (2) малое/значительное, (3) среднее/

серьезное, (4) значительное/очень серьезное, (5) катастрофическое/разрушительное. Следует составлять отдельные матрицы рисков для воздействия на людей, на экономику и окружающую среду, а также для политического/социального воздействия, поскольку эти категории измеряются по раздельным шкалам и в противном случае их будет очень трудно сравнивать между собой²⁰.

Пример матрицы рисков с разбивкой по видам негативных воздействий

Матрицы рисков могут использоваться на всех этапах оценки рисков. Для целей данных руководящих правил простое сравнение нескольких рисков в одной матрице не называется многорисковым анализом²¹.

В начале процесса оценки риска следует совершить три основных предварительных шага, осуществив: 1) выбор одинаковой целевой зоны (национальный); 2) выбор одинакового временного окна (краткосрочное); 3) определение одинаковой метрики для риска (измерение воздействия). После того, как эти три шага будут сделаны, мы можем начинать определение риска.

Определение риска — это процесс обнаружения, распознавания и описания рисков. Это работа по сканированию, которая служит предварительным шагом для последующего этапа анализа риска. Анализ риска — это процесс понимания природы риска и определения уровня риска. Оценка риска — это процесс сравнения результатов анализа риска с критериями риска для определения того, является ли риск и/или его сила приемлемой или терпимой²².

Действительно, проведенное исследование показывает, что для периода 1960–2005 гг. вероятность возникновения сколько-нибудь кровопролитных внутривнутриполитических конфликтов в странах с очень низкими (менее 15% за пятилетие) темпами прироста численности городской молодежи была крайне низкой. Для стран, где эти темпы достигли средних значений (20–30% за пятилетие), вероятность возникновения таких конфликтов уже оказывалась близкой к 50% (т. е. практически один шанс из двух); однако даже для этой группы стран в рассматриваемый период не засвидетельствовано ни одного особенно кровопролитного внутривнутриполитического потрясения.

Для стран с высокими (30–45% за пятилетие) темпами прироста численности городской молодежи вероятность полностью избежать значительных внутривнутриполитических потрясений падает уже до очень низкого уровня (порядка одного шанса из четырех). И при этом появляется достаточно высокая (также порядка одного шанса из четырех) вероятность возникновения особенно кровавых гражданских войн», — делают выводы авторы.

Внутриполитические потрясения 1960–2005 гг., приведшие к особо многочисленным (>100 тыс.) человеческим жертвам

№	Страна	Год начала события	Год окончания	Событие	Число жертв
1	Алжир	1992	2002	Восстание исламистов, гражданская война	~100 000
2	Ангола	1975	2002	Гражданская война	~550 000
3	Афганистан	1978	*	Афганская революция, гражданские войны (отягощенные иностранными интервенциями)	~1 800 000
4	Бангладеш	1971	1971	Война за независимость от Западного Пакистана	~1 250 000
5	Бирма/Мьянма	до 1960	*	Гражданские войны	~130 000
6	Босния и Герцеговина	1992	1995	Боснийская война	~175 000
7	Бурунди	1993	1993	Гражданская война, массовые убийства хуту и тутси (были убиты преимущественно хуту)	~200 000
8	Вьетнам	1965	1973	Гражданская война в Южном Вьетнаме при вмешательстве США и Северного Вьетнама	~1 700 000
9	Гватемала	1960	1996	Гражданская война	~200 000
10	ДРК (Заир)	1960	1965	Конголезский кризис	~100 000
		1998	2009	Гражданские войны	~3 800 000
11	Индонезия	1965	1966	Попытка переворота, массовые казни	~400 000
12	Ирак	1961	*	Восстания курдов — на севере, шиитов — на юге, политические потрясения 2000-х гг.	~100 000
13	Иран	1978	1979	Исламская революция	
14	Йемен	1962	1970	Гражданская война	~100 000
15	Камбоджа	1970	1991	Гражданские войны и их последствия	~2 500 000
16	Китай	1966	1969	«Культурная революция»	От 2 000 000 до 7 000 000
17	Лаос	1960	1973	Гражданская война в рамках Второй индокитайской войны	От 70 000 до 250 000

№	Страна	Год начала события	Год окончания	Событие	Число жертв
18	Либерия	1989	1997	Гражданские войны: правительство против Национального патриотического фронта	~150 000
19	Ливан	1975	1990	Гражданская война, осложненная многочисленными случаями иностранной интервенции	– 150 000
20	Мозамбик	1975	1992	Гражданская война	~1 000 000
21	Нигерия	1966	1970	Переворот, попытка отделения провинции Биафра	от 600 000 до 1 000 000
22	Руанда	1994	1994	Гражданская война, массовые убийства хуту и тутси (были убиты преимущественно тутси)	~937 000**
23	Сомали	1991	*	Хаос, анархия, гражданская война	~400 000**
24	Судан	1955	1972	Гражданская война	~500 000
		1983	*	Гражданская война	~1 900 000
		2003	*	Дарфурский конфликт	От 70 000 до более 180 000
25	Уганда	1979	1986	Гражданские войны	~300 000**
26	Филиппины	С 1972	*	Война с партизанами	от 50 000 до 150 000
27	Чад	1965	1997	Гражданские войны	от 50 000 до 100 000
28	Эритрея	1962	1992	Война за отделение от Эфиопии и внутренние конфликты	~1 400 000
29	Эфиопии	1962	1992	Переворот Менгисту Хайле Мариаме, свержение монархии, гражданские войны	~1 400 000 ¹

События не завершены, кровопролитие в той или иной мере продолжается.

Источники: Bercovitch, Jackson 1997; Clodfelter 1992; Crowder, Fage, Oliver 1986; Lorraine 1995; Palmowski 1997; ProjectPloughshares 2008; Rummel 1994; Small, Singer 1982; Totten 1997; Wallechinsky 1995; White 2010a; 2010b.

¹ Общее число жертв в Эфиопии и Эритреи в 1962–1992 гг.

3.3. Взаимосвязь внешнего и внутреннего военного конфликта в XXI веке

Мы обществу нужны как люди, которые куда-то интегрированы, вписаны в какую-то ячейку. Чаще всего с нами общаются не как с личностями, а как со статусами²³.

*А. Маслов,
профессор*

... политика «Восточного партнерства», замысленная... как вытеснение влияния России в западной части постсоветского пространства, с неизбежностью втянула Евросоюз в конкурентную геополитическую борьбу²⁴.

*Д. Ефременко,
политолог*

В XXI веке окрепли и устойчиво развиваются взаимосвязи между внешними и внутренними войнами и конфликтами, которые существовали и прежде, но которые не носили столь системного и структурированного характера. Известно, например, что Англия активно участвовала в убийстве Павла I для того, чтобы изменить внешнеполитическую ориентацию России, в будущей войне с Францией, на антифранцузскую. В ходе Первой мировой войны финансирование Германией большевиков способствовало подготовке революции и выходу из войны России в 1918 году на выгодных для Берлина условиях.

Главная военно-политическая особенность современных и будущих войн и конфликтов заключается в их стремительной «социализации», превращении из межгосударственных в межобщественные, даже межнациональные конфликты и наоборот. Война из государственной прерогативы постепенно перешла практически на уровень правительственных «связей с общественностью», СМИ и институтами гражданского общества. Поэтому она начинается не только как прежде — с объявления государствами войны и начала военных действий, — а с формирования общественного мнения, специальных операций и активного внешнеполитического (информационного и финансового) вмешательства.

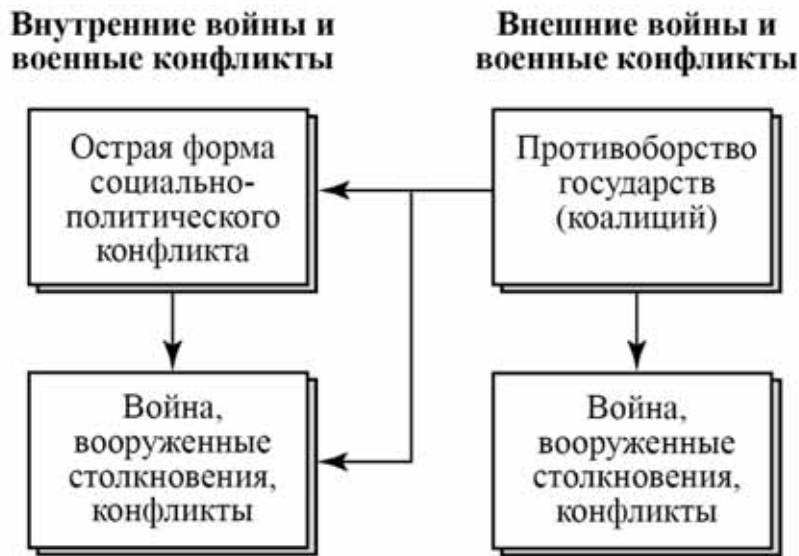
В этом смысле внутренние войны и конфликты являются продолжением не только политики вообще, но и внешней политики, в частности. Более того, необходимые для этого средства вооруженной борьбы также создаются и производятся, исходя из этой взаимосвязи внешней и внутренней политики. Именно поэтому В. Путин говорил осенью 2014 года о том, что «перспективная программа вооружений (до

2025 года) должна учитывать положение всех основных документов стратегического планирования»²⁵.

Внутренний вооруженный конфликт — приходится подчеркнуть особо, — как одна из форм разрешения социально-политических противоречий, в XXI веке постепенно трансформировался по сути в один из вариантов (одну из форм) внешнего военного конфликта. Это произошло в силу целого ряда причин, но, прежде всего, из-за резкого увеличения рисков межгосударственных военных конфликтов и стоимости их издержек, что сделало внутренний военный конфликт по сути продолжением (а иногда и заменой) внешнего противоборства. Этот переход в XXI веке совпадает с процессом, когда (как и во внешних войнах), решающую роль в военной победе играют определенные виды и системы ВиВТ, прежде всего, системы боевого управления, связи и разведки, а также ВТО, то есть разница в использовании ВиВТ для «внутренних» и «внешних» нужд фактически исчезает. Так, на Украине в 2014 году против повстанцев использовались такие системы, как «Ураган» и «Точка У». Это позволило ряду ученых сделать вывод о том, что «в современных условиях чрезвычайно важно осуществлять достоверный прогноз наиболее перспективных разработок в области:

- систем разведки и зондирования земной и водной (подземной, подводной) поверхностей;
- средств и способов информационного обеспечения автоматизированных систем управления войсками и оружием;
- систем радиоэлектронной борьбы, высокоточного оружия наземного, морского, воздушного и космического базирования;

Внешние и внутренние военные конфликты и войны (трансформация в середине XXI века)

- современных систем космической навигации на сухопутных и океанских театрах военных действий и на глобальном уровне;
- систем и средств аналоговой и цифровой (оптоволоконной) систем связи, обработки информации и радиолокации;
- создания принципиально новых видов боеприпасов, обладающих существенно большей поражающей способностью»²⁶.

Собственно внутренние военные конфликты сохраняются как форма противоборства, но становятся малоперспективными без внешней поддержки. Эту трансформацию можно изобразить на рисунке следующим образом.

Причем, как правило, трансформация внутреннего конфликта во внешний происходит незапланированно, даже вопреки воле участников конфликта, которые нередко не заинтересованы

Традиционные внешние и внутренние военные конфликты и войны в середине XXI века

в интернационализации конфликта и привлечении к участию в нем третьих стран по самым разным причинам:

- опасениям, что внешние участники будут преследовать свои собственные цели;
- вовлечении в конфликт международных сил и институтов;
- боязни потерять контроль над ситуацией и др.

В любом случае, следует признать, что «абсолютно внутренней» формы вооруженного конфликта или войны в XXI веке уже не существует: так или иначе (даже если этот конфликт не инспирирован извне, что бывает крайне редко) война и внутренний вооруженный конфликт превращаются в международные феномены. Одновременно на территории потенциально-го противника из гражданских лиц создаются структуры, которые позже должны принимать участие в силовых и, если надо, вооруженных действиях.

Соответственно, внутренний вооруженный конфликт или война могут быть разными формами международного противоборства и вооруженной борьбы, в которых используются все свойственные международному вооруженному конфликту средства и методы.

На стадии интернационализации вооруженного конфликта огромное значение имеют возможности и ресурсы страны не допустить внешнего вмешательства и перерастания конфликта в войну. Тем более, в войну с участием внешних сторон. Условно эти возможности и ресурсы можно назвать «полосой отсечения». Если государство обладает такими возможностями, то конфликт не переходит в международную фазу.

При всей схожести войн XXI века — от Афганистана и Ирака до Украины — существуют и качественные различия. Так, обладание потенциалом ПРО–ПВО Сирии не позволило США перейти «полосу отсечения». И, наоборот, слабость в этой области Ливии привела к военному поражению. В настоящее время два ключевых потенциала — СЯС и ВКО — гарантируют, что «полоса отсечения» не будет перейдена на глобальном уровне. Именно поэтому обладание этими потенциалами свидетельствует о существовании военно-стратегического равновесия и сдерживания. Поэтому их состояние и перспективы рассматриваются не столько в качестве условия победы в глобальной войне,

сколько как возможность недопущения «полосы отсечения».

Другая сторона проблемы заключается в экономическо-технологической взаимосвязи внешних и внутренних войн. Так, развитие военных возможностей в авиации зависит как от стремления государств сохранить военное равновесие в мире, так и от способности к опережающему технологическому развитию. «Технологическое лидерство», способность к «технологическим прорывам» не менее важны, чем военные возможности. Вместе с тем ни СЯС, ни даже эффективная ВКО не гарантируют от скрытого вмешательства и участия во внутреннем конфликте и войне.

Главный вывод, который следует из этих рассуждений, заключается в том, что внутренний вооруженный конфликт не может долгое время оставаться в своих границах ни по масштабам, ни по используемым средствам вооруженной борьбы. Этот конфликт на самом деле — лишь первый этап международного вооруженного конфликта либо полномасштабной войны, хотя в силу разного рода формальных (политических, правовых, медийных и иных) причин, их относят к внутренним конфликтам и войнам. Поэтому необходимо исходить из того, что используемые политические, экономические и военные средства будут соответствовать средствам, характерным для международных войн — от привлечения союзников и санкций до использования самых современных средств вооруженной борьбы.

Конфликт на Украине в 2014 году в значительной степени иллюстрирует эти тенденции: во многом украинский острый внутренний социально-политический кризис, переросший во внутренний вооруженный конфликт, был инспирирован долгой подготовкой извне, а острая форма внутреннего военного конфликта стала стремительно приобретать международные черты, вовлекая зарубежные государства. Эти тенденции требуют более внимательного отношения к природе внутреннего и внешнего конфликта и войн. В этой связи в качестве наиболее полного и одного из последних изложенных традиционных представлений о характере войн и конфликтов предлагается рассмотреть работу А. Герасимова «Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ», опубликованную в начале прошлого десятилетия. В частности, им приво-

дятся следующие данные, которые противоречат предлагаемым выводам: «С начала 1990 г. и по конец 1999 г. в мире произошло 118 вооруженных конфликтов, которые затронули 80 стран и два крупных региона и унесли жизни примерно шести миллионов человек. Из 118 вооруженных конфликтов десять можно четко определить как межгосударственные. Пять вооруженных конфликтов относятся к войнам за независимость, хотя и во многих других случаях участники считают свои конфликты именно таковыми. Сто войн были „в значительной мере“, „главным образом“ или „исключительно“ внутренними конфликтами. Эти данные приведены Отделением исследований мира и конфликтов Университета Упсалы, которые ежегодно публикуются в „Journal of Peace Research“»²⁷.

Вопрос, однако, заключается в том, что называть «вооруженными внутренними конфликтами» в XXI веке? Если речь идет об острой фазе социально-политического конфликта, переросшего в вооруженное восстание, то такой внутренний конфликт, может быть, и следует называть внутренним. Хотя, как мы знаем из истории большинства стран, за такими «революционными» внутренними силами часто стоят внешняя воля и финансовые ресурсы, а иногда и военная сила.

Если же речь идет об «абстрактном» внутреннем вооруженном конфликте, то вряд ли он может получить свое развитие без поддержки извне, ведь для этого нужно оружие, деньги, люди и т. д. Очень хорошо эту мысль иллюстрирует один из сценариев внутреннего вооруженного конфликта на Украине, подготовленный бывшим послом США на Украине С. Пайфером еще в 2009 году: «Вашингтон рассматривает Украину как страну „с внешним управлением“, пишет в выпуске за апрель 2009 (!) года украинского еженедельника 2000.net.ua известный политолог Владимир Корнилов.

В подтверждение он приводит свой анализ доклада бывшего посла США в Киеве Стивена Пайфера „Предупреждая кризис в Украине“, подготовленного для некоего Центра превентивного действия. Американские эксперты подтверждают, что Украина и все то, что там происходит, напрямую задевает американские интересы. Оказывается, Украина — это и плацдарм для будущего переустройства России. „Успешная Украина, надежно прикрепленная к Евроатлантическому сообществу, — откровенничает Пайфер, — смогла

бы предложить модель, которая сможет побудить Россию к укреплению демократии, так же, как отказаться раз и навсегда от любой идеи восстановления Российской империи“.

В докладе Пайфера те или иные действия относительно Украины открыто и недвусмысленно связываются с „национальными интересами США“, как пишет Корнилов. При этом Пайфер скрывает, что главную обеспокоенность у Штатов вызывает не то, что на Украине может разыгаться апокалиптический, кровавый сценарий (хотя это тоже не исключается), а то, что Украина будет не в состоянии сформулировать „внешнеполитический курс, с которым могло бы согласиться правительство США“. И, что самое ужасное, переориентируется „на курс, более сфокусированный на Москве!“²⁸

Иными словами, эксперты относят абсолютное большинство внутренних вооруженных конфликтов и войн к категории «чисто внутренних», а А. Герасимов делает еще более безапелляционный вывод, ссылаясь на данные Минобороны РФ: «По оценке Министерства обороны РФ, к концу XX века на планете насчитывалось 160 зон этнополитической напряженности, а 80 из них присуща вся атрибутика нерегулированных конфликтов. На состоявшейся в апреле 2000 г. совместной российско-натовской конференции представителей военных ведомств и ученых в сфере международного права отмечалось, что с рубежа 1990-х гг. начинается новый виток в истории внутренних вооруженных конфликтов. Они становятся доминирующими в международной практике. В ряде случаев требуется участие международного сообщества для их локализации, в том числе миротворческих сил»²⁹.

Думается, что есть все основания оспорить этот вывод. И не только потому, что он был сделан на совместной с НАТО конференции, а потому, что он, по сути, неверен. Внутренние вооруженные конфликты действительно становятся доминирующими в международной практике, но не потому, что они внутренние, а потому, что их основное место разворачивания — отдельные страны. Происходит экстраполяция, перенос международных противоречий и противоборства на внутреннюю почву. Искусственно разжигаются существующие всегда внутривнутриполитические проблемы до стадии конфликта, а затем этот социальный конфликт превращается во внутреннюю войну.

3.4. Вероятный характер внутренних войн и военных конфликтов к 2030 годам XXI века: современные представления и прогноз

Для того, чтобы не допускать превращения конфликтов в вооруженные, а если это все же произошло, уметь завершать их как можно скорее и создавать максимальные гарантии их невозобновления после достижения урегулирования, необходимо глубоко осознать причины и природу внутренних вооруженных конфликтов³⁰.

А. Герасимов,
профессор

Документы стратегического планирования разрабатываются в рамках целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования...³¹.

ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации»

В целях обеспечения национальной безопасности в приоритетном порядке необходимо анализировать внешние и внутренние угрозы, ведущие к обострению внутривнутриполитической и социально-экономической ситуации в России. Опыт СССР показал в очередной раз, что развал политической, экономической и государственной системы возможен не в результате успешных военных действий извне, а как следствие обострения внутривнутриполитической ситуации и превращения ее в вооруженный внутренний конфликт.

В статье А. Герасимова сделана попытка кратко очертить «существующие знания о сущности и причинах внутренних вооруженных конфликтов». Теоретическая база этого знания ограничена, — справедливо считает автор, — но чрезвычайно важна. Ограничена она в том смысле, что не предлагает какого-либо обобщенного объяснения понятия внутреннего конфликта, но при чрезвычайной сложности и неоднозначности самого явления это вряд ли вызовет удивление. С другой стороны, теория важна, потому что может подсказать, где нам искать признаки эскалации насилия, а также пути предотвращения такой эскалации. Вместе с тем в данной статье главное не теория, а методология изучения и анализа внутреннего вооруженного конфликта³².

Обращают на себя внимание некоторые исследования, посвященные сетевидной войне, где взаимосвязь внешнего и внутреннего конфликтов показана как очень логичный политический процесс. В частности, Кирилл Мямлин пишет: «На появление первых концепций „сетевидных войн“ повлияли изменения в разных секторах американского общества —

в экономике, бизнесе, технологиях и т. д. Можно выделить три направления трансформаций, которые легли в основу этих концепций:

- перенос внимания от концепта „платформы“ к „сети“;
- переход от рассмотрения отдельных субъектов (единиц) к рассмотрению их как части непрерывно адаптирующейся экосистемы;
- важность осуществления стратегического выбора в условиях адаптации и выживания в изменяющихся экосистемах.

В военно-стратегическом смысле это означает:

- переход от отдельных единиц (солдат, батальон, часть, огневая точка, боевая единица и т. д.) к обобщающим системам;
- рассмотрение военных операций в широком информационном, социальном, ландшафтном и иных контекстах;
- повышение скорости принятия решений и мгновенная обратная связь, влияющая на этот процесс во время ведения военных операций или подготовки к ним.

Целью перехода к сетевидным военным моделям являются:

- обеспечение наличия союзников и друзей;
- внушение всем мысли об отказе и бессмысленности военной конкуренции с США;
- предупреждение угроз и агрессивных действий против США, а если до этого дойдет дело, то быстрая и решительная победа над противником.

А достигаться это должно через конкретные преимущества, которые дает сетевидный подход:

- лучшая синхронизация событий и их последствий на поле боя;

- достижения большей скорости передачи команд;
- повышение жертв среди противников, сокращение жертв среди собственных войск и рост личной ответственности военных во время проведения военной операции и подготовки к ней»³³.

Действительно, ясного описания характера внутреннего конфликта и войны нет. Применительно к реалиям XXI века и потребностям военной политики мы видим существенные изменения в характере внутренних конфликтов и войн, которые позволяют нам говорить об их качественной эволюции. Соответственно, радикально меняются и представления о военной организации государства (ВОГ), прежняя структура которого уже не отражает реалий³⁴.

Нормальное развитие социального конфликта предполагает, что каждая из сторон способна учитывать интересы противостоящей стороны. Такой подход создает возможность сравнительно мирного развертывания конфликта с помощью переговорного процесса, и внесения корректив в предшествующую систему отношений в направлении и масштабах, приемлемых для каждой из сторон.

Однако нередко бывает так, что сторона, инициирующая конфликт, исходит из негативной оценки предшествующего положения дел. Она декларирует лишь свои собственные интересы, не принимая во внимание интересы противоположной стороны. Противостоящая сторона вынуждена в этом случае предпринимать особые меры для защиты своих интересов, которые воспринимаются и интерпретируются инициатором конфликта как стремление защитить status quo. В результате этого обе стороны могут претерпеть определенный ущерб, который относится на счет противостоящей стороны в конфликте³⁵.

Такая ситуация чревата применением насилия: уже на начальной стадии конфликта каждая из сторон начинает демонстрировать силу или угрозу ее применения. В этом случае конфликт углубляется, так как силовое воздействие обязательно встречает противодействие, связанное с мобилизацией ресурсов сопротивления силе. Насилие создает вторичные и третичные факторы углубления конфликтной ситуации, которые подчас вытесняют из сознания сторон исходную причину конфликта. Это хорошо видно на примере развития конфликта на Украине, где была

использована реально существующая ситуация фактического сосуществования нескольких территорий и наций, которые искусственно оказались в одном государстве.

Чем большее стремление к применению силы наблюдается в конфликте, тем вероятнее переход одной из сторон к практическому применению силы, вначале в демонстративных целях или ограниченных масштабах вплоть до использования средств вооруженной борьбы. Таким образом, основные этапы или стадии конфликта могут быть резюмированы следующим образом:

- исходное положение дел; интересы сторон, участвующих в конфликте, степень их взаимопонимания;
- иницирующая сторона, причины и характер ее действий;
- ответные меры, степень готовности к переговорному процессу, возможность нормального развития и разрешения конфликта — изменения исходного положения дел;
- отсутствие взаимопонимания, т. е. понимания интересов противоположной стороны;
- мобилизация ресурсов в отстаивании своих интересов;
- использование силы или угрозы силой (демонстрации силы) в ходе отстаивания своих интересов³⁶.

Другой подход структурирует собственно процесс развертывания социального, и, в частности, политического конфликта на основе выявления возможных форм его протекания. Придерживаясь этого подхода, профессор Б.И. Краснов выделяет шесть стадий конфликта³⁷. С его точки зрения, для первой стадии политического конфликта характерно сформировавшееся отношение сторон по поводу конкретного противоречия или группы противоречий³⁸. Второй фазой конфликта является определение стратегии противостоящими сторонами и форм их борьбы для разрешения имеющихся противоречий, с учетом потенциала и возможностей применения различных, в том числе и насильственных средств, внутренней и международной ситуации. Третья стадия связана с вовлечением в борьбу других участников через блоки, союзы, договоры. Четвертая стадия — нарастание борьбы, вплоть до кризиса, охватывающего поэтапно всех участников с обеих сторон и перерастающего в общенациональный. Пятая стадия конфликта — переход одной из сторон к практическому применению

Нетрудно заметить, что автор этого подхода рассматривает вооруженный конфликт как одну из форм протекания политического конфликта. Ограниченность этого подхода проявляется в абстрагировании от двух важнейших аспектов: от предконфликтных условий и от послеконфликтной стадии развития политических отношений. На наш взгляд, методологически более ценным для анализа природы внутренних вооруженных конфликтов является подход, учитывающий оба отмеченных аспекта.

Соотношение понятий «военный конфликт», «вооруженный конфликт» и «война» в современной военной теории вызывает дискуссию. Очевидно, что социальные конфликты могут проходить с применением или без применения насилия. Но различают вооруженное насилие и насилие вообще. Считается, что вооруженный конфликт существует тогда, когда применяется военная сила. За последние годы появилось много понятий, связанных с применением военной силы. В частности, в современной научной

литературе, документах и материалах ООН для классификации событий в той или иной стране (регионе) используются понятия: война (гражданская, национально-освободительная, локальная, региональная), конфликт (вооруженный, военный, межнациональный, этнополитический, конфессиональный) и т. п.⁴⁰ Использование этих понятий в качестве синонимов создает предпосылки для искажения смысла и затрудняет адекватность восприятия характера обозначаемых ими социальных явлений, — справедливо отмечает А. Герасимов.

С точки зрения политической практики насилие и вооруженное насилие очень точно характеризуются в информационной войне, где практически невозможно провести разницу между этими силовыми формами.

Как видно из приведенного рисунка (рис. 7), одна и та же информационная борьба (война) реализуется в двух формах, которые условно отличны друг от друга. Однако с точки зрения функциональной — победы в войне — между

Структура современной информационной войны (вариант).

Рис. 8.⁴²

ними нет разницы. Более того, многие закономерности, принципы и признаки характерны для общих форм. Так, усиление значения обеих форм борьбы в войнах и конфликтах стало общепризнанным. В военном конфликте на Украине в 2014 году общепризнанным было полагать, что информационные результаты военных действий были важнее реальных по-

бед, а объекты обеспечения информационной войны (радио- и телестудии, передатчики, контент, связь и т. д.) признавались нередко более важными, чем ВиВТ.

В соответствии с такими приоритетами стремительно росло и значение информационного оружия, которое российские эксперты систематизировали следующим образом (рис. 8).

3.5. Внутренняя война и вооруженный конфликт: современное состояние и перспектива эволюции

... аморальная политика рано или поздно оборачивается против ее авторов⁴³.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО*

Обновление модели экономического роста неизбежно требует и влечет за собой поиск соответствующей модели роста внешнего проецирования интересов Китая...⁴⁴.

*В. Воробьев,
Посол РФ*

В военной доктрине России четко различаются такие понятия, как «военный конфликт», «вооруженный конфликт», «локальная война», «региональная война» и «крупномасштабная война». Целесообразно привести эти определения так, как они даются в официальном документе⁴⁵:

- г) военный конфликт — форма разрешения межгосударственных или внутрисоюзных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты);
- д) вооруженный конфликт — вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт);
- е) локальная война — война между двумя и более государствами, преследующая ограниченные военно-политические цели, в которой военные действия ведутся в границах противоборствующих государств и которая затрагивает преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие);

- ж) региональная война — война с участием двух и более государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными вооруженными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения, на территории региона с прилегающими к нему акваториями и в воздушном (космическом) пространстве над ним, в ходе которой стороны будут преследовать важные военно-политические цели;
- з) крупномасштабная война — война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны будут преследовать радикальные военно-политические цели. Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны с вовлечением значительного количества государств разных регионов мира. Она потребует мобилизации всех имеющихся материальных ресурсов и духовных сил государств-участников.

Большинство политологов и военных специалистов считает, что грань между войной и вооруженным конфликтом условна. С этим можно согласиться. Но имеется ряд существенных критериев, позволяющих определить различия между ними, а также место и роль каждого из этих социальных явлений в общественной

жизни. Поэтому интересно и полезно попытаться глубже рассмотреть суть этих явлений, что и сделал российский исследователь А. Герасимов, рассуждения которого в докладе берутся за основу⁴⁶.

Во-первых, война обуславливается наличием коренных противоречий — экономических, политических и ведется с решительными целями. Разрешение противоречий с помощью военной силы вызвано осознанием и потребностью реализации жизненно важных интересов общества, государства. Поэтому в войне всегда присутствует организационное начало. В вооруженном конфликте, как правило, на первый план выдвигаются национально-этнические, клановые, религиозные и другие, производные от основных интересы и вызванные ими противоречия. Вооруженные конфликты могут принимать форму стихийных или преднамеренно организованных восстаний, мятежей, военных акций и инцидентов, в зависимости от того, кому принадлежат «конфликтные» интересы, кто является их носителем.

Во-вторых, война ведет к качественному изменению состояния всей страны и вооруженных сил. Многие государственные институты начинают выполнять специфические функции. Усиливаются централизация власти, концентрация всех сил страны, перестраиваются экономика и весь быт общества для достижения победы. Производится полная или частичная мобилизация вооруженных сил и экономики. Вооруженный конфликт, в отличие от войны, в основном определяет состояние вооруженных сил или их части. Боевые действия, как правило, ведутся частью боевого состава войск мирного времени.

В-третьих, в войне применяются соответствующими институтами государства все формы борьбы — политическая, дипломатическая, информационная, экономическая, вооруженная и др., а в вооруженных конфликтах стороны могут ограничиться вооруженными столкновениями, порою стихийными, хотя не исключается организованное применение ими других форм противоборства, в первую очередь — информационного.

В-четвертых, с юридической точки зрения войне присущи такие признаки как формальный акт ее объявления (этого требует Гагская конвенция 1907 г.); разрыв дипломатических отношений между воюющими государствами

и аннулирование договоров, которыми регулировались мирные отношения этих государств; введение военного положения (чрезвычайного положения) на территории воюющих государств (или ее части) и ряд других⁴⁷.

Таким образом, вооруженный конфликт не содержит основных признаков, присущих войне, как особому состоянию общества, а также необходимых правовых критериев, определяющих его как войну. Поэтому понятие «вооруженный конфликт» не тождественно понятию «война» и наоборот. Из этого следует известный принцип: любая война есть вооруженный конфликт, но не любой вооруженный конфликт является войной.

Понятие «военный конфликт», определяющим признаком которого является только применение военной силы для достижения политических целей, служит в качестве интегрирующего для двух других — вооруженный конфликт и война. Военный конфликт — любое столкновение, противоборство, форма разрешения противоречий между государствами, народами, социальными группами с применением военной силы. В зависимости от целей сторон и масштабных показателей, таких как пространственный размах, привлекаемые силы и средства, напряженность вооруженной борьбы, военные конфликты могут быть разделены на ограниченные (вооруженные конфликты, локальные и региональные войны) и неограниченные (мировая война). Применительно к военным конфликтам иногда, чаще всего в иностранной литературе, употребляются такие термины, как конфликты малого масштаба (низкой интенсивности), среднего масштаба (средней интенсивности), крупного масштаба (высокой интенсивности).

По мнению некоторых исследователей, военный конфликт — это форма межгосударственного конфликта, характеризующегося таким столкновением интересов противоборствующих сторон, которые для достижения своих целей используют с различной степенью ограничения военные средства. Вооруженный конфликт — конфликт между средними и большими социальными группами, в котором стороны используют вооружение (вооруженные формирования), исключая вооруженные силы. Вооруженные конфликты — это открытые столкновения с применением оружия между двумя или более руководимыми из центра сторонами, беспре-

ривно продолжающиеся в течение какого-то времени в споре за контроль над территорией и ее управлением.

Другие авторы называют военным конфликтом противоречия между субъектами военно-стратегических отношений, подчеркивая степень обострения этих противоречий и форму их разрешения (с использованием в ограниченных масштабах вооруженных сил). Военные эксперты под вооруженным конфликтом понимают любой конфликт с применением оружия. В отличие от него при военном конфликте обязательно присутствие политических мотивов при использовании оружия. Иначе говоря, суть военного конфликта — продолжение политики с использованием военного насилия.

Среди военных специалистов существует понятие ограниченного военного конфликта, конфликта, связанного с изменением статуса той или иной территории, затрагивающего интересы государства и с применением средств вооруженной борьбы. В таком конфликте численность противоборствующих сторон составляет от 7 до 30 тыс. чел., до 150 танков, до 300 бронированных машин, 10–15 легких самолетов, до 20 вертолетов⁴⁸.

Терминологическая нечеткость в определении характера вооруженного конфликта может привести к неадекватным действиям различных субъектов по его предотвращению или урегулированию. Так, если события в какой-либо стране оцениваются как подготовка к локальной войне, то для участия в них силовых структур важно точно знать предполагаемые масштабы военных действий и их характер. Если речь идет о внутреннем (или пограничном) вооруженном конфликте, то состав сил должен быть иным, как и характер боевых действий. В противном случае подразделения и части, готовящиеся, например, к конфликту, в случае войны не смогут решить поставленные задачи и понесут значительные потери в живой силе и технике.

Кроме этого, довольно часто те или иные внутригосударственные вооруженные конфликты квалифицируются как межнациональные — в Нагорном Карабахе, Молдавии, Грузии, Боснии и т. д. Однако при этом упускается из виду социально-политическое содержание противоречий, имеющих в отношениях между субъектами противоборства. Это предпринимается, как правило, с тем, чтобы на волне национализма подогреть обыденное сознание и направить недовольство против представителей определен-

ной национальности или этнической общности, что чревато расширением масштабов конфликта. В этих условиях политические руководители сами становятся заложниками националистического экстремизма⁴⁹.

Неадекватные оценки субъектов противоборства приводят к затягиванию вооруженного конфликта, усилению его негативных последствий. В последнюю четверть XX века основными субъектами противоборства в войнах и военных конфликтах выступали: государства (коалиции государств); национально-освободительные движения и организации; правящие режимы (центральные правительства) и вооруженные оппозиционные группировки во внутригосударственных конфликтах. В мировой практике оценки этих субъектов проводятся с разных позиций и по различным аспектам: с точки зрения внешних сил — оцениваются все противоборствующие стороны; с точки зрения одной из них — рассматриваются главным образом противники и их союзники. В оценке того или иного субъекта обращается внимание на его политические интересы, цели, средства; численность и состав вооруженных сил или военных формирований; возможности получения оружия из других стран; социальную базу и т. д.⁵⁰

Опыт многих конфликтов показывает, что недооценка политических и военных возможностей чревата тяжелыми последствиями и даже поражением в войне (конflikте). Так, в конфликте в районе Персидского залива (1990–1991 гг.) Ирак имел военную мощь, значительно превосходящую военные возможности Кувейта, но не учел того, что против него могут быть использованы многонациональные силы. В конфликте в Чеченской республике (1994–1995 гг.) перед федеральными силами была поставлена задача разоружения незаконных военных формирований численностью 15 тысяч человек (около 6 полков), однако боевые действия шли по их разгрому и уничтожению. Через два месяца боев, в ходе которых сторонники Дудаева потеряли около 6 тысяч человек, численность отрядов оппозиции по-прежнему составляла примерно 15 тысяч человек и перспективы их разоружения оставались неопределенными.

В соответствии с Военной доктриной РФ, «вооруженный конфликт может иметь международный характер (с участием двух или нескольких государств) или немеждународный,

внутренний характер (с ведением вооруженного противоборства в пределах территории одного государства). Вооруженный конфликт характеризуется:

- высокой вовлеченностью в него и уязвимостью местного населения;
- применением нерегулярных вооруженных формирований;
- широким использованием диверсионных и террористических методов;
- сложностью морально-психологической обстановки, в которой действуют войска;
- вынужденным отвлечением значительных сил и средств на обеспечение безопасности маршрутов передвижения, районов и мест расположения войск (сил);
- опасностью трансформации в локальную (международный вооруженный конфликт) или гражданскую (внутренний вооруженный конфликт) войну»⁵¹.

В вооруженных конфликтах государства не переходят в особое состояние, характерное для войн (внутренние вооруженные конфликты, вооруженные инциденты, пограничные столкновения и военные акции). Особое место в этом ряду занимают гражданские войны, в которые при определенных условиях могут перерасти внутренние вооруженные конфликты. В отличие от внутренних вооруженных конфликтов, где политическими целями выступают проблемы самоопределения и территориальной принадлежности, утверждение уникальности социокультурных, национальных и конфессиональных ценностей, целью гражданской войны является борьба за государственную власть.

Под внутренним вооруженным конфликтом в Словаре по правам человека понимается любой вооруженный конфликт, который не является вооруженным конфликтом между двумя или более государствами, даже если в конфликте принимают участие иностранные военные советники, неофициальные военные вооруженные группы или наемники. Такие конфликты происходят на территории государства между расколовшимися частями вооруженных сил этого государства, или другими организованными вооруженными группами, которые под ответственным командованием осуществляют контроль над частью его территории, что позволяет им проводить длительные и согласованные военные операции.

Эта категория включает гражданскую войну, партизанскую войну, восстание (конфликт низкой и средней интенсивности)⁵². Там же непосредственно гражданской войной признается форма вооруженной борьбы между организованными группами, сражающимися за государственную власть, где одной стороной обычно являются силы, охраняющие существующий режим, а другой — партизанское движение, поддерживаемое частью населения и/или иностранным государством⁵³.

Под вооруженным конфликтом в РФ официально понимается вооруженный инцидент, вооруженная акция и другие вооруженные столкновения ограниченного масштаба, которые могут стать следствием попытки разрешить национальные, этнические, религиозные и иные противоречия с помощью средств вооруженной борьбы. На наш взгляд, используемая формулировка не дает возможности разграничения вооруженного конфликта даже от обстановки внутренней напряженности (Внутренняя напряженность — превентивное применение государством силы в целях сохранения мира и законности.). Так, не требуется от представителей сторон конфликта не то что организованности под ответственным командованием, но даже обязательной их отличимости от гражданского населения. Как отмечают представители зарубежной конфликтологии, в период обстановки напряженности конфликты обычно являются асимметричной партизанской войной, которую ведут группы лиц из гражданского населения в результате ограниченных военных возможностей повстанцев, недостатка оружия и отсутствия необходимого контроля над территорией⁵⁴.

Под внутренними беспорядками принято понимать ситуации, не имеющие признаков немеждународного вооруженного конфликта как такового, но характеризующиеся наличием в стране конфронтации, которой присущи определенная напряженность или продолжительность, в которой имеются акты насилия. Последние могут приобретать самые различные формы, начиная от стихийно вспыхивающих актов мятежа до борьбы между более или менее организованными группами и правительственными властями. В таких ситуациях, которые не обязательно перерастают в открытую борьбу, для восстановления внутреннего

порядка правительственные власти мобилизуют усиленные контингенты полиции или даже вооруженных сил.

Обычно лица, входящие в состав антиправительственных вооруженных сил, сражаются с правительственными войсками с целью захвата власти в стране; либо за достижение большей автономии в пределах государства; либо за отделение части территории и создание собственного государства. Исключением является ситуация, когда народ восстает против колониального господства, осуществляя свое право на суверенитет. Отметим, что с принятием Протокола I к Женевским Конвенциям 1949 г. национально-освободительные войны стали считаться международным вооруженным конфликтом (п. 4 ст. 1 Протокола), хотя до сих пор некоторые авторы, в частности Л. Диспо — французский исследователь терроризма, в своей книге «Машина террора» как разновидность терроризма предлагает считать национально-освободительные движения.

Неоднозначность подходов к оценке того или иного вооруженного противостояния в пределах одного государства полностью отразилась и в политике РФ относительно квалификации ситуации в Чечне с начала 1990-х годов. Несмотря на неоднократные призывы различных политиков дать правовую оценку событиям в Чечне, за прошедшее с 1990 г. время официальная точка зрения по данному вопросу так и не была сформулирована, если не считать лапидарных фраз, разбросанных в различных постановлениях, указах, иных актах законодательной, исполнительной и судебной властей.

Так, в постановлении Государственной Думы РФ от 12 марта 1997 года дается следующее определение вооруженному конфликту в Чеченской Республике: «Под вооруженным конфликтом, указанным в пункте 1 Постановления об объявлении амнистии, следует понимать противостояние между:

— вооруженными объединениями, отрядами, дружинами, другими вооруженными формированиями, созданными и действовавшими в нарушение законодательства РФ (далее — незаконные вооруженные формирования), и органами внутренних дел, подразделениями внутренних войск Министерства внутренних дел РФ, Вооруженных Сил РФ, других войск и воинских формирований РФ;

— незаконными вооруженными формированиями, созданными для достижения определенных политических целей;

— лицами, не входившими в незаконные вооруженные формирования, но участвовавшими в противостоянии»⁵⁵.

Чуть позже тот же орган государственной власти определяет ситуацию несколько иначе: «РФ ведет антитеррористическую операцию, освобождая территорию Чеченской Республики от незаконных вооруженных формирований». Отметим, что в Конституции РФ нет термина «антитеррористическая операция».

Анализируя ситуацию в Чечне, В. В. Устинов считает, что на начальной стадии между РФ и этой республикой имел место внутригосударственный политический конфликт, нелегитимный по средствам и методам его реализации, переросший в стадии ответа федеральных властей в вооруженный конфликт немеждународного характера⁵⁶.

Пытаясь обосновать предпринятые меры, их авторы настаивают на том, что на территории Чечни к моменту ввода на ее территорию федеральных войск уже был локальный вооруженный конфликт, расцениваемый по международному праву как вооруженный конфликт немеждународного характера, усугубившийся разгулом беззакония. И делают следующий вывод: в такой ситуации, согласно нормам международного права, Россия имела полное право реализовать свой суверенитет и исполнить «обязанность всеми законными средствами поддерживать или восстанавливать правопорядок в государстве или защищать национальное единство и территориальную целостность государства». Напомним, что в ситуации вооруженного конфликта, согласно Военной доктрине РФ, предполагается обязательное объявление чрезвычайного положения, чего не было сделано. Так или иначе, как бы не квалифицировалась ситуация в Чечне с начала 1990-х годов, по своим характеристикам она подпадает под определение вооруженный конфликт по смыслу Военной доктрины РФ от 2000 года⁵⁷.

Политико-правовой анализ чеченского конфликта позволяет определить его как внутренний конфликт, понимая под этим враждебное взаимодействие между государством и противостоящей ему оппозиционной группой или организацией, нацеленной на изменение, в том

числе — и насильственными средствами, политической общности, политического режима или политических властей государства. С этих позиций чеченский конфликт по намерениям оппозиции с самого начала являлся политическим легитимным конфликтом, направленным на изменение политической системы России — политической общности российского государства. По характеру применяемых средств подобного рода оппозиционные федеральным властям насильственные действия в международной практике оцениваются как «мятеж» или «восстание».

Основываясь на приведенных определениях, а так же анализе протекания множества социальных конфликтов внутри государства определим, что *в общем случае под внутренним вооруженным конфликтом следует понимать любое столкновение, противоборство, форму разрешения противоречий между конфликтующими сторонами в пределах территории одного государства с применением военной силы для достижения определенных политических целей*. С одной стороны внутренний вооруженный конфликт (ВВК) — это кризисная форма чрезвычайной ситуации социально-политического характера, основаниями возникновения которого могут являться как конфликты различного вида (экономические, политические, межнациональные, региональные и т. д.), так и чрезвычайные обстоятельства криминального характера. С другой стороны ВВК есть форма разрешения противоречий между социальными образованиями с применением силовых методов⁵⁸.

Внутренний вооруженный конфликт объект международного права. Международное гуманитарное право различает ВВК, которые охватываются положениями статьи 3, общей для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. и ВВК, которые имеют узкую формулировку и регулируются Дополнительным протоколом № II 1977 года. Изначально, в статье 3, регулирующей общественные отношения, возникающие во время вооруженного конфликта немеждународного характера, не было дано его определения как такового. Фактически минимум гарантий жертвам внутреннего вооруженного противостояния предоставлялся, а каких-либо конкретных критериев отнесения конфликта к категории внутреннего вооруженного не было.

Первое официальное понятие вооруженного конфликта немеждународного характера было дано в 1977 году в Дополнительном протоколе № II к Женевским конвенциям 1949 г. Здесь необходимо заметить, что в процессе разработки определения сложилось три направления. Первая группа экспертов представила такой вариант: немеждународный конфликт имеет место только, если государство само признает его на своей территории. Представители другой группы предлагали закрепить возможность свободной оценки ситуации отсутствием определения. Третьи же настаивали на том, чтобы сопроводить определение, данное в ст. 1 Дополнительного протокола, положениями, подчеркивающими условия, при которых данный вооруженный конфликт следует считать немеждународным вооруженным конфликтом, а именно: организованность сторон; интенсивность и длительность конфликта; наличие столкновения сторон.

Уязвимость первой позиции заключалась в том, что как тогда, так и до сих пор государства с большим нежеланием идут на признание наличия на своей территории вооруженного конфликта. А значит, оставив на их усмотрение вопрос об оценке ситуации, можно было с большой долей уверенности утверждать, что благие цели Дополнительного протокола II не были бы достигнуты. То же самое можно сказать и о втором проекте. Отсутствие каких-либо критериев, которые позволили бы квалифицировать противоборство как внутренний вооруженный конфликт, оставило бы место для злоупотреблений в его толковании. Позиция третьей группы оказалась более близка авторам Протокола.

В окончательном варианте представленного на подписание Протокола, содержалась следующая формулировка: под вооруженным конфликтом немеждународного характера понимаются «вооруженные конфликты на территории какой-либо Высокой Договаривающейся Стороны между ее вооруженными силами и антиправительственными (термин «правительство» употребляется в данном контексте не в узком смысле, обозначая высший орган исполнительной власти, а систему государственных органов, прежде всего законодательных и исполнительных, и соответствующих должностных лиц) силами или другими организованными вооруженными группами,

которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью ее территории, который позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия и применять настоящий Протокол».

Отметим, что к таковым, по смыслу Протокола, не относятся случаи нарушения внутреннего порядка и возникновения ситуации внутренней напряженности: беспорядки, отдельные и спорадические акты насилия и иные действия аналогичного характера. Применение такой формулировки все-таки оставило государствам возможность расширительного толкования, а значит, и различной квалификации вооруженного противостояния, имеющего место на их территориях.

Фактически, для того, чтобы вооруженное противостояние можно было отнести к вооруженному конфликту немеждународного характера, оно должно удовлетворять некоторым критериям.

Так, необходимо:

- чтобы противостояние развивалось интенсивно и с применением оружия с обеих сторон;
- использование армии со стороны правительства ввиду невозможности управления ситуацией лишь силами полиции (милиции);
- организованность вооруженных сил повстанцев и обязательное наличие командования, ответственного за их действия⁵⁹.

Несмотря на то, что в Дополнительном протоколе II был дан ответ на вопрос, что же есть вооруженный конфликт немеждународного характера, это не всегда облегчало процесс отождествления вооруженных столкновений, в том числе носящих интенсивный характер, с таким конфликтом. Даже в теории международного права не существовало однозначной позиции по этому поводу. По мнению И. П. Блищенко, внутренним вооруженным конфликтом можно считать только гражданскую войну. Некоторые юристы-международники считают, что термин «война» нельзя связывать с внутренними конфликтами в стране, а более применимо понятие «вооруженного конфликта, не носящего международного характера как внутренней ситуации коллективного использования силы». Д. Шиндлер вообще отказывается от обобщающих формулировок и просто классифицирует

вооруженные конфликты немеждународного характера, к которым, по его мнению, относятся:

- гражданская война в классическом смысле международного права как немеждународный вооруженный конфликт высокой интенсивности, в котором за вновь созданным правительством третьей государства могут признать статус воюющей страны;
- немеждународный вооруженный конфликт по смыслу ст. 3, общей для Женевских конвенций 1949 г.;
- немеждународный вооруженный конфликт по смыслу Дополнительного протокола II к Женевским конвенциям 1949 г.

Что касается различия между настоящими вооруженными конфликтами, с одной стороны, и обычными актами бандитизма или неорганизованных кратковременных мятежей, с другой, то Международный уголовный трибунал по Руанде сослался в одном из своих решений на следующие критерии:

- сторона в конфликте, восставшая против Правительства *de jure*, обладает организованными вооруженными силами, органом власти, несущим ответственность за их действия, действующим на определенной территории и имеющим возможности соблюдать и обеспечивать соблюдение Конвенции;
- законное правительство вынуждено прибегнуть к использованию регулярных вооруженных сил против повстанцев, организованных в военные структуры, контролирующие часть территории государства;
- законное правительство признало повстанцев в качестве воюющей стороны, или
- оно провозгласило, что обладает правами воюющей стороны, или
- оно признало повстанцев в качестве воюющей стороны исключительно для целей настоящей Конвенции, или
- конфликт был поставлен на повестку дня СБ или ГА ООН как представляющий угрозу международному миру, нарушение мира или акт агрессии» (Настоящее исследование представлено Международным Комитетом Красного Креста⁶⁰ в качестве справочного документа для оказания помощи Подготовительной комиссии в ее работе по установлению элементов преступлений для Международного уголовного суда)⁶¹.

3.6. Внутренние вооруженные конфликты и перспективы их эволюции в XXI веке

Сегодня войны ведутся в силу тех же причин, что и в древности. Однако нынче все более важное место занимает не захват территорий или ресурсов, а подавление воли противника⁶².

П. Виноградов

В эпоху волатильности мировой экономики было бы неверным предлагать какой-то один взгляд на завтрашний мир, рассматривать его только под одним углом. Во всех ключевых областях, касающихся принятия решений определяющими темпы перемен властными структурами, формирования политической повестки дня и прогнозирования потребления и обеспечения ресурсами — именно широта обзора определяют наше восприятие мира⁶³.

авторы сценария

«Новый взгляд на будущее»

Рассматривая различные сценарии развития, аналитики Шелл изначально исходили из двух различных, даже прямо противоположных посылок. Первая, что власть будут удерживать те, кто обеспечивает стабильность, независимо от ситуации. Вторая, что власть и влияние будут расщеплены, а все проблемы будут решаться на основе компромисса, когда «на сцену выходят мощные рыночные структуры». С точки зрения внутренних конфликтов в стране эти сценарии означают, что либо власть удастся сохранить в интересах стабильности, либо власть будет меняться в интересах развития. С точки зрения внутренних конфликтов и в первом, и во втором случаях вооруженное насилие не исключается.

Для целей нашей работы, однако, это имеет значение лишь в том случае, когда смена власти или смена курса ведут к вооруженной борьбе, что является крайней формой социально-политического конфликта и вытекает как из противоречивых обстоятельств, так и неумения договариваться, присущего правящим элитам. Опять же, в любом случае (или каком-то ином) социально-политический конфликт неизбежен, хотя далеко не всегда он приобретает такие острые формы, как вооруженная борьба. Поэтому для нас крайне важно понять, в каких случаях конфликт становится военным конфликтом и войной, как это происходит и кто управляет этим процессом.

Коварство новой войны заключается в том, что она не воспринимается в массовом сознании как война, и иногда даже как стремление и борьба против войны. Перенос войны в сетевую информационную область полностью искажает объективную реальность, делает вымысел правдой и наоборот. Демонстрации против вой-

ны в Москве и Киеве либералов и националистов отнюдь не случайно оказались частью этой войны. Это — закономерное явление сетевой войны.

Совсем не случайно оказалось и то, что США за последние шесть лет подвергли бомбардировке семь стран в «интересах сохранения мира». Причем интенсивность и продолжительность таких бомбардировок постоянно возрастала. Так, США использовали БЛА против Пакистана 390 раз с 2004 года. При этом погибло 4 тыс. человек, из которых половина — гражданские жители. И все это совершалось, когда США не только не воевали с Пакистаном, но были фактически его союзником. Сказанное выше свидетельствует только об одном: современный военный конфликт и война приобрели абсолютно нетрадиционные формы, все более превращаясь в виртуальную реальность, конструируемую в сетях.

Современный военный конфликт (по причинам возникновения, пространственно-временным параметрам, движущим силам, социальной базе, формам борьбы, логике развития) уникален, что затрудняет его классификацию и систематизацию, а значит и выработку методов разрешения противоречий. Вместе с тем некоторые эксперты полагают, что анализ внутренних вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве позволяет их классифицировать по нескольким основаниям. В основе первого основания лежит потенциал конфликтности, включающий в себя причины возникновения конфликтов. В пределах России, считает А. Герасимов, — внутренние вооруженные конфликты можно сгруппировать в три типа⁶⁴.

Первый тип — конфликты, основанные на территориальных притязаниях. Они касаются

соседствующих этнических групп. Как правило, такие конфликты связаны с последствиями политики 30-х и 40-х годов, нарушившей территориальное расселение народов. Пример конфликта такого типа — осетино-ингушский.

Второй тип — конфликты, вызванные требованиями выхода из России и полной государственной самостоятельности. Наиболее ярким примером является Чечня.

Третий тип — статусные конфликты, в основе которых лежит желание расширить административно-управленческие полномочия в соответствующем регионе. Примером такого конфликта может служить попытка провозглашения Уральской республики⁶⁵.

На самом деле причин для острого социально-политического конфликта значительно больше. И за ними могут стоять самые разные интересы. В том числе не только объективные, но и искусственно сформированные, и групповые, и личные. Соответственно, имеющиеся у этих сил ресурсы и возможности могут быть использованы как средства для разрешения конфликта, в т. ч. военные.

Поэтому, видимо, нельзя согласиться с таким подходом. Требуется традиционное отношение к анализу интересов (потребностей), а не причин (которые, как правило, придумываются в информационную эпоху), а также стратегиям достижения поставленных целей и позиции правящих элит. Иными словами, для того, чтобы анализировать возможные внутренние военные конфликты, а тем более их прогнозировать, требуется ответить на вполне конкретные и объективно значимые вопросы:

- каковы интересы тех или иных социальных слоев, групп в обществе, способные привести к социально-политическому конфликту и постановке подобных целей?
- каковы сами эти социальные слои и насколько они способны адекватно воспринимать интересы (потребности) своих групп;
- наконец, каковы ресурсы (материальные и нематериальные), имеющиеся в их распоряжении, для реализации подобных целей?

При этом важно также понимать, что есть и очень важная внешняя группа факторов, что в подобном анализе важное значение имеет сила внешнего влияния, способность и готовность тратить внешние ресурсы для достижения поставленных целей. Так, если говорить о ситуации на Украине, то ответы могут быть следующие:

- на Украине существовала значительная часть элиты, которая расценивала себя материально и духовно обделенной во время существования СССР и готова была перераспределить собственность и власть в интересах своей, достаточно узкой части общества;
- эти национальные слои элиты и общества, представляющие преимущественно западные и центральные регионы, были заинтересованы в «капитализации» всей власти и собственности Украины в своих руках, не считаясь ни с рисками, ни с другими издержками;
- эти слои обладали достаточно значимыми ресурсами не только для захвата, но и для удержания власти и использования ее в узкокорыстных целях;
- наконец, интересы этих слоев объективно совпадали с интересами США и стран ЕС с точки зрения геополитического ослабления России настолько, что те и другие готовы были идти на самые решительные шаги для их продвижения.

Из такого беглого анализа интересов неизбежно следует, что стратегия обеспечения этих интересов и достижения поставленных целей будет очень жесткой как со стороны правящей элиты Украины, так и со стороны Запада.

Можно оспорить и другие посылки А. Герасимова, в частности, когда речь идет о пространственном охвате военных конфликтов. Так, например, он пишет: «По пространственным параметрам внутренние вооруженные конфликты можно разделить по масштабу их протекания: охватывающие территории одного или нескольких административных районов, областей; происходящие в пределах одной республики; охватывающие территории двух и более республик»⁶⁶.

В действительности, однако ситуация выглядит намного сложнее, а именно: внутренний вооруженный конфликт в XXI веке охватил пространственно-информационно фактически всю Землю, стал глобальным. Так, конфликты в Ливии, Сирии, Ираке, на Украине, а до этого в Ираке и Афганистане, с самого начала оказались глобальными. В них были втянуты десятки государств, так или иначе, все мировое сообщество.

По продолжительности внутренние вооруженные конфликты предлагается подразделять на две группы: 1) скоротечные и 2) затяжные. Такие конфликты могут длиться от нескольких

дней до нескольких месяцев (лет). По активности действий противостоящих сторон внутренние вооруженные конфликты могут делиться на три группы: 1) высокой интенсивности, 2) средней интенсивности и 3) низкой интенсивности.

Возникновение внутренних вооруженных конфликтов в современных условиях сопровождается рядом негативных явлений. **Во-первых**, любой кризис ведет к ослаблению государства. Последствия внутреннего вооруженного конфликта задевают все сферы деятельности государства и несут в себе огромные экономические убытки и человеческие жертвы. По самым приблизительным подсчетам, с 1988 по 1996 г. жертвами конфликтов на территории бывшего СССР стали более 100 тыс. чел, а экономический ущерб составил 15 млрд долларов США. По оценкам экспертов, только восстановление экономики Чечни обойдется государственному бюджету ориентировочно в 7 трлн рублей.

Народ по-разному проявляет свое недовольство правительством, которое его не устраивает. Так, против ослабленного российского государства Чечня проголосовала с оружием в руках. Аналогичная ситуация складывалась в свое время в колониальном Алжире. Тем не менее, Франции удалось избежать массового кровопролития и не развязать войну. Прямо противоположная ситуация создалась во Вьетнаме. Американское вмешательство лишь затянуло национальное вооруженное столкновение на 15 лет. Но его завершение оказалось точно таким, как и без вмешательства полумиллионного контингента Пентагона.

Во-вторых, еще один негативный момент, сопровождающий возникновение внутренних вооруженных конфликтов, — появление у определенной части общества уверенности в том, что схватку с центральной властью можно выиграть. Так происходит в случае с Чечней. На этой основе возникают ложные идеологические стереотипы, например, отличное от государственного (общепринятого) понимание истории среди сепаратистов и поддерживающих их слоев населения. Причем многие исторические факты истолковываются совершенно превратно. Таким образом, для вооруженной борьбы против центральной власти создается идеологическая база.

В-третьих, конфликты обязательно сопровождаются или провоцируются недовольством населения существующими экономическими условиями. Случай с Чечней также показателен

в этом отношении: на Северном Кавказе уровень доходов в 2,5 раза ниже, чем по России в целом.

В-четвертых, у всех сторон, втянутых в конфликт, имеется достаточное количество оружия. Когда перекрывается поток его поступления, конфликт глохнет сам по себе. Так, например, Эритрея получила независимость только потому, что у Эфиопии кончилось оружие⁶⁷.

Несмотря на то, что сам термин «внутренний вооруженный конфликт» в теоретической области знаний появился недавно, история конфликтов, возникших на социальной, политической, этнической, религиозной почве, имеет глубокие корни. Ежегодное число вооруженных конфликтов в мире резко возросло в начале 1990-х гг. — с 56 в 1990 г. (47 в 1989г.) до 68 в 1992 г., из которых абсолютное большинство были внутренними. В эти годы появившийся был в связи с окончанием холодной войны оптимизм снова уступил место тревоге в ответ на явно увеличившуюся волну новых конфликтов. Правда, с тех пор число вооруженных конфликтов стабилизировалось и даже пошло на убыль.

Обычно к началу вооруженного конфликта приводит сложная цепь событий, и исследователю приходится очень тщательно отбирать факты и свидетельства, которым он мог бы доверять. Попытка разработать теорию возникновения вооруженных конфликтов как явления включает в себя анализ множества взаимодействующих переменных — даже если речь идет об ограниченном историческом периоде, например, послевоенном (после 1945 г.) времени или даже периоде после окончания холодной войны. Задача сложна, так как есть очень мало необходимых условий для войны и очень много достаточных, и совсем малая часть тех и других сочетается в каждом отдельном конфликте. Война возможна, если есть оружие для ее ведения и если есть противостояние одной или нескольких сторон⁶⁸.

И все же условия, делающие вооруженный конфликт внутри государства вероятным, гораздо более разнообразны. Принятие решения прибегнуть к оружию — это сложный процесс, связанный с широким кругом условий и обстоятельств. В современных трудах по внутренним конфликтам, издаваемых за рубежом, особое внимание уделяется этническому, политическим и социально-экономическим факторам. Так, история свидетельствует, что возникновение части военных конфликтов внутри страны могло быть следствием стремления определенных

политических кругов (сил) к изменению общественно-политического строя, смены правящей верхушки и т. д.⁶⁹

Ряд западных ученых считают основной причиной конфликтов разрыв между ожидаемым и реальным доступом какой-либо социальной группы к благосостоянию и власти. Речь здесь идет о двух источниках социальных конфликтов, достаточно распространенных во всех человеческих сообществах. Это богатство и власть, т. е. те ценности и интересы, которые имеют значение во всяком обществе и придают смысл действиям конкретных лиц, участвующих в конфликтах. В разных исторических контекстах приоритетность соответствующих ценностей может модифицироваться, но содержательная сторона дела от этого изменяется не очень существенно.

На первое место для нынешней российской ситуации следовало бы поставить такую ценность, как «богатство». Обращение к идее социальной дифференциации позволяет каждому открыто стремиться к тому, чтобы избавиться от «бедности» и «стать богатым». В массовом сознании и в практических жизненных отношениях богатство — это не просто некоторая сумма денежных средств или имущества, а возможность расширения пределов своей деятельности и влияния.

Вторым не менее важным источником конфликтов является борьба за власть. Она не менее притягательна, нежели богатство как таковое, хотя бы потому, что булат и золото постоянно ведут между собою спор. Эмпирическим выраже-

нием властных позиций являются государственные и негосударственные должности и позиции, позволяющие контролировать распределение ресурсов на основе права распоряжения, определять доступ к потокам значимой информации, участвовать в принятии решений. Поле власти создает специфическую среду общения, вхождение в которую — один из важнейших мотивов политической деятельности. Здесь также формируется чувство исключительности, предпочтительности к чему-то более важному и значимому, чем повседневные интересы.

Власть самым тесным образом связана с насилием. Слишком часто она являлась результатом военной победы, узурпации, государственного переворота или какого-либо другого незаконного деяния. Приходится признать и то, что все важнейшие атрибуты современной демократии и правового государства, такие как национально-государственный суверенитет, верховенство права и закона, разделение властей, прошли испытание насилием, являлись объектами острых политических конфликтов⁷⁰.

Конфликты в политическом пространстве обладают столь же большой силой вовлечения, как и конфликты, связанные с богатством, но они, как правило, обрамляются более высокопарной фразеологией, связанной с декларациями относительно общих — национальных, государственных — интересов и интересов прогресса в целом. Конфликты в социально-политической сфере — это конфликты по поводу перераспределения власти, политического доминирования, политического влияния, политического авторитета.

3.7. Будущее внутренних военных конфликтов

Все сводится к тому, как мы будем жить в мировом сообществе — будут ли правила игры или будет игра без правил. Всем ясно, что мировой порядок меняется. Важно, чтобы он менялся не в сторону хаоса⁷¹.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО*

... прошлое различных обществ становится более чем когда бы то ни было одной из ставок в столкновении государств...⁷².

*Марк Ферро,
французский историк*

Будущее внутренних военных конфликтов можно прогнозировать в рамках существующей парадигмы развития человеческой цивилизации, международной, военно-политической и стра-

тегической обстановки (ЧЦ, МО, ВПО и СО), а также попытаться представить эти конфликты в новой парадигме, которая, вне всякого сомнения, сложится к 2050 году. Таким обра-

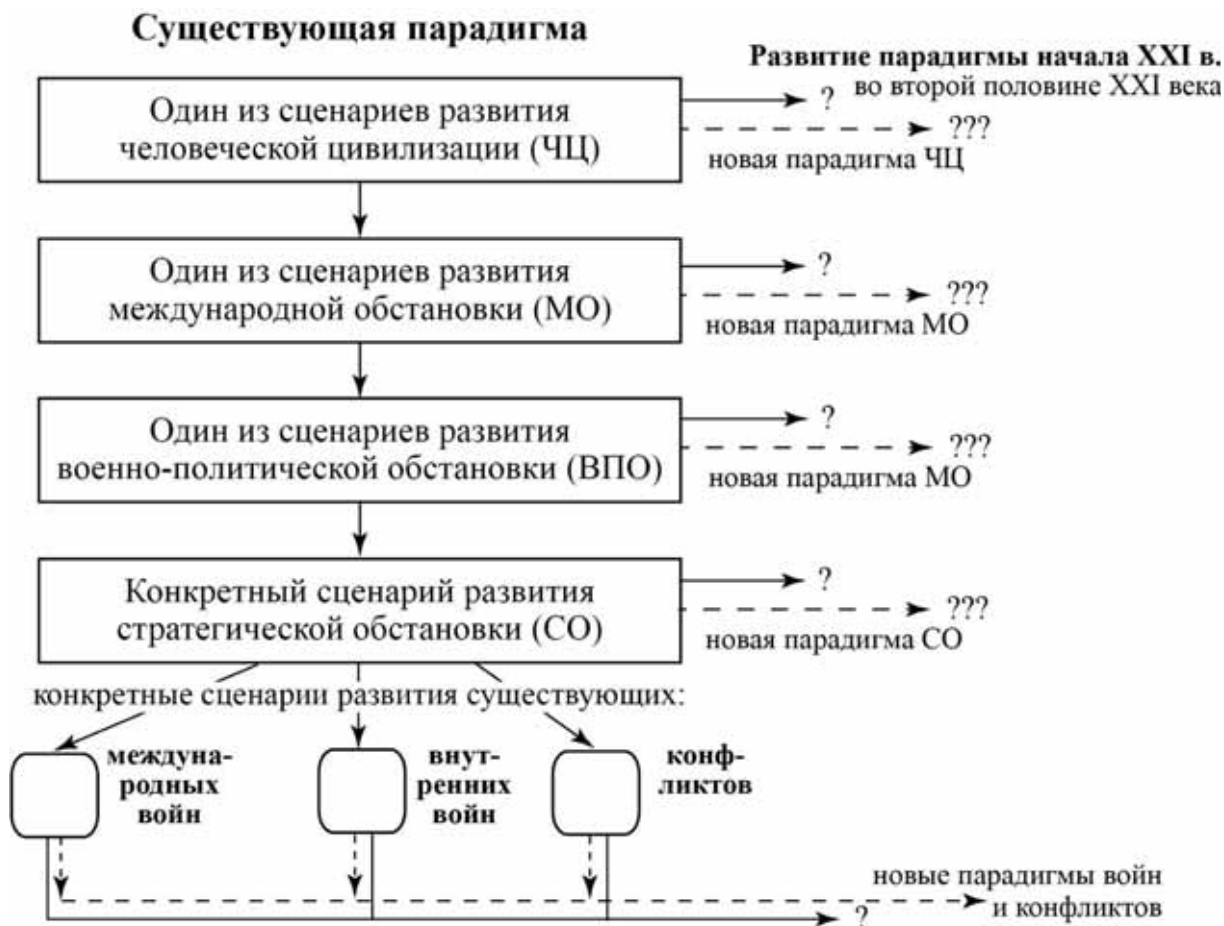

Рис. 9.

зом, изначально прогноз возможных военных конфликтов представляет собой по сути дела две «ветки» стратегического прогноза, основанных на нынешней парадигме, но либо сохраняющей ее основные черты в будущем, либо формирующей новую парадигму. Эту логику развития внутренних военных конфликтов можно представить следующим образом.

Как видно из рисунка (рис. 9), стратегический прогноз внутренних конфликтов, во-первых, вытекает из логики развития сценариев ЧЦ, МО, ВПО и СО, а во-вторых, эти конфликты являются их необъемлемой частью. В этом смысле стратегический прогноз внутренних конфликтов является частью более общего стратегического прогноза и отражает его специфические особенности в ВПО и СО. С этой точки зрения правы те исследователи, которые считают, что возможное будущее военных конфликтов надо искать в настоящем и прошлом отдельных стран и истории развития МО и ВПО. Во многом потому, что сегодняшние и будущие внутренние конфликты, как правило, либо еще не разре-

шены, либо уже достаточно известны, либо их можно обнаружить при определенных знаниях, опыте и желании. По мнению А. Герасимова, например, «... если взять мир в целом, все старые внутренние конфликты все еще не разрешены. В 1999 г. из всех вооруженных конфликтов 66% длились уже более пяти лет, а 30% — более двадцати лет. Такие затяжные конфликты оказались очень трудно прекратить. Поэтому нельзя сказать, что мир находится на пороге новой, более мирной эпохи»⁷³.

Более того, судя по анализу современной ситуации, современные тенденции развития ЧЦ, МО и ВПО ведут к обострению отношений между локальными цивилизациями и, как следствие, к обострению ВПО, формированию новой СО. Вытекающие из этого процесса новые конфликты, в дополнение к уже существовавшим, резко осложняют СО в мире. «Если говорить о существующей парадигме СО, — продолжает А. Герасимов, — то В. Молтенской и Ю. Марценюк считают, что существующие чисто военные и территориальные противоречия при опреде-

ленных условиях могут перерасти в вооруженные конфликты различного масштаба и интенсивности по всему периметру границ и внутри России, вызванные следующими причинами»⁷⁴, к которым он традиционно отнес следующие:

Первое — несовпадение этнических и административных границ целого ряда государств мира. Если говорить об СНГ, например, то речь идет о России, Украине, Грузии, Азербайджане, Казахстане. Но эта же проблема имеет место и внутри Российской Федерации между ее отдельными субъектами. Недооценивать эту опасность нельзя, как и то, что она может быть искусственно использована из-за рубежа для гражданской войны. Существуют и конфессиональные и этнические противоречия, которые особенно остро просматриваются в Прибалтике, на Кавказе и в Средней Азии. Они могут породить вооруженные конфликты, вызвать нестабильность и создать явную угрозу государственности России. Эти же конфессиональные противоречия сочетаются с конфессиональными и религиозными противоречиями за рубежом. Так, например, представление об изменениях в расселении мусульман на планете дает следующая карта. Из нее видно, что рассуждения о компактности «ареала мусульманского» населения имеют больше оснований, чем о разрозненности расселения этой локальной цивилизации. Как видно из этой карты (рис. 10), этнические и конфессиональные связи мусуль-

ман за рубежом и в России — потенциальная внутренняя военная угроза.

Второе — стремление националистических властных структур некоторых автономий к полному суверенитету с самостоятельным выходом на зарубежные страны и созданием своих национальных формирований (Чечня, Ингушетия, Осетия). Надо понимать, что потенциально такие очаги национализма и нестабильности, которые могут привести к внутренним военным конфликтам, существуют во многих регионах России. Учитывая новые политические технологии, технические возможности и интересы некоторых государств, можно говорить о том, что в XXI веке потенциально возможно инспирировать политические и военные конфликты практически в любых регионах. Пример того, как за 20–25 лет удалось воспитать русофобские массовые слои на Украине, — очень показательен. Теоретически, то же самое можно сделать на Алтае, в Карелии, Поволжье, не говоря уже о Северном Кавказе.

Эти же проблемы существуют и в США.

Третье — обострение социально-политических и экономических проблем не только в мире, но и внутри субъектов РФ. По сути дела, можно говорить о нарастании социальной напряженности и несправедливости в мире, неравномерности потребления, а в XXI веке — распределения природных ресурсов. Эти противоречия можно культивировать извне для

1 570 000 000 мусульман по всему Миру. Один квадратик — один миллион человек

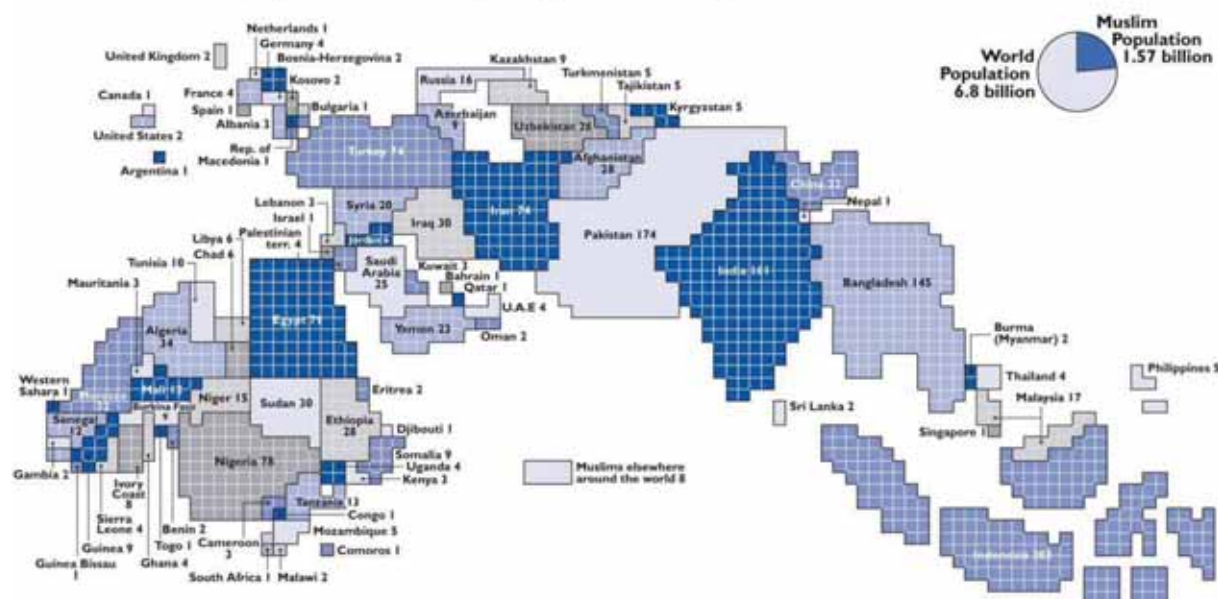

Рис. 10.⁷⁵

Потенциальные источники внутренних угроз в США

Where Each State's Largest Immigrant Population Was Born

Top nation of origin by state

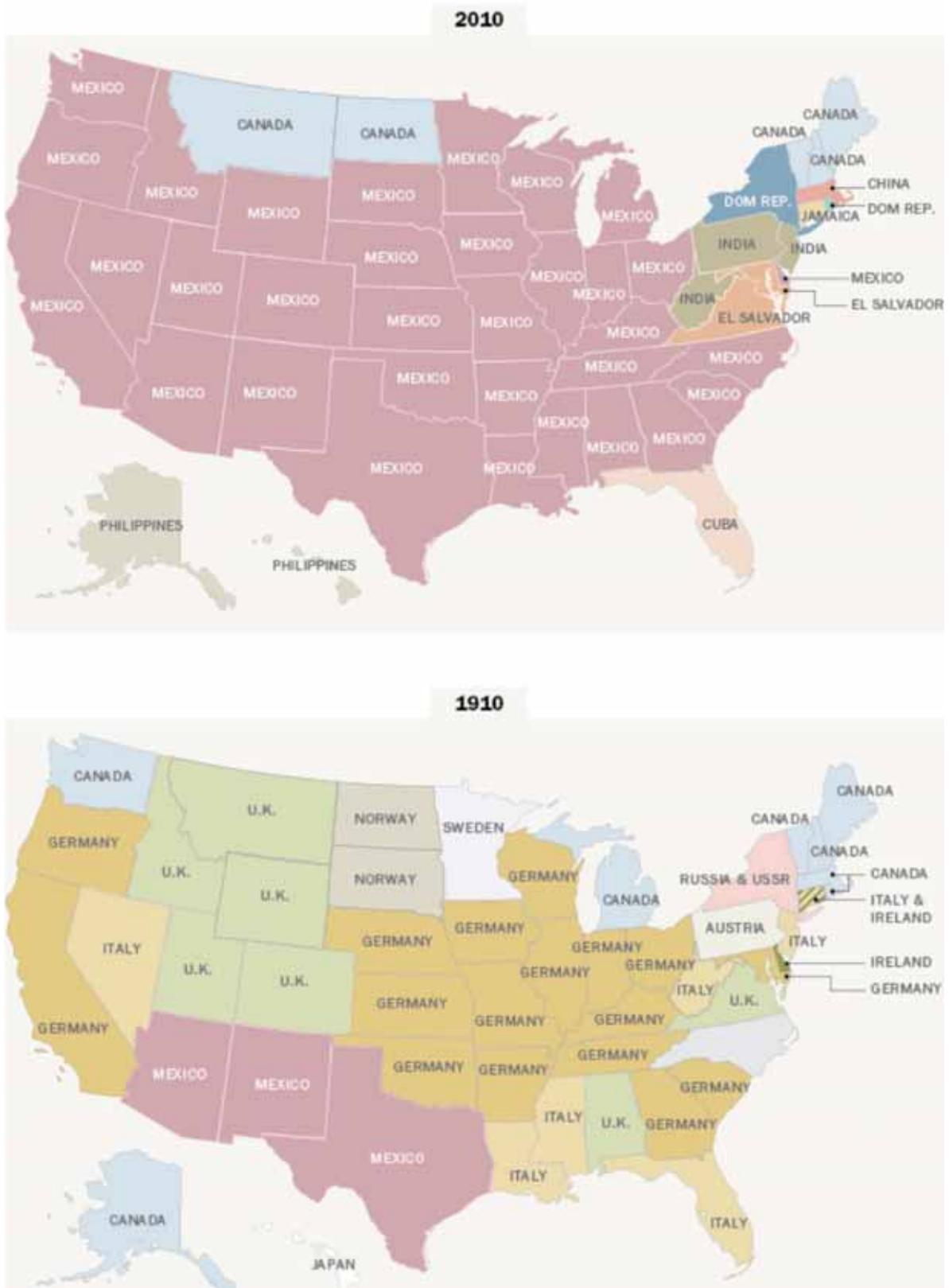

Рис. 11.⁷⁶

провоцирования конфликтов. «Непонимание проводимой федеральными властями политики порождает появление центристских сил, ратующих за обособление отдельных групп субъектов и образование „новых“ государственных образований в составе России»⁷⁷, — считает А. Герасимов.

Подытоживая, можно сказать, что в рамках существующей парадигмы развития МО и ВПО традиционные причины внутренних конфликтов обостряются из-за желания внешних сил вмешиваться и даже стимулировать, искусственно создавать почву для внутренних военных конфликтов. Можно предположить, что в XXI веке внешний фактор будет усиливать свое влияние на традиционные внутренние конфликты. Это неизбежно ведет к появлению новых средств влияния на формирование традиционных внутренних конфликтов.

«Все европейские вооруженные конфликты, начавшиеся в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и сейчас утихшие, на самом деле не закончились, а лишь приостановились, — отмечают российские исследователи. — Разницу между „завершиться“ и „приостановиться“ надо очень хорошо осознавать. Международный политический ландшафт портят войны, возобновляющиеся не только после объявления перемирия, но и после подписания мирного соглашения. За последние пятнадцать лет мы можем назвать множество войн, возобновившихся после прекращения огня или даже после подписания мирных соглашений: в Анголе, Бурунди, Камбодже, Чечне, Хорватии, Демократической республике

Конго, Эритрее и Эфиопии, Косове, Либерии, Филиппинах, Руанде, Сьерра-Леоне, Шри-Ланке. И во многих случаях эти войны становятся более ожесточенными и разрушительными, и почти всегда стоят очень дорого гражданскому населению»⁷⁸.

Можно сделать вывод, что «сохранение», даже искусственная «консервация» внутренних военных конфликтов достаточно характерная черта современной СО, которая не только сохранится, но и, вероятно, будет развиваться в будущем. Прежде всего, из-за заинтересованности иностранных государств. Инспирирование внутренних конфликтов, а иногда их «конструирование» — очень выгодная (не только с экономической точки зрения) политика. В некоторых случаях это единственная возможность изменить политический курс той или иной страны.

Можно отметить, что воздействие на внутреннюю политику становится в XXI веке *главным направлением* силовой политики одного государства по отношению к другому. Прежде всего из-за относительной безопасности для агрессора, когда доказать его прямое участие трудно. Это — «облачный» противник, политические и финансовые истоки которого, как правило, неизвестны.

Следует отметить, что в войнах и конфликтах XXI века коренным образом меняется военная тактика и оперативное искусство, а также функциональное применение видов и родов войск. Конфликт на Украине 2014 года, например, показал решающую роль артиллерии и всех информационных средств ведения войны и ее

Рис. 12.⁷⁹

обеспечения. Это требует новой организации не только ВС страны, но и построения по-новому всей военной организации государства.

В этой связи необходимо отметить, что полнотью будет меняться содержание основных тактических понятий, в частности «удара», «маневра» и «огня». В настоящее время существуют следующие представления.

Удар — это одновременное поражение группировок войск и объектов противника путем мощного воздействия на них всеми имеющимися средствами или войсками. Виды ударов представлены на рисунке (рис. 12).

Огонь — это одновременное поражение противника стрельбой из различных видов оружия. Он ведется с задачей уничтожения, подавления и изнурения противника или разрушения его объектов. Виды огня представлены на рис.

Маневр — организованное передвижение войск в ходе боя в целях занятия выгодного положения по отношению к противнику и создания необходимой группировки сил и средств, а также перенос или перенацеливание ударов и огня для наиболее эффективного поражения противника. Видами маневра являются охват, обход, отход и маневр ударами и огнем (рис. 13).

Охват — маневр, осуществляемый подразделениями в целях выхода для удара во фланг противнику.

Обход — более глубокий маневр, совершаемый подразделениями для удара по противнику с тыла.

Отход — маневр, применяемый в целях вывода своих войск из-под ударов превосходящих сил противника, выигрыша времени и занятия более выгодного рубежа. Отход проводится только по разрешению или приказу старшего командира.

Маневр ударами и огнем заключается в одновременном или последовательном их массировании (сосредоточении) по важнейшим объектам противника, а также в перенацеливании их на новые объекты.

Ведущая роль в общевойсковом бою принадлежит мотострелковым и танковым подразделениям. В зависимости от обстановки они могут действовать в походном, предбоевом и боевом порядках.

Походный порядок — построение подразделений для передвижения в колоннах. Он применяется на марше при преследовании, при проведении маневра и должен обеспечивать вы-

сокую скорость движения, быстрое развертывание в предбоевой и боевой порядки.

Предбоевой порядок — построение подразделений, осуществляемое в целях сокращения времени на развертывание в боевой порядок, меньшей уязвимости от ударов всеми видами оружия.

Боевой порядок — построение подразделений для ведения боя.

В целях большей самостоятельности при ведении боя мотострелковым и танковым подразделениям придаются или выделяются для поддержки подразделения других родов войск.

Обычно командир подразделения устанавливает сигналы управления на каждый бой и объявляет их в боевом приказе. Для управления строями в ходе марша в нашей армии установлены постоянные сигналы, подаваемые руками с помощью флажков и фонаря. Каждый солдат должен знать установленные сигналы, уметь их подавать и беспрекословно выполнять, как и команды командира.

Солдат, назначенный наблюдателем, увидев или услышав сигнал, немедленно докладывает о нем командиру. Для управления с помощью сигналов установлен определенный порядок. Чтобы подать сигнал, надо повернуться в сторону того, кому он предназначается. А чтобы привлечь к себе внимание, командир каждый раз сначала подает сигнал «Внимание». Принимающий обязательно повторяет этот сигнал (дает отзыв), чтобы командир убедился, что его видят и понимают.

Об упрощенном понимании военных угроз национальной безопасности свидетельствует их самое общее описание в учебнике.

Таким образом, ограничение масштабов и размаха может быть приемлемо только в условиях военной фазы конфликта. При этом главной целью военных действий должно быть создание условий для его разрешения мирными средствами. Внутренний вооруженный конфликт, какими бы ни были его движущие силы и цели, не может быть разрешен принятием мер исключительно военного характера. В отличие от глобальных войн во внутренних вооруженных конфликтах нет, и не может быть военных побед. Любое завоевание на деле будет являться нестабильным успехом. Победной точкой, означающей завершение вооруженного противостояния, может быть только национальное и политическое согласие, основанное на компромиссах и взаимных уступках.

Рис. 13.⁸⁰

Рис. 14.⁸¹

На стадии стабилизации социально-политической обстановки, после завершения непосредственно военных действий, необходимо проведение не только комплекса правоохранительных,

но и специальных мер обеспечения правопорядка и безопасности. Когда основным содержанием вооруженного противостояния становится борьба с иррегулярными (в том числе

партизанскими) формированиями, основная нагрузка ложится на соединения и части специального назначения. Мировой опыт применения «сил специальных операций» существует и активно используется, российская практика в этом вопросе весьма мала⁸².

Подводя общий итог, отражающий существующую парадигму, констатируем, что внутренний вооруженный конфликт — это исключительная по предпринимаемым для его разрешения мера и высшая по уровню социальной напряженности форма внутригосударственного конфликта. Как и любому социальному явлению, ему свойственны определенные и характерные черты. Внутренний вооруженный конфликт

является одной из форм силового разрешения социально-политических противоречий.

Новая парадигма внутренних вооруженных конфликтов появляется из новых условий развития человеческой цивилизации и формирующихся в связи с этим международной обстановкой (МО) и военно-политической обстановки (ВПО). Рассмотрим некоторые причины возможных будущих внутренних военных конфликтов. В частности, речь может идти о растущей урбанизации и нарастающих в этой связи противоречиях между городским и сельским населением, с одной стороны, и объективными трудностями, прежде всего экономическими, с другой.

3.8. Возможный характер внутренних войн и военных конфликтов в долгосрочной перспективе после 2050 годов XXI века

Важное место в этих идеологемах (классовых войн) занимали расчеты на неустойчивость тыла капиталистических государств⁸³.

*А. Кокошин,
академик РАН*

Основной принцип применения «мягкой силы» китайской дипломатии состоит в том, чтобы... примирить международное сообщество с неизбежным фактом возвышения Китая...⁸⁴.

*А. Бояркина,
политолог*

Долгосрочное прогнозирование характера будущих внутренних войн и военных конфликтов крайне затруднено (если вообще возможно) из-за проблем долгосрочного прогнозирования военно-политической и стратегической обстановки в мире и тенденций мирового развития. Действительно, если трудно прогнозировать в долгосрочной перспективе развитие различных сценариев человеческой цивилизации (ЧЦ), производных от них сценариев развития международной обстановки (МО) и ее составных частей и производных — военно-политической обстановки (ВПО), то насколько этот мультипликационный эффект (который является производным от сотни тысяч переменных величин и тенденций) будет предсказуем, сказать крайне трудно.

В то же время существует острая практическая потребность «заглянуть за горизонт» долгосрочного планирования, попытаться определить самые общие тенденции развития СО и характе-

ра будущих внутренних войн во второй половине XXI века. При этом очень трудно отказаться от инерции мышления и своих профессиональных заблуждений. Особенно в военной области, где авторитет звания и должности, утвержденных нормативных актов требует их безусловного соблюдения. Как справедливо заметили российские футурологи, «у всех людей существуют свои профессиональные заблуждения относительно Будущего. Невозможно объяснить нормальному грамотному офицеру в 1910 году, что „перед лицом пулеметных гнезд кавалерия может только варить рис для пехоты“, а в 2010 году — что не только авианосцы, но и межконтинентальные баллистические ракеты стали теперь атрибутом стран третьего мира и практически полностью утратили военное значение.

Ни один вменяемый финансист не станет обсуждать с вами ни „безденжную“, ни „бездорожную“ модели экономики. Бесплезно говорить с ними также о „замкнутых циклах“ или

о том, что к современной экономике концепция рынка неприменима. Зато к абсолютно вздорной и бессмысленной идее „мира, в котором государства утратили свою роль, а их место заняли транснациональные корпорации“ они отнесутся вполне благожелательно. Вообще, разнообразные профессионалы свято уверены, что мир изменяют (к лучшему) именно они, хотя история отнюдь не подтверждает этот вывод.

Отдельной категорией профессионалов являются политические и финансовые элиты, так называемые „лица, принимающие решения“, которые свято уверены, что знают Будущее и, более того, сами делают его...»⁸⁵. Между тем представляется, что выделить некоторые тенденции, от развития которых будет зависеть будущий характер внутренних военных конфликтов, в долгосрочной перспективе все-таки возможно. На наш взгляд, к этим тенденциям относятся следующие:

- анализ и прогноз вероятных сценариев развития ЧЦ, МО, ВПО и СО, которые будут формировать внешнюю среду для вероятных внутренних острых противоречий, войн и конфликтов. Так, развитие негативных сценариев ЧЦ, МО и ВПО неизбежно будет негативно влиять на ситуацию в стране и провоцировать внутренние конфликты, вовлекая те или иные социальные группы в вооруженную борьбу, в том числе и на стороне внешних акторов МО и ВПО. При этом вероятность внутренних войн и конфликтов во второй половине XXI века во многом будет предопределяться теми допустимыми границами применения военной силы, которые сложатся между государствами к тому времени. Вероятность внутренних войн, например, может зависеть от качества ВКО государства, которое сможет обеспечить защиту государства, как во внутриполитическом конфликте, так и от террористических угроз. Если для начала XXI века это стало правилом в межгосударственных отношениях, то во второй половине XXI века это может стать нормой для отношений внутри страны. Так, в ходе военного конфликта на Украине большое значение имела возможность ополченцев уничтожать низколетящие цели — вертолеты и штурмовую авиацию федеральных сил Украины. У Киева не было ВТО в этом конфликте — ни КР, ни достаточного количества ракет и авиабомб. В тех случаях, когда в начале конфликта Украина использовала авиацию, ее превосходство над ополченцами было подавляющим;
- основным стратегическим направлением противоборства локальных цивилизаций в обозримой перспективе будет оставаться противоборство западной и российской локальных цивилизаций и их военно-политических коалиций, которые в настоящее время в наибольшей степени влияют на формирование СО в мире и в Евразии. Ожидается, что в краткосрочной перспективе эта конфронтация будет продолжаться и, возможно, даже усиливаться в 2015–2016 годах, прежде всего за счет переоценки военной составляющей политики Запада в отношении России. В частности, интеграция Украины, Грузии и Молдавии с НАТО, с некоторыми различиями по скорости и глубине, ведется по следующим системным направлениям⁸⁶:
 - а) проникновение НАТО в организацию боевой и командно-штабной подготовки национальных вооруженных сил;
 - б) привлечение трех стран к учениям НАТО — либо на территории этих стран, либо на территории стран-членов НАТО;
 - в) выявление перспективных офицеров, «ведение» их на всех уровнях, организация их обучения на базе ведущих военных вузов стран блока;
 - г) финансирование, строительство и ремонт инфраструктуры, пригодной для использования в интересах блока;
 - д) навязывание стандартов НАТО в вооружении и военной технике, тактике и оперативных действиях, доктринальном мышлении под прикрытием процесса достижения «оперативной совместности»;
 - е) «обкатка» частей и подразделений национальных армий в зарубежных военных операциях НАТО (Ирак, Афганистан), а также в рамках миротворческих операций ООН;
- «переосмысление» политики НАТО в отношении России необходимо рассматривать в более широком контексте — в частности, в рамках новой стратегии Соединенных Штатов в отношении России. Разработка этой стратегии началась, по всей видимости, в 2012 году после избрания В. Путина

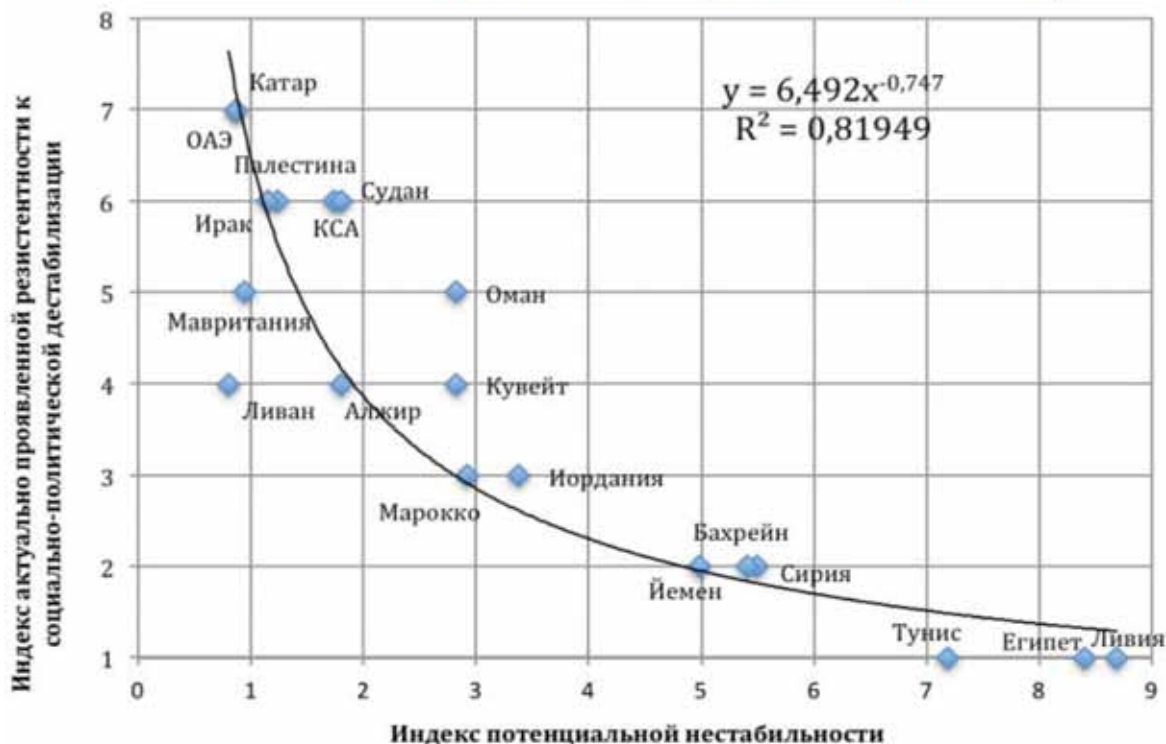
на пост президента РФ. Обсуждение новой стратегии ведется, в частности, в терминологии политики «сдерживания»: изначально сформулированная Джорджем Кеннаном в 1947 году, политика «сдерживания» определяла внешнюю политику США на протяжении большего периода холодной войны⁸⁷. В рамках стратегии «сдерживание 2.0» Россия была на официальном уровне объявлена стратегическим оппонентом Запада. Так, 6 июня 2014 года вышел доклад лондонского исследовательского центра «Чатэмхаус» под названием «Две опоры атлантической безопасности». В нем говорилось: «Возврат к стратегическому партнерству НАТО и России невозможен». 13 июня 2014 года это же подчеркнул высокопоставленный американский дипломат, заместитель генерального секретаря НАТО Александр Вершбоу, заявив в своем выступлении перед выпускниками оборонного колледжа НАТО в Риме о том, что НАТО не рассматривает Россию в качестве партнера. Это предложение зафиксировано в американском законопроекте «о противодействии агрессии России», а также в вышедшем 31 июля 2014 года докладе комитета по обороне Палаты общин британского парламента под названием «К новому обзору в области безопасности и обороны»⁸⁸.

Отдельный пакет мер предусматривается для Украины. В интервью газете «Гардиан» от 27 августа 2014 года Андерс Фог Расмуссен подчеркнул, что специально для Украины НАТО создаст 4 трастовых фонда, каждый будет финансировать, соответственно, развитие командно-штабной структуры, кибербезопасности, инвестиции в инфраструктурные объекты украинской армии и выплату военных пенсий⁸⁹. В целях развития военной инфраструктуры Украины силами НАТО власти Украины одобрили «каталог возможностей Украины по поддержке международных миротворческих операций и учений». Фактически этот документ представляет собой список военных аэродромов, морских и речных портов, а также железнодорожных станций, способных принимать иностранные «миротворческие» подразделения, прибывающие для учений на украинскую территорию. Таким образом, аналитический обзор представляет конкретный фактологический материал для более глубокого понимания сути и методов интеграции Украины, Грузии и Молдавии в военно-политические

аппараты НАТО и ЕС. Вместе с интерактивной картой расширения НАТО, представленной на сайте Центра международной журналистики и исследований МИА «Россия сегодня», данный обзор демонстрирует неуклонное продвижение НАТО на восток. Оно стартовало в 1990 году — после того, как государственный секретарь США Джеймс Бейкер обещал советскому президенту Михаилу Горбачеву, что при воссоединении Германии, НАТО «не продвинется на восток ни на дюйм».

- во внутривойсковых конфликтах будущего у сил, противостоящих государственным ВС, неизбежно будут и авиация, и ударные вертолеты, и ВТО, включая ракеты и КР. Поэтому совершенно по-новому будет сформулировано требование к ПВО–ПРО ВС, которые будут участвовать во внутреннем конфликте или защите от террористов. Иными словами, неизбежна постановка задачи о создании ПРО–ПВО ТВД, способной защитить от внутренних военных угроз и от террористического нападения;
- анализ и прогноз экономического и социально-политического развития страны, прежде всего тех областей (отраслей, направлений), которые поддаются долгосрочному прогнозированию. Решающее значение, например, будет иметь прогноз значения темпов развития национального человеческого капитала не только для экономики, но и для внутривойсковой стабильности и военной, мощи страны⁹⁰. Так, например, в XXI веке для любого субъекта МО будет иметь решающее значение качество и темпы его научно-технического и технологического развития, попытки прогнозирования которого предпринимаются во многих странах, включая Россию;
- огромное значение будет иметь анализ и прогноз развития внутривойсковой ситуации в стране, которая предопределяет перерастание социальных конфликтов в их острую фазу и вооруженную стадию. В настоящее время уже существуют прикладные методики, позволяющие прогнозировать такие изменения, хотя, надо признать, динамика социальных перемен трудно поддается даже краткосрочному прогнозированию. Кто, например, мог предложить еще в декабре 1916 года, что через несколько недель произойдет Февральская революция? Тем не

**Сопоставление значений индекса потенциальной нестабильности
(вычислен *без* учета индикаторов I_2 и I_5) с индексом актуально проявленной
резистентности к антирежимным выступлениям в арабских странах**

менее, есть основания предполагать, что анализ и прогноз таких тенденций будет полезен с точки зрения долгосрочных результатов прогноза. Некоторые прикладные методики говорят о том, что это возможно. Так, например, в диссертации Л. Исаева предлагается положительный опыт таких исследований.

Таким образом, возможность долгосрочного прогноза внутренних войн и конфликтов во многом зависит от качества долгосрочных прогнозов субъектов развития МО и ВПО в условиях реализации того или иного сценария. На рисунке эту логику можно изобразить следующим образом: (рис. 15)

Из этого рисунка видно, что:

- негативный сценарий развития ЧЦ, МО и ВПО резко увеличивает вероятность развития негативного сценария СО, делает возможность войны и военного конфликта неизбежной. И, наоборот, благоприятные внешние условия снижают риски возникновения внутреннего кризиса и конфликта;
- негативные тенденции в экономическом и социальном развитии страны неизбежно программируют обострение социально-экономической ситуации в стране, возникнове-

ния кризиса и т. д. И, наоборот, позитивная динамика в развитии резко снижает (хотя и не ликвидирует) вероятность внутривойсковой политической ситуации, неразвитость политической системы и институтов общества объективно дестабилизируют ситуацию, ведут ее к неизбежному обострению и конфликту.

Как уже говорилось выше, смешение акцентов в войнах и мировых конфликтах в сторону внутренних войн и конфликтов, обозначенное с конца XX века и прогнозируемое на период 2030-х гг. как доминирующая тенденция, к 2050-м гг. превратится уже в основную форму военного противостояния. При этом сам по себе внутренний военный конфликт не перестанет окончательно быть высшей формой внутрисоциального конфликта, но превратится в одну из форм внешней вооруженной агрессии. Иначе говоря, межгосударственные противоречия во все большей степени в будущем будут разрешаться посредством инспирирования внутривойсковых изменений в государствах — противниках.

Это принципиальное изменение будет вызвано тем, что война и вооруженная борьба между государствами будет сопровождаться

Рис. 15.

такими рисками, которые не смогут послужить оправданием для достижения политических целей. Повторится своего рода феномен «ядерного сдерживания», — только уже не в отношениях между СССР и США, ОВД и НАТО, а в отношениях между любыми государствами.

Вместе с тем сами внутренние войны и конфликты, инспирированные извне, приобретут новые, «социализированные» формы, которые будут все меньше походить на вооруженные

формы борьбы. В этой связи наиболее эффективными средствами противодействия внутренним войнам будут:

- укрепление социально-экономической и внутривнутриполитической стабильности;
- развитие институтов гражданского общества, ориентированного на национальные и государственные потребности;
- развитие творческой составляющей потенциала человеческой личности и др. формы.

¹ МИД РФ расценил санкции США как новый вид наступательного оружия / Информационный ресурс: «Интерфакс». 2014. 4 июля / <http://www.interfax.ru/russia/384051>

² Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

³ См. подробнее: Подберезкин А. И. Характер современных и будущих войн и военных конфликтов. В кн.: Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М. 2014. С. 45–62.

⁴ Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). М.: АСТ, 2011. С. 47.

⁵ Попов И. М. В Киеве точка возврата пройдена. Ситуация на Украине глазами военного аналитика // Независимое военное обозрение. 2014. 31 января / <http://www.milresource.ru/Ukraine.html>

⁶ Владимиров А. И. Основы общей теории войны в 2 ч. Часть I. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013. С. 379.

⁷ См., например, Подберезкин А. И. Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». РАУ-корпорация. М. 1996; Подберезкин А. И. Через духовность к возрождению отечества // Свободная мысль. 1995. № 5. С. 87–89.

⁸ Подберезкин А. И. Международная безопасность в XXI веке и модернизация России / Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. II. М.: МГИМО(У), 2012. С. 119–162.

⁹ Подберезкин А. И., Стреляев С., Хохлов О., Ястребов Я. Секреты российской приватизации. М. 2004; Подберезкин А. И., Мунтян М. А., Стреляев С. П. приватизация и приватизаторы. Евразия+. М., 2005.

¹⁰ Попов И. М. В Киеве точка возврата пройдена. Ситуация на Украине глазами военного аналитика // Независимое военное обозрение. 2014. 31 января / <http://www.milresource.ru/Ukraine.html>

¹¹ Мямлин К. Сетевые войны. Новая (сетевая) теория войны / ИВК. 2014. 7 октября / http://communitarian.ru/publikacii/setevye_voyny_i_tekhnologii/

¹² Синявский В. К., Верещагин С. И. Солдат XXI века на пути создания.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

- ¹⁷ ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации». 2014. 28 июня. С. 12–13.
- ¹⁸ Политика оценки рисков/угроз в Восточном регионе ENPI / Европейская комиссия. Брюссель. 21.12.2010. Рабочий документ (SEC). С. 12.
- ¹⁹ Там же. С. 29.
- ²⁰ Там же. С. 30.
- ²¹ Там же. С. 31.
- ²² Там же. С. 32.
- ²³ *Выжutowич В.* Стоит ли бояться одиночества? // Российская газета. 2014. 10 сентября. С.11.
- ²⁴ *Ефременко Д.* За флажки // Россия в глобальной политике. 2014. Май–июнь. С. 13.
- ²⁵ *Кашеварова А.* Президент взял ВПК на себя // Известия. 2014. 11 сентября. С. 2.
- ²⁶ *Малышев В. П., Макиев Ю. Д., Богатырев Э. Я.* Методологические подходы к анализу военно-политических рисков // Проблемы анализа риска. 2013. Т. 10. № 6. С. 28.
- ²⁷ *Герасимов А. В.* Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm> / См.: Чечня: от конфликта к стабильности: Проблемы реконструкции / Ин-т этнол. и ан-тропол. им. Миклухо-Маклая РАН и др. — М., 2001. — С. 22–23.
- ²⁸ *Корнилов В.* Написан сценарий войны между Россией и Украиной. 2009. 25 апреля / Эл. ресурс: «Украинские новости» / <http://newzz.in.ua/main/1148829085-napisan-scenarij-vojny-mezhdu-rossiej-i.html>
- ²⁹ *Герасимов А. В.* Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» / <http://www.президент.рф>. 2014. 30 июня.
- ³² *Герасимов А. В.* Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>
- ³³ *Мямлин К.* Сетецентричные войны. Новая (сетевая) теория войны / ИВК. 2014. 7 октября / http://communitarian.ru/publikacii/setevye_войny_i_tekhnologii/
- ³⁴ *Полов И. М., Хамзатов М. М.* Новый характер войны: «облачный противник» Vs государства / Экспертно-аналитический центр «Эпоха».
- ³⁵ *Герасимов А. В.* Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ *Общая и прикладная политология* / под ред. Жукова В. И., Краснова Б. И. М., 1997. — С. 375–376.
- ³⁸ *Герасимов А. В.* Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Генеральный штаб Вооруженных Сил Российской Федерации. Центр военно-стратегических исследований, М., 2004. Военная безопасность Российской Федерации в XXI веке. Сборник научных статей под редакцией генерал-полковника Балуйевского Ю. Н. Прокофьев В. Ф. / К проблеме формирования основных понятий в области информационной безопасности / <http://www.csef.ru/files/csef/articles/719/719.pdf>. С. 389.
- ⁴² Там же. С. 388.
- ⁴³ *Торкунов А. В.* Мюнхен: предвоенные уроки нашему времени / ФСБ: За и против. 2009. № 2(5). С. 82–83.
- ⁴⁴ *Воробьев В. Я.* Новый шелковый курс // Россия в глобальной политике. 2014. Май–июнь. С. 147.
- ⁴⁵ Военная доктрина РФ. Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 // Российская газета. 2010. 10 февраля.
- ⁴⁶ *Герасимов А. В.* Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ См.: *Рыльская М. А.* К вопросу о проблеме урегулирования конфликтов // Проблемы деятельности ОВД и ВВ в экстремальных условиях: Сб. научн. тр. М.: ВНИИ МВД России, 1997. — С. 27.
- ⁵¹ *Герасимов А. В.* Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>
- ⁵² *Словарь по правам человека.* Под ред. А. Д. Джонгмана и А. П. Шмида. — М., 1996. — С. 5.
- ⁵³ *Герасимов А. В.* Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>

- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом. Стандарты и практика. — М., 2003. — С. 310.
- ⁵⁷ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ См.: Международный Комитет Красного Креста. Рабочие документы. М. 1999. С. 19.
- ⁶¹ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>
- ⁶² Виноградов П. Человечество учится воевать по-новому. 2014. 24 сентября / <http://topwar.ru/>
- ⁶³ Сценарии «Новый взгляд на будущее». Новый взгляд на быстро меняющийся мир «Шелл Интернэшнл БВ». 2013 / <http://www.shell.com.ru/scenarios>. С. 2.
- ⁶⁴ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/17-20.htm>
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Мухаметшина Е. На «Валдае» сменяются учредители повестка и главный смысл // Ведомости. 2014. 16 октября / <http://www.vedomosti.ru/>
- ⁷² Цит. по: Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 183.
- ⁷³ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/17-20.htm>
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ <http://mapinmap.ru/wp-content/uploads/2014/06/image34.jpg>
- ⁷⁶ Откуда переселялись в США в 1910 году и кто иммигрирует в США сейчас? / <http://mapinmap.ru/archives/2100>
- ⁷⁷ Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/17-20.htm>
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Общая тактика: учебное пособие. В. Н. Зарицкий, Л. А. Харкевич / <http://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2007/harkev2.pdf>.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Там же. С. 59.
- ⁸² Герасимов А. В. Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/17-20.htm>
- ⁸³ Кокошин А. А. Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник А. А. Свечин. М.: МГУ. 2013. С. 231.
- ⁸⁴ Бояркина А. В. Новая модель международных отношений КНР / Актуальные вопросы подготовки специалистов международного профиля: смена парадигм. В24. Часть 2 / [отв. ред. Е. В. Воевода]. МГИМО(У). — М.: МГИМО(У). 2014. С. 19.
- ⁸⁵ Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). М.: АСТ, 2011. С. 9.
- ⁸⁶ Украина, Грузия, Молдавия: путь в НАТО через Европейский союз. К саммиту НАТО в Уэльсе 4–5 сентября 2014 года. М. 2014. 1 сентября. С. 12 / http://interaffairs.ru/i/Center_of_International_Studies_and_Journalism.pdf
- ⁸⁷ Baker, Peter In Cold War Echo, Obama Strategy Writes Off Putin // New York Times. 19.04.2014. www.nytimes.com/2014/04/20/world/europe/in-cold-war-echo-obama-strategy-writes-off-putin.html?r=0
- ⁸⁸ Twin Pillars of the Atlantic Alliance, Group of Policy Experts report to the NATO Secretary General // Collective Defence and Common Security. June 2014. www.nato.int/nato-static/assets/pdf/pdf_2014_06/20140606_140602-peg-collective-defence.pdf
Russian Aggression Prevention Act // US Congress. <https://beta.congress.gov/113/bills/s2277/BILLS-113s2277is.pdf>
- ⁸⁹ Towards the next Defence and Security Review: Part Two — NATO // House of Commons Defence Committee. www.publications.parliament.uk/pa/cm201415/cmselect/cmdfence/358/358.pdf
- ⁹⁰ См. подробнее: Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. ТТ. I–III. М.: МГИМО(У), 2011–2013 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аватков В.* Турецкое «Видение–2023»: от слов к делу / Эл. ресурс: «Портал МГИМО». 2014. 14 октября / <http://www.mgimo.ru/>
2. *Антонов А. И.* Международно-правовое регулирование военно-космической деятельности // Вестник МГИМО(У). 2012. № 4(25).
3. *Арбатов А. Г., Дворкин В. Н.* Большой стратегический треугольник. М.: Центр Карнеги, 2013.
4. *Балуевский Ю. Н., Хамзатов М. М.* Глобализация и военное дело // Независимое военное обозрение. 2014. 12 августа.
5. *Блинов А.* Обама меняет стратегию // Независимая газета. 2010. 24 мая.
6. *Бочарников И. В., Лемешев С. В., Люткене Г. В.* Современные концепции войн и практика военного строительства. М.: Экон-информ, 2013.
7. *Бояркина А. В.* Новая модель международных отношений КНР / Актуальные вопросы подготовки специалистов международного профиля: смена парадигм. В24. Часть 2 / [отв. ред. Е. В. Воевода]. МГИМО(У). — М.: МГИМО(У). 2014.
8. *Вернадский В. И.* Война и прогресс науки <http://softporain013.pp.ru/?page=lending&type&=book&size=1&text=pdf&ma63-76-v-i-vernadskij-vojna-progress-nauki-pdf.pdf>. С. 76.
9. *Виноградов П.* Человечество учится воевать по-новому. 2014. 24 сентября / <http://topwar.ru/>
10. *Владимиров А. И.* Основы общей теории войны в 2 ч. Основы теории войны. М.: Синергия, 2013.
11. Военная доктрина Российской Федерации / <http://www.femida.info/14/4007.htm>
12. Война и мир в терминах и определениях / под общ. ред. Д. О. Рогозина. М. 2004 / <http://www.voina-i-mir.ru/>
13. *Воробьев В. Я.* Новый шелковый курс // Россия в глобальной политике. 2014. Май–июнь.
14. *Выжutowич В.* Стоит ли бояться одиночества? // Российская газета. 2014. 10 сентября.
15. *Герасимов А. В.* Внутренние вооруженные конфликты в современном мире: политико-правовой анализ / Проблемы местного самоуправления. 2004. № 4 (16) / <http://www.samoupravlenie.ru/16-24.htm>
16. Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры / Публикация национального Совета по разведке США. Вашингтон, 2013. Декабрь.
17. *Горбунов В., Богданов С.* Вооруженная борьба будущего. Некоторые характерные черты ее содержания / Российское военное обозрение № 1 (60) январь 2009 г. / <http://www.coldwar.ru/rvo/012009/voorujennaja-borba-buduschego.php>
18. *Гундаров В.* Новый рубеж обороны России пройдет по Северному полюсу // Независимая газета. 2014. 11 сентября.

19. Десять лет без Договора по ПРО. Проблема противоракетной обороны в российско-американских отношениях: науч. докл. / [Рогов С. М. и др.]. М. Спецкнига, 2012.
 20. Доклад министра обороны Президенту и Конгрессу США за 2001 год. — М.: МО РФ, 2002.
 21. *Евдаков В. И., Домрачев В. Б.* Взгляды на применение вооруженных сил США в войнах начала XXI века // Вестник академии военных наук. № 2. 2008.
 22. *Ефременко Д.* За флажки // Россия в глобальной политике. 2014. Май–июнь.
 23. *Зеркалов Д. В.* США. НАТО. ЕС. Эскалация войн / <http://www.zerkalov.org/files/sha-187.pdf>.
 24. *Капитанец И. М.* Флот в войнах шестого поколения. М.: Вече, 2003.
 25. *Капица Л. М.* Индикаторы мирового развития. Второе издание. М.: МГИМО(У), 2008.
 26. *Кашеварова А.* Президент взял ВПК на себя // Известия. 2014. 11 сентября.
 27. Когнитивная школа: построение стратегии как ментальный процесс / Эл. ресурс: «Менеджмент». 2004. 18 июня / <http://www.management.com.ua/strategy/str088.html>
 28. *Козин В.* «Новая» ядерная стратегия США и ее последствия для России // Международная жизнь. 2013. Сентябрь.
 29. *Кокошин А. А.* Выдающийся отечественный военный теоретик и военачальник Александр Андреевич Свечин. М.: Изд-во МГУ. 2013.
 30. *Колесниченко К. Ю.* Армия и политика: теория и практика прикладного политического анализа : монография / К. Ю. Колесниченко. — Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2014. С. 72 / http://www.ojkum.ru/res/kolesnichenko_2014.htm
 31. *Колин К. К.* Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке / Аналитический центр стратегических исследований «Сокол». Стратегические приоритеты международный научно-аналитический журнал. Вып. 1. М. 2014. С. 22 / <http://acsi.bos.ru/blok.pdf>
 32. *Корнилов В.* Написан сценарий войны между Россией и Украиной. 2009. 25 апреля / Эл. ресурс: «Украинские новости» / <http://newzz.in.ua/main/1148829085-napisan-scenarij-vojny-mezhdu-rossiej-i.html>
 33. *Кошкин Р. П.* Современные угрозы для национальной безопасности России и космические информационные системы / Аналитические материалы. Вып. 3. М.: Изд-во «Стратегические приоритеты», 2014.
 34. *Кузык Б. Н., Кушлин В. И., Яковец Ю. В.* Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011.
 35. *Кутлалиев А.* Принцип двоеверия // Независимая газета. 2013. 17 декабря. С. 15.
 36. Лавров: истинная цель санкций — заставить Россию принять позицию Запада. ИТАР-ТАСС, 2014. 19 октября / <http://itar-tass.com/politika/1517691>
 37. *Литовкин В.* Без Генштаба нет армии / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2014. 26 января / <http://topwar.ru>
 38. *Лукин А.* Токио — Пекин: психология конфликта / Эл. Ресурс. Портал МГИМО(У). 2012. 3 октября / <http://www.mgimo.ru>
 39. *Малышев В. П., Макиев Ю. Д., Богатырев Э. Я.* Методологические подходы к анализу военно-политических рисков // Проблемы анализа риска. 2013. Т. 10. № 6. С. 28.
 40. *Маркелл Ф. Б.* Калькулятор стратегического сдерживания // Независимая газета. 2012. 31 августа.
 41. *Матвиенко Ю. А., Ковалёв В. И., Малинецкий Г. Г.* Концепция «сетевидной» войны для армии России: «множитель силы» или ментальная ловушка? / <http://www.csef.ru/index.php/ru/oborona-i-bezopasnost/project/348-novoe-v-voennom-dele/1-stati/4277-kontseptsiya-setetsentricheskoj-vojny-dlya-armii-rossii-mnozhitel-sily-ili-mentalnaya-lovushka>
 42. Международный Комитет Красного Креста. Рабочие документы. М. 1999.
 43. *Мехдиев Э. Т.* Сотрудничество стран-участниц ТС и ЕЭП в энергетической сфере. Аналитическая записка. М.: ИМИ МГИМО(У), 2014. Август.
 44. МИД РФ расценил санкции США как новый вид наступательного оружия / Информационный ресурс: «Интерфакс». 2014. 4 июля / <http://www.interfax.ru/russia/384051>
 45. *Мочульский А. Ф.* Пекин и иранская проблема. Аналитические записки ИМИ МГИМО(У). М. 2012. Декабрь.
-

46. Мухаметшина Е. На «Валдае» сменяются учредители повестка и главный смысл // Ведомости. 2014. 16 октября / <http://www.vedomosti.ru/>
47. Мямлин К. Сетевые войны. Новая (сетевая) теория войны / ИВК. 2014. 7 октября / http://communitarian.ru/publikacii/setevye_voyny_i_tekhnologii/
48. На Россию наступают с Севера? / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2012. Август / <http://topwar.ru>
49. Национальная безопасность России / ЦИРКОН. Пресс-релиз. 2011. 28 февраля.
50. Нетрадиционные военные действия сил специального назначения. Учебное пособие. № 18-01. ТС 18-01. 2010. 30 ноября.
51. Общая и прикладная политология / под ред. Жукова В. И., Краснова Б. И. М., 1997.
52. Общая тактика: учебное пособие. В. Н. Зарицкий, Л. А. Харкевич / <http://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2007/harkev2.pdf>.
53. Ограниченная война»: концепция современных и будущих военных конфликтов / Эл. ресурс: Портал «Современная армия». 2012. 14 июня / <http://www.modernarmy.ru/article/175>
54. Откуда переселялись в США в 1910 году и кто иммигрирует в США сейчас? / <http://marinmap.ru/archives/2100>
55. Переслегин С., Переслегина Е. Дикие карты будущего, или «Сталинград» (фрагмент). М.: АСТ, 2011.
56. Погодин Ю. И., Иванов П. Е. Мобилизационная подготовка и здравоохранение. М. 2006.
57. Подберезкин А. И. Военно-политический и стратегический характер современных внешних и внутренних военных угроз и возможный прогноз до 2020 и 2030 годов / <http://www.nasled.ru/?q=node/3226>
58. Подберезкин А. И. Военные угрозы России. М.: МГИМО(У), 2014.
59. Подберезкин А. И. Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО(У), 2013.
60. Подберезкин А. И. и др. Долгосрочное прогнозирование развития международной обстановки. Аналитический доклад. М.: МГИМО(У). 2014. Август.
61. Подберезкин А. И. Идеология опережающего развития человеческого капитала. Национальный человеческий капитал. Т. I. М.: Европа, 2007.
62. Подберезкин А. И. Международная безопасность в XXI веке и модернизация России / Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. Т. II. М.: МГИМО(У), 2012.
63. Подберезкин А. И. Международная безопасность как следствие идеологической парадигмы мирового развития / Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО(У), 2011. Т. II.
64. Подберезкин А. И. Национальный человеческий капитал. ТТ. I–III. М.: МГИМО(У), 2011–2013 гг.
65. Подберезкин А. И. Русский Путь. Всероссийское общественно-политическое движение «Духовное наследие». РАУ-корпорация. М. 1996;
66. Подберезкин А. И. Стратегия для будущего президента России: Русский Путь. М.: РАУ-Университет, 2000.
67. Подберезкин А. И. Сценарии и прогнозы развития МО / Эл. ресурс: «Рейтинг персональных страниц». 2014.10.09 / <http://viperson.ru/>
68. Подберезкин А. И., Стреляев С., Хохлов О. Ятребов Я. Секреты российской приватизации. М. 2004.
69. Подберезкин А. И. Через духовность к возрождению отечества // Свободная мысль. 1995. № 5.
70. Политика безопасности на фоне украинского кризиса: с Россией нельзя на «ты»? («DeutscheWelle», Германия) / Эл. ресурс «Военное обозрение». 2014. 10 октября / <http://topwar.ru/60121-politika-bezopasnosti-na-fone-ukrainskogo-krizisa-s-rossiey-nelzya-na-ty-deutsche-welle-germaniya.html>
71. Политика оценки рисков/угроз в Восточном регионе ENPI / Европейская комиссия. Брюссель. 21.12.2010. Рабочий документ (SEC).
72. Попов И. М. В Киеве точка возврата пройдена. Ситуация на Украине глазами военного аналитика // Независимое военное обозрение. 2014. 31 января / <http://www.milresource.ru/Ukraine.html>
73. Попов И. М. Доклад «Война это мир: невоенные аспекты обеспечения безопасности государства» на открытии Дней науки 2014 «Современные аспекты международной безопасности». МГИМО. 2014. 9 апреля / <http://eurasian-defence.ru/node/30886>

74. Попов И. М., Хамзатов М. М. Новый характер войны: «облачный противник» Vs государства / Экспертно-аналитический центр «Эпоха» / <http://maximus67.livejournal.com/1203032.html>
75. Путин В. В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. 2012. 20 февраля.
76. Рогов С. М. ПРО для США стала религией // Независимая газета. 2012. 7 июля.
77. Российский боевой самолет 6-го поколения создадут через 12 лет / Эл. ресурс: «ЦВПИ». 2014. 16 июля / <http://eurasian-defence.ru/>
78. Рыбас С. Громыко: война, мир, дипломатия. М.: Молодая гвардия, 2011.
79. Рыльская М. А. К вопросу о проблеме урегулирования конфликтов // Проблемы деятельности ОВД и ВВ в экстремальных условиях: Сб. научн. тр. М.: ВНИИ МВД России, 1997.
80. Селиванов Ю. Стратегический цугцванг США / Эл. ресурс: «Регнум». 2014. 16 октября / <http://www.regnum.ru/news/polit/1857395.html>
81. Синявский В. К., Верещагин С. И. Солдат XXI века на пути создания.
82. Скосырев В. США создают противокитайский ракетный щит // Независимая газета. 2012. 24 августа. С. 1, 4.
83. Словарь по правам человека. Под ред. А. Д. Джонгмана и А. П. Шмида. — М., 1996.
84. Созинов П. А. Направления развития системы воздушно-космической обороны Российской Федерации. Доклад. М.: Алмаз-Антей. 2014. Май. С. 2.
85. Стратегический глобальный прогноз 2030 / под ред. акад. А. А. Дынкина / ИМЭМО РАН. М.: Магистр. 2011.
86. Стратегическое ядерное оружие России и США / Эл. СМИ. Газета «Взгляд». 2009. 21 мая / <http://vz.ru/infographics/2009/5/21/289078.html>
87. Сулакишин С. С. О существовании и познаваемости будущего / Футурологический конгресс: будущее России и мира: материалы научной конференции 4 июня 2010 г. М.: Научный эксперт, 2010.
88. Сценарии «Новый взгляд на будущее» Новый взгляд на быстро меняющийся мир «Шелл Интернешнл БВ», 2013 / <http://www.shell.com/scenarios>.
89. США испытали противоракету для ЕвроПРО / Эл. СМИ «Взгляд». 2012. 27 июня / <http://vz.ru/news/2012/6/27/585761.html>
90. Тарасенко П. Растрата доверия // Коммерсант. 2014. 10 сентября.
91. Торкунов А. В. Мюнхен: предвоенные уроки нашему времени / ФСБ: За и против. 2009. № 2(5). С. 82–83.
92. Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010.
93. Тренды и сценарии развития мировой энергетики в первой половине XXI века / А. М. Белогорьев, В. В. Бушуев и др. М.: ИД «Энергия», 2011.
94. Тухачевский М. Н. Война классов: статьи 1919–1920 гг. М.: Госиздат. 1921.
95. Украина, Грузия, Молдавия: путь в НАТО через Европейский союз. К саммиту НАТО в Уэльсе 4–5 сентября 2014 года. М. 2014. 1 сентября. С. 12 / http://interaffairs.ru/i/Center_of_International_Studies_and_Journalism.pdf
96. Устинов В. В. Международный опыт борьбы с терроризмом. Стандарты и практика. — М., 2003.
97. Фаляхов Р. «Россия потеряла сто триллионов рублей». Интервью «Газеты.Ru» с советником президента РФ Сергеем Глазьевым / Эл. ресурс: «Газета». 2014. 5 сентября / http://www.gazeta.ru/growth/2014/09/04_a_6203541.shtml
98. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» / <http://www.президент.рф>. 2014. 30 июня.
99. Фон-Богуславский А. Размышления о стратегии / В кн.: Стратегия в трудах военных классиков. М.: Изд-во «Финансовый контроль». 2003. С. 507.
100. Фрэнк Г. Хоффман. Гибридные угрозы: переосмысление изменяющегося характера современных конфликтов / http://www.intelros.ru/geopolitika/2013_XXI/4.pdf.
101. Футурологический конгресс: будущее России и мира. М.: Научный эксперт. 2010. 4 июня.
102. Чувакин О. Семёрка, да не та! 2014. 10 октября / <http://topwar.ru/59962-semerka-da-ne-ta.html>
103. A summary of SIPRI Yearbook 2013. P. 4 / <http://www.sipri.org/yearbook/2013/filis/SIPRIYB13Summary.pdf>

104. Baker, Peter In Cold War Echo, Obama Strategy Writes Off Putin // New York Times. 19.04.2014. www.nytimes.com/2014/04/20/world/europe/in-cold-war-echo-obama-strategy-writes-off-putin.html?r=0
105. Domlion T. The United States and the Asia-Pacific in 2013 // The Asia Society. N-Y., 2013, March, 11.
106. Наземтова М. Д. Россия противодействует расширению системы ПРО США с моря. 2012. 17 ноября / <http://rostend.su/?q=node/340>
107. Russian Military Capability in a Ten-Year Perspective — 2013 / Jakob Hedenskog and Carolina Vendil Pallin (eds) FOI-R--3474--SE December 2013 / http://www.foi.se/ReportFiles/foir_3474.pdf. P. 111.
108. Russian Military Capability in a Ten-Year Perspective — 2013 / Jakob Hedenskog and Carolina Vendil Pallin (eds) FOI-R--3474--SE December 2013 / http://www.foi.se/ReportFiles/foir_3474.pdf. P. 114.
109. Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., NDLJ, 1997. — Internet.
110. Towards the next Defence and Security Review: Part Two — NATO // House of Commons Defence Committee. www.publications.parliament.uk/pa/cm201415/cmselect/cmdfence/358/358.pdf
111. Towards the Next Defense and Security Review: Part Two — NATO, HC 358. 2014. 31 July.
112. Twin Pillars of the Atlantic Alliance, Group of Policy Experts report to the NATO Secretary General // Collective Defence and Common Security. June 2014. www.nato.int/nato-static/assets/pdf/pdf/2014/06/20140606140602-peg-collective-defence.pdf Russian Aggression Prevention Act // US Congress. <https://beta.congress.gov/113/bills/s2277/BILLS-113s2277is.pdf>
113. Ukraine must be a wake-up call for NATO. 2014. 31 July / <http://www.parliament.uk/>

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово Председателя Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации С. Е. Нарышкина.	3
Вступительное слово Генерального директора ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“» Я. В. Новикова	5
Список используемых сокращений и аббревиатур.	7
Понятийный аппарат	9
Введение	17
Глава 1. Анализ и прогноз стратегической обстановки, характера войн и конфликтов	19
1.1. Основы анализа стратегической обстановки и характера будущих войн и военных конфликтов	19
1.2. Субъективность как основная характерная черта при анализе и прогнозе стратегической обстановки	22
1.3. Характеристика возможных сценариев развития стратегической обстановки до 2030 и 2050 годов	26
1.4. Сценарии развития стратегической обстановки как логическое и субъективное продолжение развития сценариев МО и ВПО	35
1.5. Стратегия сетевой войны как попытка обеспечения контроля над всеми участниками стратегической обстановки в мире.	41
1.6. Доминирующий сценарий формирования и развития стратегической обстановки по отношению к России как противостояние ведущих локальных цивилизаций	46
1.7. Стратегия реализации доминирующего сценария формирования стратегической обстановки по отношению к России	50
1.8. Сценарий развития глобальной стратегической обстановки в качестве последствия создания системы ПРО США	51
1.9. Сценарии возможного формирования стратегической обстановки на базе военного конфликта в Юго-Восточной Азии	56
1.10. Сценарии развития стратегической обстановки на базе создания воздушно-космического ТВД.	59
1.11. Сценарии развития стратегической обстановки на базе возможных военных конфликтов за Арктику и транспортные коридоры	61
Глава 2. Возможный характер международных войн и военных конфликтов в 2030-х и 2050-х годах XXI века	71
2.1. Фазовые изменения в характере международных войн XXI века.	72
2.2. Субъективность в анализе вероятного характера войн и вооруженных конфликтов ..	78
2.3. Гипотетический субъективный характер сценария войны в 2014 году между Россией и США: новое качество и значение.	84

2.4. Основные тенденции в эволюции характера международных войн и вооруженных конфликтов в XXI веке	89
2.5. Основные особенности современного «переходного периода» в характере международных войн и военных конфликтов	94
2.6. Существующие представления в России о будущих войнах	97
2.7. Возможные особенности будущего характера международных войн и внешних конфликтов.	105
2.8. Возможная военная специфика характера международных войн и конфликтов к 2030-м годам XXI века	111
2.9. Возможный характер международных войн и военных конфликтов после 2050-х годов XXI века.	114
Глава 3. Возможный характер внутренних войн и внутренних военных конфликтов в 2030-х и 2050-х годах XXI века	123
3.1. Анализ и стратегический прогноз внутренних войн и военных конфликтов.	125
3.2. Некоторые методики анализа и стратегического прогноза внутренних войн и военных конфликтов	130
3.3. Взаимосвязь внешнего и внутреннего военного конфликта в XXI веке.	137
3.4. Вероятный характер внутренних войн и военных конфликтов к 2030 годам XXI века: современные представления и прогноз	141
3.5. Внутренняя война и вооруженный конфликт: современное состояние и перспектива эволюции.	145
3.6. Внутренние вооруженные конфликты и перспективы их эволюции в XXI веке	152
3.7. Будущее внутренних военных конфликтов	155
3.8. Возможный характер внутренних войн и военных конфликтов в долгосрочной перспективе после 2050 годов XXI века	162
Список используемой литературы	169

Научное издание

**ПОДБЕРЕЗКИН Алексей Иванович,
МУНТЯН Михаил Алексеевич,
ХАРКЕВИЧ Максим Владимирович и др.**

**Долгосрочные сценарии развития стратегической
обстановки, войн и военных конфликтов
в XXI веке**

Аналитический доклад

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция маркировке не подлежит

Компьютерная верстка *А. С. Туманова*
Оформление *В. С. Поляничева*

Подписано в печать 21.11.2014.
Формат 60x84 $\frac{1}{8}$. Усл.-изд. л. 21,87.
Тираж 1000 экз. Первый завод 50 экз. Заказ № 1056

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76